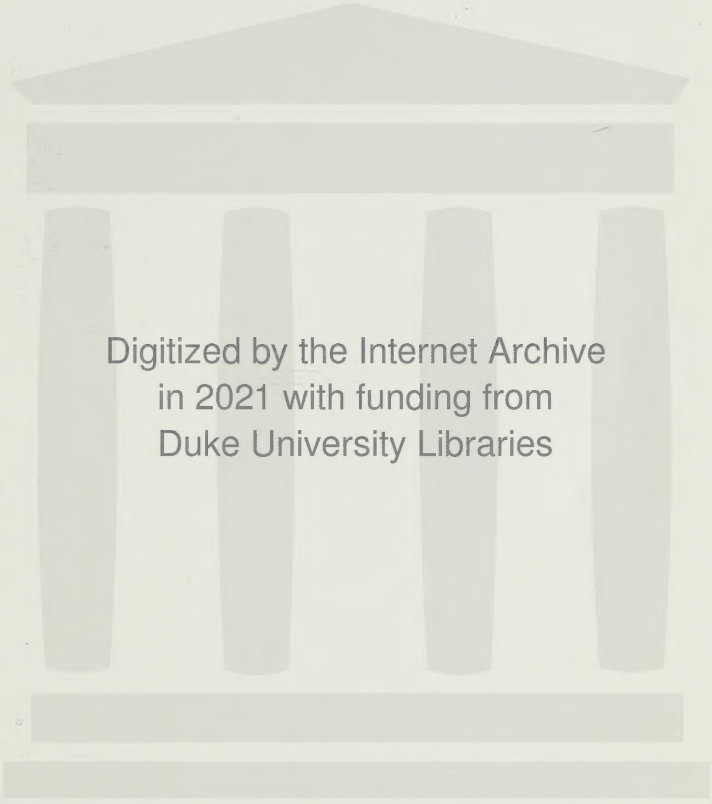
DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY


Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/trudzhenshchinyv01koll

Kollontai, Aleksandra Mikhailovna

А. КОЛЛОНТАЙ

ТРУД ЖЕНЩИНЫ В ЭВОЛЮЦИИ ХОЗЯЙСТВА

(Лекции, читанные в Университете имени Я. М. Свердлова)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1923 — ПЕТРОГРАД

ГЛАВЛИТ Москва № 6588.

Гиз. 4231. Тираж 10.000 экз.

Трудовой Рабочий Кооператив „Печатный Техник", Б. Якиманка, д. 32.

331.4
К81Т

Лекция первая.

Роль и положение женщины при первобытном коммунизме.

Сегодня мы начнем цикл лекций по вопросу о „Положении женщины в связи с развитием форм хозяйства". Между положением женщины в обществе и семье и ступенями хозяйственного развития общества существует самая тесная и неразрывная связь. Вам, будущим работникам по привлечению работниц и крестьянок к строительству новых форм хозяйства, а значит и жизни, необходимо понять эту связь, уяснить себе ее существование. В вашей работе вам нередко придется встречаться с возражениями, что изменить положение и условия жизни женщин — немыслимо. Вам будут говорить, что эти условия вытекают из особенностей пола. Когда вы будете бороться против неравенства женщин, когда вы захотите их освободить от тягот современной семьи, когда вы будете стремиться внести больше равноправности в отношении между полами, — вам будут приводить старые, но всегда повторяющиеся доводы, будто бесправие и неравенство женщины неизменно уже по одному тому, что оно освящено историей, что зависимость женщины, ее подчиненность мужчине существовала всегда, всегда и останется. Так жили наши прародители, так будут жить и наши внуки.

Вот против этих-то доводов лучшим возражением является сама история, история развития человеческого общества, знакомство с фактами прошлого, с тем, как оно было в действительности. Знакомство с тем, что было на заре человеческого общества много тысячелетий тому назад, убедит вас, что неравноправность женщины, ее подчиненность мужчине не всегда существовала, что были времена, когда женщина считалась вполне равноценной мужчине и были даже периоды, когда за женщиной признавалось известное главенство. Познакомившись поближе с видоизменяющимся положением женщины на разных сту-

пенях развития общества, вы убедитесь ясно и наглядно, что современное женское бесправие, отсутствие самостоятельности, отсутствие прав в семье и обществе вовсе не связано с особыми природными свойствами женщины и не вытекают из того, что ум ее ниже по качеству ума мужчины. Истинная причина бесправия, зависимости, неравенства женщины кроется не в природных свойствах женщины, а в характере того труда, который выпадает на ее долю в обществе. Советую вам внимательно проглядеть первые главы книги Бебеля „Женщина и социализм". Бебель здесь доказывает ту мысль, которая положена в основу и нашей беседы, что между ролью женщины в производстве и ее положением в обществе существует самая тесная, органическая связь. Это своего рода экономическо-социальный закон. И его вам следует твердо усвоить. Тогда вам много легче будет разобраться во всех проблемах, т.-е. вопросах, связанных с задачей всестороннего раскрепощения женщины.

Многие думают, что в прошлом, когда человечество находилось еще в состоянии дикости, варварства, женщине жилось еще хуже, чем теперь, что тогда-то она была поистине рабой. Это неверно. Было бы ошибкой предполагать, что раскрепощение женщины связано с ростом культуры, знания, что чем цивилизованнее народ, тем лучше, свободнее живется женщине. Так могут учить только буржуазные ученые, мы же знаем, что не культура и просвещение освобождают и раскрепощают женщину, а система хозяйства, при которой женщина привлекается к полезному, производительному труду на весь общественный, трудовой коллектив. Такой системой хозяйства является коммунизм.

Положение женщины всегда определяется теми обязанностями, какие на нее возлагает хозяйство на данной ступени развития. В былые, далекие времена первобытного коммунизма (вам должен быть известен первобытный коммунизм из лекций по истории развития хозяйства), в те отдаленные от нас века, когда не было еще частной собственности и человечество бродило по земле, разбитое на малые человеческие стада, роды,—в те времена неравенства между положением мужчины и женщины не было. Люди жили охотой, собирали дико-растущие растения, плоды. На этой ступени развития первобытного человека много десятков и даже сотен тысячелетий тому назад роль мужчины и роль женщины ничем не отличались друг от друга. Любопытно и важно также отметить, что по исследованию ученых антропологов, на более низкой ступени развития че-

ловечества, т.-е. тогда, когда человек жил охотой, физические свойства женщины, ловкость и сила мало разнились от физических свойств мужчины.

Многие отличительные черты женщины—развитие груди, тонкая талия, большая округлость форм тела и слабость мускулов—получили свое развитие много позднее, по мере того, как женщины из поколения в поколение переводились на роль преимущественно „самки", производительницы рода. У дикарей и сейчас трудно издали отличить женщину от мужчины, груди мало развиты, таз уже, мускулатура сильнее обозначена. То же было и в эпоху первобытного коммунизма, когда женщина весьма мало отличалась от мужчины и по своей физической силе и по выносливости.

Деторождения лишь на относительно короткое время прерывали обычные ее занятия—охоту, собирание плодов—совместно с первобытным коллективом, родом. Так же, как и остальные ее сотоварищи по человеческому стаду, как ее братья, сестры, дети и родители, она принуждена была из простого чувства самосохранения помогать роду отражать нападение самого страшного в те времена врага—хищного зверя; так же, как и весь род, она искала и собирала запасы плодов.

В те времена не было и не могло создаться зависимости женщины от мужчины или неравенства в правах. Неравноправности не было потому, что и вообще-то в те времена не было ни прав, ни законов, ни разделения имущества; зависимости от мужчины не было потому, что сам мужчина всецело зависел от коллектива, от рода. Род решал, род диктовал,—кто не подчинялся воле коллектива, рода, тот обречен был на гибель, на голодную смерть, на растерзание хищникам. От грозного и могучего врага, человека, в те далекие времена—хищника, спасало лишь крепкое сообщество, коллектив, род. Чем теснее спаян был коллектив, тем больше в нем все члены рода подчинились воле коллектива; чем дружнее они действовали против общего врага, тем успешнее шла борьба, тем вернее выживал род. Равенство и первобытная солидарность—спайка рода—служили лучшим средством самообороны. Поэтому подчиненности, зависимости одного члена рода от другого на той первоначальной ступени развития хозяйственного быта человечества и не могло возникнуть. Женщина в эпоху первобытного коммунизма еще не знала рабства, зависимости, неравенства, как не знало тогда человечество, что такое класс, эксплоатация труда и частная собственность. Так существовало человечество многие тысячелетия, может быть, сотни тысячелетий.

Картина видоизменяется на последующей ступени развития человечества. После долгих поисков за лучшим способом обеспечить свое существование, человечество длинной вереницей накопленного опыта дорастает до зачатков производительного труда и хозяйства. Одно племя по причинам географическим и климатическим, в зависимости от того, попадает ли племя в область лесистую или степную, оседает на землю, другое переходит к скотоводству. Это—новая степень развития хозяйства, следующая за первобытной охотой и собиранием дико растущих плодов. Человечество, в связи с этой новой формой хозяйства, создает и новые формы социального общения.

Сравним положение женщины в племенах, живущих в одну и ту же эпоху, т.-е. одновременно, но имеющих различные формы хозяйства. Одно племя, попавшее в область лесистую, с небольшими полянками, удобными для пашни, осело на землю, стало земледельческим. Другое, охотившееся в степной местности, где много диких стад буйволов, лошадей и коз, стало племенем скотоводческим. Оба эти племени еще сохранили первобытный коммунизм, частная собственность в них еще не утвердилась. И все же женщина в обоих этих племенах занимает неодинаковое положение. В племени земледельческом женщина пользуется не только полным равенством, но порою она играет в этом племени и главенствующую роль. Среди кочевников-скотоводов, наоборот, постепенно растет и крепнет подчиненное, зависимое, подневольное положение женщины.

Долгое время в историко-экономической науке господствовало убеждение, что человечество обязательно прошло все этапы, все ступени хозяйственных форм развития: сначала род занимался охотой, потом скотоводством, наконец, земледелием и уже позднее ремеслами и торговлей. Такой упрощенный взгляд ошибочен. Позднейшие исследования социологов установили, что род нередко переходил непосредственно от первичного собирания плодов и охоты к земледелию, совершенно минуя скотоводство. Все зависело от того, в какие климатические, географические и природные условия попала данная группа людей.

Следовательно, в различных природных условиях уживались в одну и ту же эпоху две различные по типу формы хозяйства: первобытное земледелие и скотоводство. Установленный факт, что в земледельческих племенах женщина пользовалась значительно большим равенством. Некоторые земледельческие племена дорастали до признания положе-

ния матриархата (матриархат—греческое слово, которое означает главенство женщины-матери, носительницы рода). Наоборот, патриархат, т.-е. главенство отцовского права, власть старшего в роде мужчины, получило свое развитие у народов скотоводческих, у кочевников.

Чем вызывается и объясняется этот факт? Ролью женщины в хозяйстве. В земледельческих племенах главной производительницей в хозяйстве являлась женщина. Женщина—об этом свидетельствуют многие данные—первая набрела на мысль о хлебопашестве, она же—и первый „землероб". О роли женщины в первобытном хозяйстве есть много интересных фактов в книге „Материнское право" Марианны Вебер. Автор не коммунистка, но книга богата данными. К сожалению, она имеется лишь на немецком языке.

Набрела женщина на мысль о хлебопашестве вследствие того, что матерям, обремененным малолетними детьми, приходилось отставать от рода во время охоты, мать не поспевала за сочленами рода, да и ребенок являлся помехой в момент охоты. Женщину-мать с ребенком род оставлял в тылу. Ей приходилось дожидаться, пока род вернется с добычей. Добыть пищу было тогда делом нелегким. Порою приходилось ждать подолгу. Запасов пищи не было, надо было ее добывать собственными усилиями, выискивать средства, чтобы прокормить себя и детей. Ученые устанавливают, каким путем женщина, по всей вероятности, набрела на идею земледелия. Когда истощался запас плодов в той местности, где женщина ждала возвращения рода, она поневоле начинала выискивать пригодные для пищи злаки. Злаками она насыщала себя и кормила своего детеныша, размалывая злаки зубами—этими первыми жерновами. Часть собранных зерен просыпалась, падала на землю.

Возвратившись через некоторое время на то же место, женщина замечала, что просыпанные ею зерна дали ростки. Она примечала себе это место, зная, что ей выгодно вернуться туда, когда злаки созреют: не надо будет тратить силы на поиски пищи.

Она уже будет знать, где собрать наиболее обильную жатву. На опыте научились люди познавать, что оброненные на землю зерна дают всходы. На опыте познавали они, что, если землю взрыхлить, она даст лучший урожай. Опыт этот не раз забывался, надо было, чтобы личное знание передалось коллективу, чтобы оно стало достоянием рода. Надо было сделать его доступным молодым поколениям. Какую громадную, трудную работу мысли нужно было проделать человечеству, чтобы понять, усвоить такие понятные и про-

стие с нашей точки зрения вещи! Чтобы знание закрепилось в сознании коллектива, его надо было сделать обычаем.

Женщина была заинтересована в том, чтобы род или племя возвращалось к месту первой стоянки, где прорастали ею посеянные злаки. Она не умела убедить своих сородичей в правильности своего хозяйственного плана, она не умела словами за него агитировать и убеждать своих сородичей. Зато женщина способствовала установлению тех обрядов, обычаев и поверий, которые облегчали ей проведение этого плана. Устанавливался обычай: если род при полнолунии оставлял на полянке за ручьем матерей с детьми, то боги повелевали, чтобы род через столько-то оборотов луны снова же возвращался на эту же полянку. Кто этого не выполнит, того духи покарают. А так как род замечал, что если не слушаться примет женщин и не возвращаться к „злачному месту", то дети легче погибают, то он и начинал строго держаться обычая и верить в „мудрость" женщин.

Заинтересованная в том, чтобы с наименьшей затратой трудовой энергии получить наибольший результат, женщина набрела на мысль, что урожай тем полнее, чем рыхлее земля, куда брошены злаки. Сучковатыми палками, мотыгой, камнями, сидя на корточках, взрыхляла женщина полосы первобытной пашни. Это все же лучше обеспечивало человечество, чем скитанье по лесу в поисках плодов под вечной угрозой быть растерзанными хищником.

Материнство поставило женщину в особые условия среди членов рода, но, попав в эти условия, женщина набрела на новый великий двигатель хозяйственного развития человечества—на земледелие. И это открытие на долгие века определило ее роль в обществе и хозяйстве, поставив ее во главе рода.

Многие ученые считают, что и изобретение пользования огня, как хозяйственной силы, принадлежит женщине.

Оставаясь в тылу, в то время как род шел на охоту или войну с другим родом, женщины-матери (девушки и женщины, не имевшие детей, уходили с остальными членами рода) должны были так или иначе обеспечивать себя и детей от хищников. Наблюдения убеждали дикарей, что лучший защитник от хищников—огонь. Огонь первобытный человек научился добывать, высекая из камня оружие или первобытную каменную утварь. Уходя на охоту, род разводил костер для защиты детей и матерей. Священной обязанностью матерей являлось поддерживать пламя, отпугивающее

хищников. Оставаясь возле костра, в постоянном общении с огнем (мужчины видели в огне лишь священную, грозную и непонятную силу), женщина научилась познавать свойства огня и пользоваться им для своих нужд и при помощи этой силы облегчить, сберечь собственный труд. На костре она спаливала шерсть с козы или перья с дикого фазана, на костре она обжигала глиняную утварь и этим делала ее прочнее, на костре она жарила мясо и этим его сохраняла.

Женщина, прикрепленная к костру материнством, думала приручить силу огня, сделать его своим слугою. Но законы хозяйственного развития привели к другому. Пламя первобытного домашнего очага поработило самое женщину и на долгие века обратило ее в послушную и бесправную слугу кухонного очага...

Есть основание думать, что и первый шалаш был сооружен руками женщины для защиты детей от палящего солнца и холодных дождей. Женщины не только мотыгой взрыхляли почву, сеяли и собирали хлеб, не только строили жилища, но и первые начали заниматься ремеслами: набрели на способы пряденья и тканья, формирования глиняной посуды; они же для красы выводили на ней линии, что представляло собой попытку человечества к искусству, к зачаткам художества. Женщины соприкасались с травами, изучали их свойства, и наши пра-пра-прабабушки, женщины далеких от нас веков, были первыми врачами. В древних сказаниях и народных поверьях отражается прошлое. В Греции, языческом государстве, процветавшем две тысячи лет тому назад, первым лекарем считался не языческий бог медицины Эскулап, а его мать—Имута. Богинями целительного искусства были еще до них богини Геката и Диана. Древние норманны почитали богиню медицины Эйер. И сейчас нередко в глухих деревнях старухи считаются знахарками, а то и колдуньями. Те знания, которыми они обладали, не были доступны их мужьям, постоянно находившимся на охоте, на войне и занятиях, требующих мускульной силы, но где не было времени для созерцания, для наблюдений и для накопления ценного трудового опыта, навыков и знания свойств природы. „Ведунья“, ведьма происходит от слова „ведать, знать“. Знание было силой в руках женщины в те времена, и мужчины их чтили и невольно боялись в них этой силы. Таким образом на заре человечества, во времена первобытного коммунизма, женщина не только участвовала наравне с мужчиной, но и опережала его в ряде открытий и изобретений, обогащавших человеческий опыт

и знания и толкавших вперед развитие хозяйства и общества.

В накоплении знания и обогащения человеческой культуры женщина сыграла в свое время гораздо более значительную роль, чем это признает предвзятая буржуазная наука. Недостаточно подчеркивается и другое явление из области науки о человеке—та роль, какую сыграли женщины при развитии обезьяноподобных существ в человека. Своему стоячему положению, т.-е. тому, что из четверорукого человек стал двуногим, человечество до известной степени обязано женщине. Когда четверорукой прародительнице человека приходилось спасаться от нападавших на нее врагов, самка, чтобы удержать зацепившегося за ее шею детеныша, научалась придерживать его одной рукой. Но в таком случае ей приходилось принимать полустоячее или стоячее положение. Такое положение способствовало развитию головного мозга. Но женщина жестоко за это поплатилась: матка, по строению женского тела, не приспособлена к стоячему положению, отсюда—родовые муки, которых не знают четверорукие сородичи человека—обезьяны.

Сказание о Еве, сорвавшей плод познания „добра и зла" и за это поплатившейся родовыми муками, имеет за собой историческое обоснование.

Но вернемся к рассмотрению роли женщины в хозяйстве земледельческого рода.

В первобытных условиях земледелие не в состоянии прокормить население, оно дополняется охотой. Происходит естественное разделение труда: женщинам, как более оседлому элементу, поручается хлебопашество, мужчины продолжают заниматься охотою и войною, т.-е. грабежами соседних племен. Но так как земледелие дает более осязательные результаты, чем охота, так как добыча урожая поддается легче учету, чем рискованный и весьма неверный результат охоты или набега, то в основу хозяйственного расчета племени начинает браться землепашество.

Кто же являлся в те времена главным производителем земледельческой формы хозяйства?—Женщины. Естественно, что отношение рода к ней должно было быть почтительным, что труд ее, а значит и она сама, высоко ценились. И до сих пор в средней Африке имеются негритянские племена хлебопашцев, „балóнда", где женщина является и самым „почетным" членом коллектива. Об этом племени знаменитый английский путешественник Ливингстон рассказывает следующее: „Женщины заседают в народных советах; жених должен пересе-

ляться в деревню своей будущей супруги и жить там; при заключении брачного договора он обязуется содержать до смерти свою тещу; жена одна имеет право дать развод мужу, и все дети в таком случае остаются при матери; муж без дозволения жены не может входить ни с кем в обязательство, как бы незначительно оно ни было". И мужья до того уже свыклись со своим положением, что не обнаруживают никакой оппозиции. Жены же наказывают своих непокорных мужей лишением пищи, побоями и пощечинами. Кто пользуется „почетом", того обязаны слушаться остальные члены общины. Ливингстон говорит, что в племени „балонда" он несомненно наблюдал „гинекократию", т.-е. господство женщины. Это племя не единственное. Не только Ливингстон, но и другие исследователи жизни дикарей подтверждают, что у многих племен в Африке, там, где женщины пашут, засевают поля, строят хижины и вообще ведут деятельную трудовую жизнь, они не только пользуются полной свободой, но и превосходят мужей по уму. Мужчины в этих племенах от сиденья на хлебах своих жен изнеживаются, тупеют. „Они заняты доением коров и сплетнями", как сообщают о них исследователи. Древность дает нам немало примеров господства женщин. В ряде земледельческих племен дети ведут свою родословную не по отцу, а по матери, и наследуют (когда уже воцаряется частная собственность) не сыновья, а дочери. Отголоски этого древнего права мы находим и сейчас среди некоторых горцев Кавказа.

Авторитет женщины в земледельческих племенах усиливался и рос с течением веков. Женщина являлась главной хранительницей обрядов, а значит, и главной законодательницей. Соблюдение этих обрядов было необходимо, так как без них трудно было заставить всех членов рода беспрекословно подчиняться велениям старших в роде, велениям, которые вызывались хозяйственными задачами. В определенное время роду необходимо было сеять, в определенное время—собирать жатву, но объяснить логически, научно, почему так следует поступить, люди того времени не умели. Легче было сказать: так принято, так надо, таков завет предков, кто их не соблюдает—тот преступник. Блюсти же эти обряды было заботой старших в роде—женщин, матерей, убеленных опытом старух.

Разделение труда в земледельческо-охотничьих племенах вело к тому, что у женщин, остававшихся в тылу на производительной, хозяйственной работе, развивались ум, смекалка, наблюдательность, в то время как у мужчин, обязанность которых сводилась к охоте и войнам, закалялись лишь

мышцы, физическая ловкость и сила. На той ступени развития человечества женщина была духовно развитее мужчины, и в коллективе за ней, естественно, устанавливалось главенство — матриархат.

Не нужно также забывать, что рабочие руки, живая трудовая сила в те времена слабого накопления излишков являлась естественным источником благосостояния. Между тем народонаселение слабо возрастало, а рождаемость была сравнительно низка. Материнство поэтому ценилось высоко, женщина-мать в глазах первобытных племен приобретала великую ценность. Малое число рождений отчасти объясняется тем, что в родовых объединениях процветало кровосмешение, брак между близкими по крови людьми, а кровосмесительные браки, это доказано, понижают рождаемость и задерживают нормальное развитие рода.

Пока люди жили охотой и собиранием плодов, для них вопрос о количестве рабочих сил в роду не играл роли. Напротив, если род становился слишком большим, тогда ему труднее было пропитываться. Пока человечество жило собиранием плодов, случайной охотой, женщина, как мать, не ценилась. Дети и старики были бременем. Их уничтожали, иногда съедали. Но племенам, занятым производительным трудом, землепашцам, работники нужны. Женщина приобретает особую ценность, как существо, от которого исходит новая рабочая сила—ребенок. Материнство обоготворяется. Во многих древних языческих религиях высшее божество—женского рода. Например, богиня Изида в Египте, в Греции—Гея, т.-е. земля—источник всякой жизни, по мнению древних. Известный исследователь „гинекократии", т. е. господства женщины, Баховен доказывает, что в древних религиях женское начало преобладало над мужским; это свидетельствует о том значении, какое женщина имела для древнего человечества. Земля и женщины были главными, первичными источниками богатства. Свойства женщины и земли представлялись одинаковыми... И земля и женщина дарили жизнь, созидали, производили; считалось, что тот, кто обидит женщину, тот обидит землю... Худшим преступлением у древних считалось преступление против матери. Первыми жрицами, т.-е. служительницами языческих богов, являлись женщины. Не отцам, как было позднее, при других системах производства, а матерям принадлежало главенство над детьми. Память об этом главенстве женщины сохранилась во многих народных сказаниях и обычаях не только на Западе, но и на Востоке. Но не материнство является основной причиной главенствующего положения

женщины в роде хлебопашцев, а ее роль основного производителя в хозяйстве. Пока разделение труда вело к тому, что мужчина занимался подсобным промыслом— охотой, а женщина основным подспорьем рода—земледелием, о зависимости, о подчиненности женщины мужчине не могло быть и речи.

Что именно роль женщины в хозяйстве определяет ее права в социальном коллективе и в браке, вам станет особенно ясно, когда мы сопоставим положение женщин у хлебопашцев и в племени кочевников-скотоводов. Обратите внимание, что то же явление — материнство, т.-е. природная половая особенность женщины, при различных хозяйственных условиях приводит к различным результатам.

До нас дошло описание жизни языческих германцев. О них рассказывает древний историк Тацит. Это было племя земледельческое, здоровое, рослое, воинственное. Германцы, по словам Тацита, высоко чтили женщин, слушали их советов. Но у германцев как раз земледельческий труд лежал на плечах женщин. Таким же почетом пользовались женщины в земледельческой Чехии. Есть целое сказание о „мудрости Любуши", дочери одного из владетельных князей. Сестры ее, по преданию, одна занималась лечением, медициной, другая строила города. Когда Любуша всходит на престол, она берет со собой двух вещих дев, изучивших судейскую мудрость. И княжна эта, по преданию, правит демократически, она собирает голоса народа по всем важным вопросам. Позднее братья свергают Любушу с престола. Это сказание рисует нам ясно, что в народной памяти жило воспоминание о главенстве женщины, о временах матриархата, когда родом руководила женщина. Так как род жил коллективной жизнью, то и правление женщины в представлении народа совпадало с более счастливым и справедливым веком.

Каково же было положение женщины в скотоводческом племени? К скотоводству переходил тот охотничий род, который, с одной стороны, попадал в природные условия, благоприятствующие скотоводству, — широкие степи, богатые травяной растительностью, обилие дикого скота или табунов лошадей, а с другой, когда племя имело достаточное число сильных, смелых и ловких охотников, которые умели не только убить животное, но и изловить его живьем. Такими физическими свойствами чаще обладали мужчины, а женщины лишь до тех пор, пока они не являлись матерями. Материнство же ставило их в особые условия, вело к разделению труда по полу: пока мужчина и незамужняя девушка

или на охоту, на ловлю скота и диких лошадей, женщины-матери оставались в тылу стеречь уже захваченный скот. На их долю выпадала задача приручить скот и извлечь из него необходимую для племени пользу. Но эта хозяйственная задача подчиненная. Посудите сами: кого племя будет выше ценить с точки зрения интересов хозяйства: мужчину ли, поймавшего буйволицу, или женщину, которая научится эту буйволицу доить? Разумеется, первого, ведь благосостояние племени определяется количеством пойманного скота, следовательно, основным источником хозяйственного благополучия считается труд того, кто умеет увеличить численность скота.

Роль женщины в племени скотоводов, в области хозяйства, сводилась к роли подсобной. А раз женщина с точки зрения хозяйства не равноценна, раз ее труд менее производителен, т.-е. не увеличивает в той же мере благосостояния коллектива, укореняется взгляд, что женщина и во всем остальном не равноценна мужчине. При этом следует обратить внимание еще на одно обстоятельство: в племенах скотоводческих, на той подсобной работе, какую выполняла женщина—уход за скотом,—не было ни условий, ни надобностей развиваться тем оседло-трудовым навыкам, какие воспитывались у женщин хлебопашеских племен.

Прежде всего женщина, оставаясь в тылу охотничье-скотоводческого племени, никогда не страдала от недостатка запасов: скот, хранительницей которого являлись женщины, мог всегда служить для утоления голода матерей и детей, тут не надо было изобретать и изыскивать способы пропитания и средств увеличить запасы, как это выпадало на долю женщин охотничье-земледельческих племен. К тому же самый уход за скотом требовал много меньше смекалки, затраты ума, мышления, чем более сложная система полеводства в племени хлебопашцев.

В умственном отношении женщины в племенах скотоводческих не опережали мужчин, а в физическом отношении уступали мужчинам в силе и ловкости. Все это содействовало укреплению взгляда на женщину, как на существо малоценное. Чем богаче становилось племя скотом, тем больше низводилась женщина на роль прислужницы, или придатка при скоте, тем глубже шло разделение по полу. К тому же племена кочевников-скотоводов в гораздо большей мере, чем племена землепашцев, превращались в воинственные, грабительские орды.

Благосостояние земледельца основано на мирном труде. Багосостояние кочевника-скотовода покоится на захвате.

Сначала он захватывает одних животных, позднее грабит, разоряет соседние племена, захватывает их запасы, забирает пленных, которых обращает в своих рабов, заставляя работать на захватчиков. „Захватный брак", насильственный увоз женщин соседних племен проводился прежде всего среди воинственных кочевников-скотоводов. Захватный брак окрашивает собою целую полосу жизни человечества. Это явление, несомненно, также содействовало установлению неравноправности женщин. Захваченная насильно, вырванная из другого племени, не видя ниоткуда защиты, женщина чувствует себя особенно беспомощной, она во власти тех, или того, кто ее увез или взял в плен. С возникновением частной собственности захватный брак приводил к тому, что доблестный вояка нередко отказывался от вознаграждения со стороны племени в виде коровы, лошади, стада овец, а требовал себе в полную собственность женщину — рабочую силу. „Не надо мне ни быка, ни лошади, ни длинношерстных коз, отдайте мне в полное владение женщину, которую я захватил своими руками". Разумеется, момент захвата, увоза в качестве пленницы в чужое племя наносил удар равноправности женщины, ставил ее в зависимое, подчиненное, бесправное положение по отношению ко всему племени, и в частности, по отношению к захватчикам мужчинам. Но все же неправы те ученые, которые видят причину установления женского бесправия в форме брака. Не формы брака, а роль женщины в хозяйстве, вот где причина подневольного положения женщины среди пастушеских кочующих народов. У отдельных землепашеских племен существовал захватный брак; однако, этим еще не нарушались установившиеся в этом племени права женщин. Так, в истории известен случай похищения женщин из племени сабинян древними римлянами. Римляне были в то время земледельческим народом, и как раз у римлян, несмотря на то, что они, очевидно, занимались „умыканием" женщин, кражей себе жен из чужих племен, женщины почитались, пока Рим не перешел на иную систему хозяйства. Когда хотят указать на тип женщин, окруженных почитанием в семье и пользующихся известным почетом в обществе, и теперь еще говорят: „это — римская матрона". Позднее в Риме положение женщины изменились к худшему. Наоборот, в племенах пастушеских об уважении к женщине нет и следа. Тут главенствует мужчина. Это главенство мужчины — патриархат — сохраняется и до сих пор. Возьмем племена кочевников-скотоводов, живущих даже в советской России: башкиры, киргизы, калмыки. Положение женщины

здесь плачевно до последней степени. Она — вещь, принадлежность мужчины. Он ее покупает, как покупает барана, и делает из нее одновременно безгласное рабочее животное, слугу себе и орудие наслаждения. Любить калмычка, киргизка, женщина Востока не имеет права. В брак ее покупают. Кочевник-бедуин, желая узнать, насколько жена будет вынослива при работе, раньше испытывает ее, кладя ей на руку каленое железо. Если жена араба, которую он купил, заболевает, он гонит ее из дома, считая, что зря потратил на нее деньги. На островах Фиджи еще очень недавно муж имел полное право съесть свою жену. У калмыков муж, на законном основании, может зарезать жену за измену. Но если жена убьет мужа, ей могут отрезать уши и нос. Жена у древних и диких племен считалась настолько собственностью мужа, что должна была следовать за ним и в могилу. Такой обычай существовал также в древней Руси и еще недавно практиковался в Индии: женщин сжигали на костре, на могиле мужа. Этот обычай держался у американских индейцев, у африканских негров, у древних обитателей Норвегии, у славян-кочевников языческой России, преимущественно в южных степях, где привольно было жить скотоводам. В целом ряде племен, у негров, напр., у народов Азии, на женщину существует определенная цена, как на овцу, на шерсть, на плоды. Легко себе представить, как живется этим женам!..

Если мужчина богат, он покупает себе несколько жен. Этим он приобретает себе одновременно и даровые рабочие руки и смену половых удовольствий... На Востоке бедняк принужден довольствоваться одной женой, но зажиточный класс стремится обзавестись бо́льшим числом домашних рабынь. Например, у короля дикого племени ашантиев насчитывается 300 жен. Князьки в Индии хвастают, что у них число жен доходит до нескольких сот. То же в Турции, Персии, где эти несчастные женщины превращены у богачей в орудие забавы и всю жизнь живут затворницами, в гаремах. И сейчас еще на Востоке господствуют подобные порядки, так как там все еще существует древняя система хозя́йства, наложившая на судьбу женщин печать подневольности и рабства. Но дело не в одном браке, — форма брака всегда зависит от системы хозяйства и той роли, какую в нем играет женщина. Об этом мы поговорим с вами в специальном цикле бесед. Дело в том, что все права женщины — брачные, политические, общественные — всегда и всюду определяются ее ролью в хозяйстве.

Возьмем живой пример. На что печально и бесправно положение женщины у башкир, киргизов или татар. Но стоит башкирцу или татарину переселиться в город, а жене пойти на заработки, как власть мужа над ней на глазах тает, падает, практически слабеет.

Итак, мы видели с вами, что на первоначальных ступенях развития человечества, когда существовали две основные формы хозяйства, — земледельческое с охотой, и скотоводство, тоже связанное с охотой, — положение женщины в двух одновременно живущих племенах резко отличалось друг от друга. Там, где на женщине лежала задача главного производителя в хозяйстве, она пользовалась почетом и правами, там, где ее работа носила подсобный характер, женщина постепенно попадала в зависимое, бесправное положение, становилась слугою и даже рабою мужчины.

Постепенно, с развитием производительности труда и накоплением богатства, система хозяйства осложнялась. Первобытный коммунизм и жизнь сплоченным родом изживались.

На место первобытного коммунизма вступила в силу система хозяйства, основанная на частной собственности, росте обмена, т.-е. торговли и постепенного разделения общества на классы.

Каково стало тогда положение женщины, об этом поговорим в следующий раз.

Пособия для слушателей по прочитанной лекции.

1. *Бебель:* „Женщина и социализм“.
2. *Энгельс:* „Происхождение семьи, собственности и государства“.
3. *Тахтарев:* „Очерки истории первобытной культуры“.

Лекция вторая.

Роль женщины в хозяйстве, построенном на труде рабов.

Мы остановились с вами, товарищи, на переходе хозяйственных форм от первобытного коммунизма к системе хозяйства, основанной на частной собственности.

Период первобытного коммунизма длился многие и многие тысячелетия, он значительно более длителен, чем последующий период, когда вступает в силу частная собственность. Многие тысячелетия, благодаря той роли, какую женщина играла в хозяйстве в племенах мирных пахарей, она пользовалась почетом и уважением.

Материнское право царило долгие века. Сохранилось много легенд, сказаний народных, в которых повествуется о почете, каким пользовалась женщина, и о подвигах воинственных племен—амазонок. Об амазонках рассказывают нам сказания Греции, Прибалтики, Африки, Богемии и других народов. В одном сказании говорится о том, что у амазонок было 20.000 конницы, в другом, что амазонки держали под угрозой могущественное в свое время египетское государство. Когда римляне около двух тысяч лет тому назад шли походом на земледельческо-воинственное племя древних германов, женщины вмешались в битву и отбросили противника. И сейчас у дикого африканского племени дагомейцев охрану царька составляет вооруженная гвардия дагомеек. У курдов, кавказского племени, женщины славятся воинственностью и участвуют в битвах.

Все это показывает одно, что на известных ступенях развития хозяйства женщина не только производитель, но и воин. К этому принуждает необходимость: надо привлекать все силы еще слабого коллектива к общей и дружной обороне.

В те времена женщина, как уже мы знаем из прошлой беседы, окружена почетом и уважением: это уважение и почет вытекает из того, что ее труд был трудом главного производителя. Правда, рядом существуют и другие пле-

мена скотоводов-кочевников, где женщина занимает подневольное положение, но прошли века раньше, чем это подневольное положение стало общим правилом, господство же женщины отошло в область преданий.

Однако, преобладание власти мужчины, господство патриархата, отцовского права побеждает не сразу. Борьба двух начал длится веками. И об этом говорят нам народные предания. Особенно ярко отражается эта борьба на сказаниях о жизни и борьбе разных языческих божеств.

В одном из греческих преданий о подвигах греческого богатыря-полубога Геркулеса, рассказывается о том, как Геркулес набрел на страну, где господствовало воинственное племя амазонок. Геркулес решил положить конец владычеству женщин и освободил мужчин. В другом сказании повествуется, как боги на своем суде лишили гражданок города Афин их прежних прав за то, что женщины в свое время, пользуясь правом голоса, назвали город в честь богини Афины, а не в честь бога Посейдона.

В знаменитых народных преданиях германских народов в „Песнях Нибелунгов" постоянно повторяется рассказ о том, как смелым воинам приходится сражаться с не менее воинственными красавицами, раньше, чем подчинить их себе и обратить в своих жен. Прекрасную королевну Брунегильду жених ее Гунтер мог победить при единоборстве только коварством. Но Брунегильда, вступив с ним в брак, не сдается ему, а идет на новый поединок, остается победительницей и подвешивает своего героя к потолку, а сама преспокойно ложится спать. И в русских былинах сохранялись сказания о том, что женщина была свободна и равна мужчине не только в хозяйстве, но и на бранном поле. И не без боя отдавала она свою свободу. Богатырь Добрыня Никитич встречает в чистом поле „палепицу великую женщину", очевидно представительницу племени, где еще господствовало материнское право. Добрыня вступает с ней в бой. Но она хватает его за кудри и садит „во глубок карман", объявляя, что только тогда пойдет за него, если он окажется ей люб.

Все эти предания в живых образах дают нам картину той многовековой борьбы между отцовским и материнским правом, через которое прошло человечество. Эта борьба отразилась и на изменявшихся религиозных верованиях. Дикарь, пещерный человек, обожествлял землю, великую праматерь, из недр которой рождалась жизнь, пока не осознал, с ростом опыта, а значит и знания, что плодородие земли зависит также и от участия неба: даст небо дождик и

солнце во-время—будет урожай, не даст—земля бодна не уродит. Как женщина без мужского семени бесплодна, так и земля без оросительной влаги неба не родит и не цветет. Земля—мать, небо—отец. Обоготворение земли стало заменяться поклонением солнцу, богу Озирису, Аполлону, русскому языческому богу Ярило.

Материнское начало, власть женщины, было крепко, пока общественный коллектив был тесно спаян однородными интересами и пока в этом коллективе с его несложным хозяйством главным производителем была женщина.

Отцовское право стало крепнуть с момента выделения частной собственности, появления неравенства среди членов племени и необходимости удержать род от распадения не инстинктивным сознанием своей спайки вокруг общего очага, где царила общая мать, а авторитетом сильнейшего.

Как же отразилась частная собственность на положении женщины? Многие считают, что закрепощенность женщины, ее бесправие, родилась вместе с установлением частной собственности. Такой взгляд ошибочен. Частная собственность только помогла закрепостить женщину там, где женщина уже фактически утрачивала свое значение в производстве под влиянием растущего разделения труда. Возьмем, как пример, племя землепашцев. Почет и уважение, окружавшие здесь женщину, могли держаться только до тех пор, пока под давлением накопленных богатств и растущего разделения труда не стала разрушаться прежняя форма хозяйства.

На известной ступени развития рядом с землепашцами, этими главными кормильцами племени, начинают процветать различные промыслы, выделяются специалисты различных отраслей: гончары, кожевники, ткачи, воины, жрецы. Труд земледельческий перестает быть главным источником существования племени; рядом с этим трудом начинают произрастать и процветать ремесла. А где развиваются промыслы, там неизбежно возникают обмен, торговля, другими словами, погоня за прибылью. Гончар, сумевши слепить глиняный горшок, стремится сохранить за собою право на произведение своего труда, а значит и на трудовую прибыль при обмене. Земледелец с своей стороны стремится заполучить изделия гончара за возможно меньшее количество зерна. Уже не стремление покрыть потребности рода, как это было при первобытном коммунизме, а погоня за прибылью становится истинным двигателем хозяйства.

На этой ступени развития труд гончара, кожевника, ткача ставится выше, чем труд земледельца. Труд земле-

дельца начинает расцениваться, как низший по достоинству не потому, что он перестал быть главным источником существования общества, а потому, что он требует большей затраты трудовой энергии. На труд земледельческий богатое ремеслами племя переводит военнопленных рабов. Какова же будет роль женщины в хозяйстве при таком положении вещей? Может ли за ней сохраниться почет, если та главная отрасль хозяйства—хлебопашество, которое утвердило в свое время за женщиной почет и уважение, теперь рассматривается, как труд „низшего достоинства", как удел рабов? Ответ на этот вопрос дает живой пример истории. В Египте, одном из крупнейших государств древней цивилизации (5—6 тысячелетий тому назад Египет был наиболее могущественной державой), в стране с неописуемыми богатствами, со знаменитыми египетскими пирамидами и другими гигантскими сооружениями, с богатейшими городами, в стране, охватывавшей громадные пространства, стране, владевшей целым рядом колоний, имевшей высоко развитые промышленность, науку, искусство, в стране, где открыты были первые астрономические законы, в этом сказочном по своему могуществу Египте,—долго царили отголоски прежнего главенства женщин—матриархата.

В то время, как во всем остальном мире, и даже в таких высоко-культурных странах языческой древности, как Греция или Рим, женщина была порабощена и бесправна, в Египте она была относительно свободна и равноправна [1]).

Чем же это объясняется? Земледелие было долгие века главным источником благосостояния египетского народа. На плодоносных заливных берегах многоводной реки Нила земледелие процветало, как ни в одной другой стране того времени. Племя, осевшее в Египте, было племенем землепашцев. Но мы уже знаем из прошлой беседы, что главным производителем в племенах земледельческих на ранней ступени развития их хозяйства являлась женщина. Та роль, которую женщина сыграла в хозяйстве Египта, дала ей право и привилегии, которые сохранились многие века, несмотря даже на развитие частной собственности и образование каст. Позднее, с развитием ремесл и торговли,

---

[1]) Греческий историк Геродот, писавший 2½ тысячи лет тому назад, рассказывает, что в Египте жена по брачному договору приобретала власть над мужем, муж же обязывался ей подчиняться. Девушки получали приданое не от отца, а от матери. Содержание престарелых родителей возлагалось не на дочерей, а на сыновей. Египетский самодержец фараон состоял по закону под опекой своей матери.

тон жизни в стране давали уже не земледельцы, а ремесленники и купцы. Почему? Где причина? Причина в том, что промысел торговца или ремесленника был выгоднее, давал бо́льшие барыши, чем труд земледельца. И когда в основу хозяйства, вместе с упрочением частной собственности, легло стремление наживы, а не добывание тех благ, какие нужны для жизни коллектива, для населения, тогда на земледельческий труд стали обрекать рабов. Труд земледельца обесценивался. Но характерно, что вместе с тем и женщина, прежняя главная производительница в хозяйстве племени земледельцев-египтян, теряла в Египте былой почет и уважение. Правами продолжали владеть только женщины старейшего, почетного племени, особой касты, тех, кто первые поселились в Египте... Женщины остальных слоев населения (мы уже не говорим о рабынях),—торгового, ремесленного сословия оказывались такими же бесправными, порабощенными, как и в других государствах того времени.

Мы так подробно останавливались на Египте, так как египетское государство—очень типичный пример того, как права женщины определяются ее ролью в хозяйстве, и что в том народе, где женщина в свое время играла роль главной производительницы в хозяйстве, права за ней значительно дольше сохранялись даже при переходе от первобытного коммунизма к системе хозяйства, основанной на частной собственности.

Принцип собственности сам по себе не мог бы поработить женщину, если бы к моменту установления этого принципа женщина не утратила бы уже своего значения, как основной добытчик благ для племени. Но частная собственность и разделение на классы способствовали созданию таких условий и форм хозяйства, при которых роль женщины в производстве сводилась на-нет. Порабощение женщины связано с моментом разделения труда по полу, когда производительный труд выпадает на долю мужчины, а труд подсобный на долю женщины. Чем резче проводилось такое деление, тем неизбежнее совершалось и закрепощение женщины.

Частная собственность лишь формально закрепила тот процесс оттеснения женщины от производительного труда, который начался еще в племенах, живущих при условиях первобытного коммунизма (пример: племена скотоводческие). Но если частную собственность нельзя рассматривать, как первопричину неравного положения в коллективе, все же существование частной собственности способствовало непо-

средственно утверждению этой неравности и усилению зависимости и закрепощенности женщины.

Частная собственность повлекла за собой прежде всего выделение единичных хозяйств из общего единого хозяйства племени, рода. Существование самостоятельных выделенных хозяйственных ячеек способствовало закрепощению замкнутой формы семьи. В этой хозяйственной ячейке, в этом индивидуальном, обособленном хозяйстве семьи шло дальнейшее разделение труда. На долю женщины-матери, естественно, выпадала роль хранительницы домашнего очага, все же производственные хозяйственные функции работы вне дома, выполнялись мужскими членами семьи.

Частная собственность, сделавшая возможным существование домашнего хозяйства, повлекла за собою и закрепощение женщины за узкой, мало производительной работой по домоводству. Значение женского труда, с точки зрения народного хозяйства и развития производства, падало, понижалось, и взгляд на самую женщину утверждался, как на существо не самоценное, как на придаток при основном созидателе богатств, истинном производителе новых ценностей—мужчине.

Мотыга, гончарные инструменты, жерновый камень, который женщина первая подняла с земли и обточила, чтобы молоть им пищу для малых ребят, перешли из трудолюбивых рук женщины в руки мужчины. Поля перестали быть областью, где хозяйничала и руководила женщина. Простор, жизнь на воле, под открытым небом для нее прекратилась. На долгие века, на тысячелетия оказалась женщина оттесненной от производительного труда, загнанная внутрь дома. Здесь, поддерживая огонь очага не для всего рода, не как общая мать, а лишь, как жена-слуга властелина-мужа, пряла, ткала, обшивала семью, стряпала... Правда, обработка льна и конопли еще до наших дней осталась преимущественно женской работой и в хозяйстве крестьянина. Но эта отрасль труда в сельском хозяйстве всегда играет лишь второстепенную, подсобную, а не основную роль.

Сделав эти оговорки и восстановив в памяти основные положения нашей прошлой лекции, перейдем к рассмотрению положения женщины на следующей ступени хозяйственного развития. Перенесемся за $2^1/_2$ тысячелетия назад. Перед нами не дикое племя со слабыми зачатками культуры, но уже вполне оформившиеся государства античного, т.-е. древнего, до-христианского мира. Перед нами крупные, мощные воинственные страны с крепким институтом частной собственности, развитыми ремеслами и торговлей, с резким

делением на классы. Форма хозяйства – частновладельческая, построенная на труде рабов; система — переходная форма от натурального хозяйства к системе все развивающегося обмена. В первичном виде совершается первоначальное накопление капитала.

Какую же роль играет женщина на данной ступени развития хозяйства и каковы ее права в древних, языческих республиках Греции, Рима, вольном городе Карфагене? В этот период истории уже нельзя говорить о роли женщины в производстве и о правах женщины в общем. Раньше надо определить, о женщине какого класса, какого слоя населения идет речь. Древний мир, на высокой ступени своего хозяйственного развития делился на два резко отличных класса: свободных граждан и рабов. Ценится труд только свободных граждан, хотя главным добытчиком средств существования—хлеба и других благ—являются рабы.

Свободные граждане пользуются тем большим почетом и уважением, чем выше их заслуги перед новым общественным коллективом—организованным государством. Всего выше ценятся государственные управители, те, кто умеет держать коллектив в подчинении, вводить порядок и стройность в организацию жизни. Затем идут воины; уже меньшими правами пользуются купцы и ремесленники, и в полном бесправии находятся рабы, несмотря на то, что они являлись главными созидателями богатства. Каким образом могло получиться, что те, кто приносили наибольшую пользу коллективу и кого во времена первобытного коммунизма за это возвеличивали бы, теперь оказываются презренными из презренных? Как это могло произойти? Установлению такого ненормального явления способствовало укрепление принципа частной собственности и торговли. Труд рабов не ценился, ценился результат их труда. Ценился помещик, сумевший сорганизовать рабов, держать их в порядке, выколачивать из них ту сумму благ, какая нужна была населению. Ценилась прибыль, которую из рабов извлекал рабовладелец.

В высоко-культурных государствах, как Рим и Греция, в эпоху их высшего расцвета, мы встречаем женщину бесправной и вполне зависимой.

Когда-то и в Греции, во времена седой старины, когда племена, населявшие Грецию жили небольшими родами, не зная ни частной собственности, ни государственной власти, тогда и в Греции положение женщины было иное. Правда, греки были народом пастушеско-земледельческим. Климат и географическое положение этого цветущего когда-то полу-

острова, изрезанного теплыми водами морей и украшенного плодородными, живописными горными хребтами, повлияли на то, что греки рано перешли к комбинированной форме хозяйства.

Земледелие не было исключительным занятием женщин. Как интенсивная форма скотоводчества—пастушество, предполагающее стрижку овец, прядение шерсти, тканье, требовало соучастия женщин.

Во времена Гомера, составителя поэтических сказаний о жизни древних греков, женщины и девушки участвовали в производительном труде рядом с мужчинами и пользовались если не равенством, то относительной свободой.

Существовал ли матриархат в самой Греции, сказать трудно. То, что в этом племени с ранних ступеней развития преобладала комбинированная форма хозяйства, заставляет нас думать, что в самой Греции, может быть, матриархат никогда не достигал того развития, как в Египте и других племенах чисто земледельческих. Но отголоски того значения, какое греки в древности придавали женщине, мы находим в их религии.

Так, греки высоко чтили богиню плодородия (не просто землю, заметьте, как это делали дикари более отдаленных эпох, а именно плодородия) по имени Деметра. В богине Афине греки почитали женскую мудрость, научившую людей ремеслам, пряже, тканью. Богине Афине, другими словами, древней женщине, греки приписывали изобретение весов и разведение маслин. В других языческих религиях также отражается роль женщины в хозяйстве того времени: так, норвежцы в древности почитали богиню Идуну—хранительницу и насадительницу яблок.

Правосудие греки олицетворяли не судьей-мужчиной, а богиней, женщиной, что показывает, что когда-то ссоры и раздоры в племени разрешала глава семьи—женщина, мать. Изобретение огня греки приписывали богине Гестии и священное пламя его обязаны были поддерживать в храме невинные, чистые девушки-весталки. А это еще раз подтверждает правильность предположений ученых, что женщина первая сумела подчинить огонь власти человека, сделав его своим слугою. В греческой религии и сказаниях особенно много примеров борьбы между материнским и отцовским правом, что говорит все же за то, что и племена, населявшие Грецию, прошли через известный период, когда во главе рода стояла женщина-мать и главная производительница в хозяйстве.

Во времена Гомера женщина пользуется правом бывать

на общих пиршествах, в браке царит любовь и уважение, мужчины вежливо и ласково обращаются с женщинами, оказывая им знаки внимания и почета, но о материнском праве уже нет и речи.

Напротив, Гомер повествует о том, как сын Пенелопы, этого извечного образа верной жены без вести пропавшего мужа, которого она терпеливо ждет долгие годы, считает, что место его почтенной мамаши не среди пирующих, а в женских покоях, за домашними делами. В гомеровскую эпоху существует уже оформленный брак, собственность и выделенное односемейное хозяйство. Неудивительно, что греки того хозяйственного периода начинают проповедывать женщинам „семейную добродетель“ и предлагают снисходительно смотреть на связь мужа на стороне. Связь мужа ведь не увеличит число членов семьи и не обременит владельца собственности заботой о лишнем ребенке... Гекуба, жена царя Агамемнона, горько жалуется на свою прикованность к дому, к воротам своего супруга, как „цепная собака“.

Но Гомер описывает еще жизнь греков в доисторическую эпоху. Для нас же сейчас важно остановиться на положении женщины в греческом государстве при развитой форме частно-владельческого хозяйства, основанном на рабском труде. В этот цветущий для греческой культуры период, когда строились великолепные, всемирно прославленные храмы, когда ваятели создавали свои бессмертные статуи Венер и Аполлонов, когда греческие города кишели пестрой толпой торговцев всех стран, когда процветали ремесла, создавались философские школы и первые ученые закладывали фундамент науке, в эти блестящие века Греции женщина лишилась всех своих прежних прав и преимуществ. Она стала фактически рабою своего мужа, господина.

Равноправие полов существовало в те дни лишь для невольников. Но какое равноправие? В общем бесправии, безволии, подчинении, в общем непрерывном, тяжелом, изнурительном труде, переживаниях голода, в общих мучениях. Тяжелое положение невольниц вытекало логически из бесправия социальной группы рабов. Оно было связано с социальным их положением. Бесправие же и зависимость гречанки, гражданки свободных, высоко-культурных республик Греции имели другое основание, другую причину. Конечно, по сравнению с рабыней гражданка Афин или Спарты, жена или дочь свободного и полноправного гражданина, пользуются правами и даже привилегиями. Но эти права и привилегии не ее личные, она их получает отраженно от мужа. Сама она, как личность, как человек;

как гражданка—ничто; она лишь придаток при муже. Всю жизнь она находится под опекой: сначала отца, потом мужа. Для нее нет места на веселых празднествах, которыми так богата была жизнь Греции. Прикованная к дому браком, гражданка свободной Греции, Рима, Карфагена знает лишь узкое домашнее хозяйство; ее дело — прясть, ткать, печь хлеб, руководить домашними слугами и рабами. Кто побогаче, с той снимаются и эти обязанности. Всю жизнь она проводит в скуке и отрешенности от живой деятельности, в душной атмосфере женских покоев-гинекеев, вроде тех теремов, где затворницами жили много веков позднее русские боярыня и боярышня, разодетая в желтошафранные одежды, нарумяненная, в модных сандалиях, как высмеивает ее сатирик-Аристофан. Ее кормит труд мужчины и труд рабов. Сама она — паразитка. Неудивительно, что все ее назначение в глазах мужчин сводится к воспроизводству потомства. Ее воспитывают „для дома". Женщина должна быть „добродетельна", меньше знать, видеть, слышать. Та женщина на хорошем счету, о которой поменьше говорят как худого, так и хорошего. За измену муж мог продать ее в рабство. Зато мужья, которым надоедала скучная добродетель жен-самок, заводили любовниц на стороне, и в Греции, при законном единобрачии процветало незаконное, но всеми признанное многоженство в особой форме: законная жена, чтобы рожать и охранять дом, наложница-раба для удовлетворения похоти, гетера (любовница) для духовных и душевных наслаждений".

Гражданка свободной, просвещенной, высоко-культурной Греции, кичащейся своими богатствами и великолепием, жена свободного гражданина греческой или римской республики, сама была не менее бесправна и зависима, чем те невольницы, рабыни, какими она командовала именем мужа. Негритянка племени балонды, жившая в бамбуковом шалаше, была свободнее и равноправное гречанки, жившей в мраморных дворцах.

Где же причина? Где объяснение бесправия женщины при общем росте богатства и культуры? Объяснение простое, товарищи, и вы сами мне его подскажете. Негритянка племени балонда занята производительным трудом на коллектив. Культурная гречанка, если и производит работу, то лишь в узкой области обслуживания дома и семьи. Труд ее в учет не идет. И из ценной для коллектива рабочей силы, на более ранней ступени развития хозяйства, женщина превращается силой частной собственности и производства при помощи рабов в простое орудие для рождения законных наследников...

Итак, запомните, товарищи, ни в высоко-просвещенной Греции, ни в могущественном Риме с его необъятными колониями, ни в богатом и вольном городе Карфагене женщины даже свободного сословия не обладали правами и независимостью.

Заметьте также: в Греции, где материнское право было слабо развито, отцовское право, патриархат, рано упрочилось, и зависимость, неравноправность женщины достигли высшей формы. Наоборот, в Римской республике даже тогда, когда Рим представлял собою самую могущественную державу мира, где частная собственность получила полное подкрепление в прекрасно разработанном государственном законодательстве, где также производительный труд лежал на невольниках, существовали отголоски матриархата, и женщину, римскую матрону, окружало известное почтение и уважение. Гражданин уступал ей дорогу. В доме признавался ее авторитет. Мать воспитывала детей.

Чем это объясняется? Тем, что племя, основавшее римское государство, было племенем земледельческим, где матриархат имел прочные корни в прошлом и где воспоминание о нем окрашивало взгляды и нравы общества и на более поздних ступенях развития.

«Впрочем, в Греции, рядом с безличными самками, добродетельными женами-паразитками, существовал особый слой свободных, независимых женщин, так называемых гетер, любовниц или содержанок великих мужей Греции. Гетеры были либо кем-либо выкупленные рабыни, либо свободные гражданки, которые смело переступали через установленные правила тогдашней брачной морали. Имена многих гетер,— Аспазии—подруги просвещенного правителя Афин Перикла, Ламсы, Фрины, Леоны—занесены в историю. Они отличались высокой образованностью, интересовались наукой, философией, участвовали в политике, оказывали давление на государственную жизнь. Почтенные и добродетельные семьянинки их презирали, чуждались их, но мужчины охотно искали их общества. Философы, мыслители и ученые мужи того времени дружили с ними, находя в них понятливых учениц, а иногда и вдохновлялись новыми мыслями, высказываемыми высоко образованными гетерами. Современники упоминают о дружбе знаменитого философа Сократа с Аспазией и о „прекрасных“ речах политического характера, которые она произносила.

Фрина вдохновляла великого ваятеля Праксителя. Гетера Леона, жившая за 500 лет до начала нашего летоисчисления, играла активную роль в заговоре против тогдашних двух

тиранов, захватчиков власти в республике. Когда ее, арестованную с товарищами, смелыми защитниками свободы, подьергли жестоким пыткам, она откусила язык, чтобы не проговориться, и выплюнула его в лицо судьям.

Существование гетер свидетельствует о том, что уже в те времена женщины стремились выбраться из душного плена своей зависимости. Но, чтобы добиться своей цели, гетерам не хватало главного, основного: они не являлись представительницами производительного труда, поэтому перед лицом народного хозяйства они были столько же малоценны, как и неразвитые и мало образованные добродетельные жены граждан Рима и Греции, домашние хозяйки. Свобода, ими завоеванная, была построена на песке: они продолжали материально зависеть от мужчин.

Были в Греции также отдельные женщины, прославившиеся на поприще искусства, науки, философии, стремившиеся обогатить человеческую культуру, принести что-либо в сокровищницу знания или искусства.

Поэтесса Сафо, создавшая целую школу из своих учениц и подражателей; смелая первая женщина-врач Агнодика, которая, переодевшись мужчиной, прошла весь курс медицины и стала врачевать, ученая женщина-профессор и философ-красавица Ипатия, в Александрии, речи которой стекались слушать ученые и любопытные со всех концов мира. Она трагически погибла, растерзанная темной толпой по наущению завистливых и злобных христианских священнослужителей в первые века христианства. Все это прекрасные, сильные женские образы. Они показывают, на что способны женщины, если не умерщвлять их ум, душу и сердце, заковывая женщину в душную атмосферу домашнего очага. Но на фоне общего женского паразитизма (тунеядства) эти единичные смелые женщины терялись. Они являлись исключением и не могли изменить отношения к женщине, раз роль женщины в народном хозяйстве сводилась к нулю. Женщины, особенно с ростом общей культуры и просвещения, прекрасно ощущали гнет своего бесправия. Единицы делали попытки выходить на самостоятельную дорогу, но масса оставалась в рабстве домоводства, семьи и мужа.

Характерно, что правильный инстинкт подсказывал женщинам, что индивидуалистическая система хозяйства, частная собственность и закрепленный брак являются главными препятствиями, стоящими на пути к освобождению женщины.

В одной из комедий знаменитого греческого писателя Аристофана, „Женское народное собрание“, женщины вы-

сменяются за то, что они хотят установить новые порядки, взять управление государством в свои руки. Но интересно то, что героиня комедии Праксогора при этом предлагает установить прежде всего о б щ н о с т ь и м у щ е с т в.

„Я требую, — говорит Праксогора, — чтобы все было общее, чтобы все принадлежало всем, чтобы не было больше ни богатых, ни бедных, чтобы одни не владели бы огромными полями, в то время, как другие имеют только клочок земли, едва достаточный для погребения. Женщина должна стать общим достоянием, пусть каждый производит детей, с кем хочет". Это был протест женщин против частной собственности, принудительного брака и угнетенного положения женщины. Протест, существовавший за 400 лет до начала нашего летоисчисления, т.-е. почти $2^1/_2$ тысячи лет тому назад. И, очевидно, этот протест был настолько обще-распространен, а мечта о коммунистическом строе, обещавшем женщине избавление от состояния их полной бесправности, так повторна, что талантливый сатирик того времени, Аристофан, мог запечатлеть его в знакомых и понятных для всех образах своей комедии.

Быть может, народные предания о счастливом прошлом женщины, связанном с временами первобытного коммунизма, заставляли женщин Греции искать выхода из своего бесправия в идеалах коммунистического строя.

Во всяком случае женщины Греции были правы в том, что без коренных потрясений основ греческого общества, благополучие которого зиждилось на классовом господстве и рабском труде, положение женщины измениться не может.

Попытки отдельных смелых женщин бессильны были спасти широкие массы женщин как от рабства физического, так и от рабства домашнего.

Прошло более двадцати столетий прежде, чем мечты Праксогоры, героини аристофановской комедии, смогли стать действительностью. И теперь на живом примере России мы видим, что права была Праксогора, верившая, что лишь через коммунизм, свободу и всеобщее равенство возможно действительное освобождение женщины.

Пособия для слушателей по прочитанной лекции.

1. *Бузескул:* „Женский вопрос в древней Греции".
2. *Лили Браун:* „Женский вопрос".
3. *Шишков:* „Исторические судьбы женщины".
4. *А. Бебель:* „Женщина и социализм".

Лекция третья.

Женщина в системе замкнутого натурального хозяйства.

В прошлой беседе мы остановились с вами, товарищи, на вопросе о положении женщины в древних языческих государствах, где уже господствовала частная собственность, торговля, ремесла и где труд носил характер подневольный рабский. Правда, рядом с трудом рабов существовали и зачатки свободных ремесл, но основа народного хозяйства представляла собой производство помощью труда невольников.

Женщина, загнанная в дом, постепенно утрачивала всякое значение в народном хозяйстве, переставала быть „единицей труда", так или иначе способствующей благосостоянию государства и общества. Роль ее была сведена либо к „самке", рождающей мужу наследников, либо к орудию наслаждения мужчины, в более грубой форме, в образе наложниц-рабынь, в утонченном виде—в лице гетер. Господствующие экономические отношения превратили женщин в паразитов общества.

И только на дне, за пределами признанного общества, жили, изнемогая под бременем труда, рабыни, невольницы, разделяя участь бесправных товарищей-рабов... Но, сколько бы раб ни создавал, сколько бы ни трудился, его работа в учет не шла и участь его, как истинного производителя богатств народа, не улучшалась...

В учет принимался не труд, а доход, прибыль. Но в недрах старого языческого мира зарождался постепенно класс первых пролетариев. Классовая борьба разгоралась. И древние государства, раздираемые этой борьбою, разрушаемые собственной несовершенной системой производства, построенной на крайне мало-производительном труде рабов, постепенно разлагались, слабели и одно за другим погибали.

На смену древнему языческому миру шли новые народы, с иной системой и формой хозяйства. Оставим же

мир древних цивилизаций—Египет, Грецию, Рим—и перенесемся много ближе к нашим временам, в эпоху так называемого средневековья, за 800—900 лет назад.

В этот период жизни человечества господствует по всей Европе система натурального хозяйства, построенная уже не на труде невольников-рабов, как в древнем мире, а на труде крепостных крестьян. Земледельцы-крестьяне при этой системе уже не отдают всего продукта своего труда властелину-помещику, часть добытых ими благ идет на улучшение и поднятие своего крепостного хозяйства Крепостной платит помещику натуральный налог или несет на него трудовую повинность. Но часть продуктов остается ему, и их он свободно обменивает постольку, поскольку существует обмен и торговля и есть налицо нужный товар. На местах обмена между крестьянами возникают ярмарки, из ярмарки постепенно вырастают постоянные обменные торговые пункты—города. Поскольку город находился на земле помещика, помещик считает себя властелином и над городом, берет с него дань.

Но были вольные города, умевшие освобождаться от власти бояр или рыцарей, вроде наших старых вольных городов—Новгорода, Пскова.

Образуются три класса, три группы населения: помещики, крестьяне и горожане. Какова же была роль женщины в эпоху расцвета средневековья в X—XIV веках?

Положение женщины резко разнится в зависимости от того класса, к которому она принадлежит, в каждом же классе в отдельности положение ее определяется все тем же основным фактором,—ее ролью в производстве.

Остановимся прежде всего на быте имущего, дворянского или боярского класса. В период расцвета феодализма, т.-е. власти помещиков, землевладельцев, дворян (с X по XIV век), хозяйство покоилось на системе хозяйства натурального. Другими словами, все, что необходимо было помещику-дворянину, феодальному владельцу крупных поместий и крепостных крестьян,—все это производилось усилиями крепостных и слуг в пределах поместья. Торговля, обмен были еще слабо развиты. Летопись сохранила нам описание жизни и хозяйства того времени. В центре хозяйства находился замок помещика-феодала. Его обслуживали крепостные крестьяне. Все, что потреблялось в замке, с его многочисленными обитателями, членами семьи владыки замка, его родственниками, гостями, челядью, стражей и ратниками, все производилось в пределах замка. Крестьяне, крепостные платили оброк и доставляли в замок или

усадьбу боярина русского сырье, кожи, шерсть, мясо, зерно. Обработка сырья производилась в самом замке. Но хозяйство помещика, феодального властелина, было сложно и во главе его надо было иметь хорошего организатора. Кто же являлся обычно этим организатором хозяйства в средневековых замках Франции, Германии, Англии? Сам феодал-властелин, помещик, рыцарь? Нет, глава семьи обычно занят был войной или разбоями. Хозяйство многосложное, натуральное, замковое хозяйство оставалось на руках его жены. Это она следила за тем, чтобы крестьяне во-время платили свою дань помещику, под ее наблюдением заготовлялись запасы холста и других тканей, кроилась одежда, тачались сапоги, выковывались шлемы, чтобы одеть в них не только членов семьи, но и ратников; на ней лежала забота о заготовке продовольствия на зиму и на случай осады замка, в погребах замка хранились сотенноведерные бочки с вином и пивом, кладовые представляли собой целые склады мануфактуры, под руководством владелицы замка работали портняжные, сапожные, кузнечные и иные мастерские, ткались тонкие сукна и тяжелые полотна, плелись кружева, мололи муку и заготовляли запасы на зиму. Ведь все, что потреблялось в замке и господами и слугами, многочисленной челядью, ратниками и гостями,—все надо было сделать собственными силами. Купить было негде. Разве, как редкий желанный гость заглядывал в замок купец, да и тот торговал обычно лишь заморскими товарами, предметами роскоши: шелками Востока, кубками граненого стекла Венеции, драгоценными оружиями и самоцветными камнями.

Положение женщины имущего класса в те века было двойственное. С одной стороны, как организатор производства, владелица замка, жена властелина-помещика, пользовалась известным почетом и признанием. По закону германскому, английскому и французскому, жена феодального властелина после его смерти наследовала его титул и право над его владениями.

В начале XII века в Англии, Фландрии, Бургундии, Кастилии устанавливается по закону право феодального наследования женщинами. Это явление вызывалось уменьшением числа мужчин прямых наследников титулов и владений после кровопролитных крестовых походов. Средневековые летописи рассыпаются в похвалах умным и человеколюбивым управительницам феодальных владений. Когда правительница Аквитании Элеонора вышла замуж за французского короля, весь народ скорбел о ней. Летописи рассказывают, что Элеонора заботилась о своих подданных,

облегчила торговлю, сняв с нее непосильные пошлины, дала законы самоуправления городам, защищавшим их от произвола помещиков, и проявила милосердие к „обездоленным“. Об Анне Бретонской с похвалой отзываются и летописцы и народные предания. Языческая княгиня Ольга, первая из князей принявшая в России христианство, в народной памяти слывет как мудрая правительница.

По древне-французскому праву даже власть отца в семье переходила к матери в случае смерти или отсутствия мужа. Она считалась опекуншей своих детей. Как и их супруги, владетельные графы и князья, женщины знатных родов творили суд и расправу. Даже настоятельницы монастырей пользовались правом судебной власти. Летописцы рассказывают о том, что судебная власть передавалась по наследству даже молодым девушкам знатного рода. Женщины, одетые в судебные шляпы, сидели рядом с судьями в тогдашних судах.

В случае отсутствия властителя-помещика, его жене подчинялись не только крепостные, но и мелкие помещики, зависимые от феодала, так называемые вассалы, ленники. Жена обязана была поддерживать честь рода, герба. На празднествах и рыцарских поединках-турнирах—любимое развлечение знати того времени—женщинам принадлежало почетное место. Женщины пользовались преувеличенным поклонением рыцарей. Их воспевали в песнях трубадуры и минезингеры — певцы того времени. „Защита женщины“ являлась делом рыцаря. Встречая женщину рыцарь сходил с коня. Каждый рыцарь имел „даму сердца“, которой поклонялся издали, не смея посягать на взаимность. Разумеется, все эти почести воздавались лишь женщинам имущего класса, дворянской крови. Женщины других слоев населения в счет не принимались. На них рыцарская честь и долг не распространялись. .

Но рядом с признанием женщины, как представительницы дворянского сословия, организаторская роль которой в хозяйстве замка помогала упрочить силу феодального господина, существовало и грубое непризнание за женщиной прав, как за личностью, за человеком. Всевластная герцогиня или маркграфиня, перед которой трепетали сотни ей подвластных крестьян, которую не смели ослушаться мелкие дворянчики, подчиненные по иерархии того времени ее мужу, а в его отсутствие и ей, трепетала перед мужем и по тогдашнему праву и закону являлась его рабой, его вещью.

Века владычества дворян, это—века власти кулачного

права, права сильного. Мощь помещика-рыцаря покоится на грабежах и насилии. Чтобы удержать власть над своими подданными, над вассалами и крепостными, требуется усиление авторитета главы семьи во всех областях жизни. Никогда в древнем языческом мире, ни в Греции, ни в Риме власть отца и мужа не достигали таких чудовищных форм, как в период средневековья. Отец—глава семьи, помещик держит всю семью в страхе и трепете. Его права над детьми и над женой безграничны. Муж мог истязать жену, издеваться над ней, ссылать ее, завещать другу, вместе с любимым конем или отбитой у сарацин саблей, мог вплоть до XIII века, по английским законам, продать жену... Наконец, мог за измену или другой проступок убить жену. На то была власть господина-владыки.

Гордая знатная графиня, не удостоивавшая ответным поклоном подвластного ее мужу рыцаря, склоняла колена перед мужем, видя его гнев, и безропотно, как должное, сносила его побои и истязания... В Англии владельцы крупных поместий пользовались наравне с феодальными графами и князьями правом голоса при выборах в парламент. Права эти женщины утратили лишь постепенно, по мере изменения всего социального строения и укрепления буржуазных основ общества. Еще в XVIII веке крупная помещица в Англии Анна Клифорд добивалась признания за ней прежних прав. И несмотря на то, в той же Англии муж мог вывести непокорную жену на рынок и продать. Чем объясняется такая двойственность в положении женщины помещичьего сословия? Тем, что в эпоху феодализма семья, род господствовал над всеми членами семьи. В роду же главенство естественно должно было признаваться за тем, кто в тот век насилия, захвата и отсутствия правовых установлений лучше и полнее мог защитить фамильные, т.-е. семейно-родовые интересы.

Как бы нужен и полезен ни был организаторский труд жены, руководившей в те времена замковым хозяйством, все же рыцарское сословие свои военные подвиги ценило выше. Да и на самом деле, как легче, нагляднее приумножались богатство и росли доходы какого-нибудь князька или владетельного графа: при умелом хозяйничанье жены графа или князя, или от захвата новых земель у соседа, присоединения таких-то сел, с таким-то количеством крестьян, от грабежей и разорения соседнего замковладетеля? Разумеется, грабежи и насилия над соседями и крестьянами повышали доходы боярской или рыцарской семьи в большей мере, чем мирное развитие хозяйства. И в гла-

ках дворянского сословия труд жены-организатора приобретал второстепенное, соподчиненное значение. Увеличение богатств путем захвата чужого добра утверждало непроизводительную прибыль. Непроизводительная же прибыль вытесняла уважение ко всякого рода труду. Отсюда такая двойственность: с одной стороны жены феодалов обладали правом владеть землей и титулом, они являлись по отношению к подданным полновластными господами, нередки были случаи, когда королевством правили женщины, они имели безграничную, одинаковую с мужем, власть над крепостными, могли ссылать, наказывать, истязать и даже убивать крепостных, но по отношению к главе семьи, мужу, женщина теряла самые элементарные права личности.

Положение жены помещика-властелина средневековья в отношении к мужу ничем не разнилось от того бесправия и угнетения, в каком находились женщины варварских скотоводческих племен Востока.

В России положение боярынь было еще менее завидно... В России боярыни только в очень ранний период русской истории являлись организаторами хозяйства, участвуя в производительном труде. Боярыни рано были оттеснены от производства, роль организатора в боярском поместьи несли либо родственники мужского пола, либо приказчики, боярыня закреплена была лишь за узким домоводством, и все ее назначение сводилось к рожанию наследников, носителей доблестного имени старинного рода.

Отцовское право рано утвердилось в России, владычество татар, племени кочевников-скотоводов, державших женщину в полном подчинении мужчине, лишь закрепило уже совершившийся факт—главенство мужчины над женщиной в России. Но все же еще долго, вплоть до XII столетия, в России сказывались отголоски далекого, отошедшего, но еще не забытого народом матриархата. Так, по обычному праву того времени, женщины имели право распоряжаться своим имуществом, не спрашивая согласия мужа. В древности русская женщина участвовала в судах, решала поединки. И в первых законах земли русской в „Русской Правде", написанной в XII веке, родство исчисляется не по мужской, а по женской линии, что ясно доказывает, что у древних славян, особенно живших в лесной полосе, существовал матриархат, сплетавшийся с первобытными коммунизмом и мотыжным земледелием. В России отцовское право побеждает при переходе к более сложным формам хозяйства и к развитию скотоводства, которое при географических условиях России было более выгодным, требовало

меньше затраты труда и давало больше дохода; земледелие же обращалось в подсобную отрасль хозяйства. Но среди северных земледельческих племен славян еще долго держалась память о роли женщины в хозяйстве и ее главенстве, и эта память сохранилась в былинах и песнях, которые все еще распевались тогда, когда жена боярина была уже крепко заперта в терема, а крестьянка стала вьючной скотиной в хозяйстве.

Если вас интересует судьба русской женщины, достаньте книгу Шишкова по истории русской женщины. Там вы найдете много любопытных картин о том, как росло порабощение женщины в семье по мере закрепления частной собственности и кулачного права, т.-е. права сильного, на котором построено было темное и тяжелое время средневековья.

Невежество и подчиненное положение женщины в семье еще усугублялось тем, что над судьбою женщины-дворянки тяготели интересы ее знатного рода. Девушка не имела права распоряжаться своею судьбою и своим сердцем. За нее решали родители, старшие члены родовитой семьи и, главным образом, отец. Свадьба была делом тех, кто соблюдал интересы рода. Брак заключался не по взаимной склонности, а по чисто материальным соображениям: расширить поместье помощью приданого, полученного за женою сына, помириться со строптивым соседом, отдав за него или его сына, дочь, удвоить свою власть, богатство или титул, объединив два титула,—таковы были основы брака. Весьма часто жених и невеста не виделись до венца. За невестами посылали в далекие страны. Сватали и обручали детей 5—7 лет. Свадьбы малолетних были обычным явлением в средневековье. Проигравшийся в пух и прах граф Бульонский женится на 12-летней девочке ради ее приданого. Маркиз д'Оаз обручается с 2-летней невестой, с тем, чтобы тесть ежегодно до свадьбы выплачивал жениху часть приданого. Умная и расчетливая графиня Савойская Аделаида (XI век) обручает свою малолетнюю дочку Берту с наследником германского престола, хотя жениху и невесте нет обоим и 6 лет. Случалось, что предусмотрительные родители сватали невест своим сыновьям еще до их появления на свет божий. И раз родители договорились, ослушаться было нельзя. В этой области власть рода сравнивала бесправие юноши и девушки. Судьбою их в деле брака в одинаковой мере располагали старшие в роде, при чем решал не только отец, но вмешивались и дяди, и деды, и тетки, и бабки.

Подобное насилие над личностью еще сравнительно не-

давно существовало среди наших русских крестьян. И здесь интересы хозяйства крестьянской семьи заставляли родителей заключать брак между своими детьми, нисколько не справляясь с чувствами молодежи. Только революция и пошатнула эти обычаи, что дошли до нас от средневековья, подорвав корни древнего отцовского права.

Легко себе представить, как жилось женщине в браке, заключенном не по доброй воле, а по выбору родителей, да еще имея всю силу закона на стороне мужа... Брак имел в те времена для родовитых семей одно назначение— не дать угаснуть знатному роду. Поэтому чадородные свойства женщины ценились превыше всего. И поэтому так строго каралась жена, изменявшая мужу: она портила родовитую кровь, принося в семью отпрыск чужого рода. За измену муж мог не только выгнать от себя жену с позором, но и убить ее, подвергнуть любым истязаниям. Интересы рода заставляли преследовать также и неравные браки лишением наследства, заключением насильственно в монастырь или даже убийством простого смертного, который посмел свою плебейскую кровь смешать с кровью титулованной знатной девушки. Бездетность женщины считалась не только несчастьем, но позором. Супруг имел полное право развестись с женой, не давшей ему наследников, и не мало бездетных боярынь и жен рыцарей кончали ссылкой в монастырь, на вечное безбрачие, тогда как мужья их брали себе новых жен. Идеал жены того времени была здоровая плодовитая женщина и вместе с тем расторопная хозяйка, управительница, администратор, распорядитель. Плодовитость так ценилась, что вокруг этого вопроса создавались целые легенды: так, рассказывали, что в 1276 году супруга графа Генненберга родила 364 детей, всех мальчиков окрестила Иванами, всех девочек Елизаветами. Но родить детей было мало, на обязанности жены и матери, домовладыки лежала теперь обязанность воспитать детей, подать им пример в главном и основном правиле жизни: полном и беспрекословном подчинении воле родителей и особенно отца. Идеалу жены посвящено не мало сочинений в средние века, где глубокомысленные защитники тогдашнего строя, построенного на насилии, крепостном труде и полном обезличении женщин, давали указания, руководства, писали своего рода инструкции, как должна вести себя благопристойная жена рыцаря или боярина, каковы должны быть отношения между мужем и женой? Каков круг обязанностей жены в семье? Какова область хозяйства и труда, куда женщине допустимо вмешиваться? В Италии пользовался широкой

популярностью писатель XIV века Барберино, поучавший, что девушки должны вести себя пристойно, ходить с опущенными глазами, не отлучаться из дома, помогать матерям в хозяйстве и т. д. По мнению Барберино, девушек не следует учить грамоте. В России такие инструкции написаны были попом Сильвестром в известном сочинении „Домострое".

Во всех этих руководствах мужу советовалось держать жену в строгости и повиновении, при чем нисколько не возбранялось применять к жене телесное наказание или иные физические воздействия.

Но при всей порабощенности и бесправии в семье, женщины дворянского сословия в века высшего расцвета замкового хозяйства (с X по XIII в.) получали сравнительно приличное для того времени воспитание и образование. Девочек знатного рода учили не только рукоделью, пряденью, тканью, но и грамоте, арифметике, пению, танцам, всем зачаткам наук, но особенно латыни. В английских монастырях девочек учат, кроме грамоты, знанию библии, музыке, и еще и уходу за больными, рисованию, кулинарному искусству. Девушки, знавшие латынь (в те времена на латинском языке писались все научные сочинения), астрономию и другие науки, вовсе не были редкостью, тогда как мужчины, храбрые рыцари-вояки, зачастую не знали даже простой грамоты. Бывали случаи, что какой-нибудь прославленный военными подвигами рыцарь, властелин над громадными землями, получал письмо от своей возлюбленной и неделями носил его на своей груди нечитанным, пока не находил грамотного соратника. Бывало, что рыцари держали при себе писцов, чтобы вести любовную переписку. Женщина, переписываясь с писцом, воображала, что переписывается со своим возлюбленным; случалось, что из его писем она научалась любить „душу" своего возлюбленного. Каково же было ей узнать, что все сокровищницы своей души она раскрывала перед его писцом! Знаменитый трубадур, т.-е. певец и поэт того времени, Вольфрам фон-Эшенбах сам не умел записывать своих стихов и пользовался услугами переписчиц.

История оставила нам целый ряд женских имен, прославившихся, как писательницы и мыслительницы глухих веков раннего средневековья. В X веке, т.-е. за тысячу лет до наших дней, монахиня Росвита писала мистерии, религиозные драмы и оставила ряд научных работ. Еще раньше, в VIII веке, в Англии настоятельница монастыря Эльфледа не только оставила по себе славу человека с боль-

ним умом, но и являлась деятельной строительницей молодой тогда еще христианской церкви в Англии. Она участвовала даже на одном из вселенских соборов, т.-е. на международном съезде по церковным делам. Другая монахиня Гильдегарда в XI веке считается настоящим философом. Несмотря на то, что в те века над умами царила темная власть церкви и христианство предписывало верить и не рассуждать, Гильдегарда осмелилась осознать силу жизни и природы, и все ее воззрения проникнуты пантеизмом, т.-е. сознанием, что бог это не что иное, как животворящая сила природы. Почти одновременно в Германии настоятельница монастыря Геррарада пишет научный труд „Сад наслаждений", где излагает все основы тогдашней астрономии, истории и др. наук.

Уже в глубине средневековья в XI—XII веке монахини устраивали свои школы при монастырях, куда стекалось юношество обоего пола, чтобы почерпнуть знания от мудрых монахинь. Особенно славились такие школы при женских монастырях во Франции, в Але и Пуатье. Своим влиянием на учеников прославились монахини Гертруда из Невиля, Альдегарда из Мобежа и Бертила из Шеля (Франция).

Во Франции в XIII веке пользовалась широким уважением монахиня Элоиза, излагавшая свои философские рассуждения в письмах к другу своему Абеляру. В те века монастыри не были рассадниками только безделья, разврата и ханжества; это были нередко трудовые общины, под сенью которых могли существовать скромные побеги науки, мысли, философских исканий. Мир кругом кишел насилием, грабежами, безудержным самовластием сильных мира сего. Тот, кто искал тишины и относительной безопасности, чтобы созерцать, думать, рассуждать и находить новые пути в науке,—тот естественно искал убежища в монастырях. Не только бездетные жены, или опозоренные дочери знатных семей, но и те более самодеятельные духом женщины, кому претил брак по расчету и вечные угнетения и зависимость от нелюбимого мужа, шли в монастыри. Поэтому-то в X—XII веках большинство женщин, прославившихся в области литературы или науки, были монахини.

Несколько позднее в XIII—XIV веках встречаются женщины, которые занимаются наукою вне монастырских стен и обладают такой степенью учености, знания, что даже занимают кафедры профессоров. Так рассказывают, в старинном итальянском городе Болонье, с его всемирно прославленными университетами, еще в XIII веке женщина занимала кафедру профессора философии. Она, по сохранившемуся

преданию, была необычайно хороша. Чтобы не отвлекать курсантов своей красотой от хода своих мыслей, она читала, стоя за занавеской. Позднее в той же Ботонье две дочери профессора д'Андреа, Новелла и Бетина, преподавали в университете и славились знанием юридических наук. Элеонора Санвителли и Теодора Данти считались лучшими математиками своего времени. Серьезно обоснованный трактат о брачном праве был написан Мадленой Буасиньоре.

Но не только в области науки и мышления дало средневековье ряд выдающихся женских имен. Женщины феодального сословия играли особенно в IX—XI веках значительную роль и в политике. Взять хотя бы две таких ярких фигуры, как владетельные графини Маргарита Тосканская и Аделаида Савойская, жившие в конце X, начале XI века в северной Италии. Богатый, шумный, процветающий ремесленный и торговый город Флоренция находится под властью могущественной и гордой графины Тосканской, Матильды. Несмотря на то, что по закону она, жена маркграфа Тосканского, оставшись вдовою, носила титул только графини, все обширные владения ее могущественного супруга перешли к ней в лен. Ей подвластны были города, большие сельские общины, владения более мелких баронов и дворян. Деятельная и умная графиня по законам и обычаям того времени самолично творила суд и расправу над своими вассалами и жителями города, торжественно в качестве главного судьи председательствуя на судах и подписывая приговоры. Во Флоренции хранится не мало любопытных документов произнесенных Матильдою приговоров. Графиня, как и все женщины владетельного дворянского рода, имела право по закону распоряжаться своим имуществом и землями без всякого опекунства. Это было время обостренной борьбы между императором и папой, между светской и духовной властью. Матильда, личный друг хитрого, властолюбивого и могущественного папы Григория VII, умирая, на зло императору, завещала все свои громадные владения папе и этим усилила власть последнего. Ее современница, графиня Аделаида Савойская, хотя и имеет двоих сыновей, однако, самолично правит своими обширными владениями и по-своему ведет политику. Летописцы упоминают о ней, как о „гордой и решительной женщине“, не отступавшей перед борьбою со всесильным папой Григорием VII и при случае умевшей грозить и императору. Летописцы говорят о ней, что она обладала „великодушием и справедливостью“, но беспристрастная история отмечает, что это была властная натура, которая могла при

случае заступиться за слабого, но которая всячески душила вольности, каких добивались подвластные ей города. Обе женщины умели ценить науку и понимали ее значение для процветания своих же владений. Знаменитый университет в Болонье начал расцветать благодаря тому, что Матильда привлекла туда знаменитого профессора права Ирнерия. Правда, такие женщины были исключением, а не правилом. Но то, что в то темное, затхлое, кровавое, полное насилия и бесправия время такие факты были возможны, говорит за то, что в те века существовала какая-то общая причина, их порождающая.

Казалось бы, раз женщина—безвольная вещь, раба перед лицом владыки-мужа, раз ее отец насильно обручает с нелюбимым мужем, раз муж имеет над ней власть жизни и смерти, раз вся ее задача сведена к тому, чтобы дать знатному роду наследников, то к чему же этим несчастным существам образование? Но в том то и дело, что образование давалось женщине, тоже исходя из интересов хозяйства; право приобщения к знанию и науке, каким пользовались девушки и женщины знатных родов, вытекало из той роли, какая при натуральной, замкнутой системе хозяйства выпадала на долю женщины, жены владельца крупных поместий. Вы помните, я указывала вам уже сегодня на то, что в этом хозяйстве женщина играла роль организатора производства в пределах замка, и что производство это было сложное.

Естественно, что грамотная, умеющая считать жена лучше могла распоряжаться доходами и расходами замка, соблюдать экономию, подводить, подсчитывать, комбинировать, легче учитывать недоимки крестьян и высчитывать необходимые количества запасов на зиму или на время возможной осады замка, чем неграмотная, мало сметливая, недальнозоркая хозяйка.

В женщине того времени в сословии дворян, рыцарей, ценились не только красота, но и ум. Летописец XI века пишет про жену герцога Калабрийского Роберта, что жена его Сигельгайта обладала всеми качествами, какие должны украшать женщину: „знатностью, красотой, умом".

Было еще одно свойство, одна отрасль знания, которая высоко ценилась в женщине того времени. Это ее способности лекаря. Мы уже знаем с вами, что врачевание являлось издревне занятием женщин. В седой древности, при господстве первобытного коммунизма женщины уже знали целебные свойства трав и умели ими пользоваться для лечения больных. В средние века лекарское искусство было

слабо развито. Лишь очень крупный владетельный князь или граф мог позволить себе роскошь держать в своем замке заправского лекаря. Остальное население должне было обходиться своими силами. А между тем непрерывные стычки, драки между соседями, войны с иноплеменниками, эпидемии, заносимые войском, делали то, что замок представлял собою не только производственный центр, но и заключал в себе больницу с ранеными и больными, амбулаторию, куда за помощью стекались крестьяне. Жена владельца замка должна была уметь врачевать, если она хотела, чтобы окружающие не только боялись владельца замка, но и нуждались в замке, как центре, откуда шла помощь в нужный момент. И крестьяне прощали многие зверства господину-владельцу замка, если умелые руки его жены спасали раненых и искалеченных от смерти, если она умела излечивать их от недуга целительным лекарством или при тяжелых родах крестьянки не гнушалась войти в избу, чтобы руководить своими „мудрыми“ советами работой растерявшейся деревенской повитухи.

В средние века медицина находилась в руках женщин. Во многих средневековых сказаниях, когда хотели обрисовать идеал женщины, говорили о том, что она умеет хорошо врачевать. Один из известных врачей средневековья, чье имя чтится всеми, кто знаком с медициной, Парацельз, уверял, что он гораздо больше научился у женщин, чем извлек из запутанных, глубокомысленных и неточных учебников по медицине того времени. В 1250 г. король Франция Людовик IX, вернувшись с похода на Иерусалим, дал женщине-лекарке грамоту за ее большие лекарские заслуги во время похода. В XV столетии Доротея Букки состояла профессором медицины в университете Болоньи.

Область медицины в те времена была областью еще мало изученной, она смешивалась с рядом суеверий и пустых предрассудков. Люди еще не знали точных наук, не знали даже строения собственного тела. Поэтому лекарское искусство так тесно соприкасалось со знахарством и заклинаниями, что в глазах широких, невежественных и необразованных масс носило характер колдовства. Знахарку считали нередко ведьмой, которая знялась с нечистой силой, могла вылечивать людей и вообще всячески влиять на их судьбу, жизнь, счастье и здоровье. Знахарок и уважали, и боялись. То самое качество женщины, — ее практические знания в области медицины, — которые на известной ступени хозяйственного развития, при замкнутом натураль-

ном хозяйстве, внушали к женщине почтение, при ином строении хозяйства и общества, в более поздние века стали проклятием для женщины.

Женщин начинают преследовать за ведовство и колдовство, и целые века в Европе непрерывно дымятся костры, на которых сжигали сотни, тысячи, десятки тысяч женщин, заподозренных „святыми отцами", благочестивыми служителями церкви в том, что эти женщины водятся с нечистым, что они „ведьмы", колдуньи.

Но о процессах ведьм мы поговорим с вами в следующей беседе. Сейчас подведем итог положения женщины имущего дворянского сословия в эпоху расцвета феодализма: женщина почитается и пользуется правами, как представительница своего сословия и носительница родового имени. Вне семьи она окружена почетом, поклонением со стороны рыцарей. В семье, в браке она бесправна и зависима не меньше, чем любая крепостная девушка.

Приблизительно до XIII века, пока процветало замковое хозяйство и им руководила жена феодала, женщина получала известное образование. И в семье над детьми она имела власть. Позднее, когда замковое хозяйство с ростом обмена торговли начинает разлагаться, растет денежное обращение, и деньги начинают быть главной ценностью, основой благосостояния, роль женщины в хозяйстве замковом падает, а сама женщина постепенно низводится у дворянства до роли самки. Она превращается в такую же паразитку, какой являлись и законные жены граждан Греции. Жена владетельного графа уже не следит за тем, как идет работа на кузнице, не хлопочет о том, чтобы ткачихи изобретали новые узоры для сукон и полотен, не следит за точкой жерновов для зерна, не торопит выделку новых шлемов, лат и мечей, — все эти отрасли производства уже перестают быть неотъемлемой частью замкового хозяйства. Они переносятся за пределы замка, в города, в избы крестьян-кустарей. В замке рыцаря или усадьбе боярина остается одно узкое домоводство, но и его жены знатных помещиков сбрасывают с себя. Изнеженная жена властелина-помещика передавала его наемным слугам и домоправителям. Вместе с паразитизмом и безделием растут и изнеженность, тупость и ограниченность. Заметьте, что как раз в тот период, когда падает, разрушается помещичье хозяйство, основанное на натуральной замкнутой системе, падает и образованность женщин высших дворянских классов. С первого взгляда кажется странным, каким образом могло случиться, что в отсталом IX веке были

такие образованные, мыслящие умы среди женщин, как Росвита или Гильдегарда, а в XVII — XVIII веках женщины отличаются скудоумием, безграмотностью, суеверием, любят только нарядные тряпки, пустые развлечения, проводя дни свои в тупой праздности или скрытом или открытом разврате? Но если вспомнить, что положение женщины, ее права, ее признание, как личности, ее приобщение к сокровищнице знания всегда вытекает из ее роли в хозяйстве и в производстве, тогда и этот странный на первый взгляд факт станет понятен и очевиден.

Пособия для слушателей по прочитанной лекции.

1. *А. Богданов:* „Курс политической экономии".
2. *М. Покровский:* „История России", I и II томы.
3. *Лили Браун:* „Женский вопрос", главы III и IV.

Лекция четвертая.

Женский труд при господстве ремесленного производства и общинного землепользования.

Посмотрим, каково было положение других двух классов средневековья: горожанок и крестьянок, каковы были их права? Как складывался их быт и их условия существования? Начнем с крестьянки. Но можно ли в эпоху кулачного права жестокого средневековья говорить о правах крестьянки? Крестьянка так же, как и крестьянин, были крепостными „господ". Этим все сказано. Господин, помещик имел над крестьянами неограниченную власть.

Чтобы понять, каковы были отношения между рыцарем, боярином-помещиком, и крестьянином в века средневековья, надо вспомнить, на чем построен был феодализм. Феодальная система хозяйства связана с существованием крупной земельной собственности, на которую распространяется владычество захватчика земли—рыцаря или боярина. На земле же, которая считается вотчиной крупного владельца, работают живут и ведут свое мелкое хозяйство крестьяне. Это не рабы в том виде, в каком существовало рабство в древнем мире, Греции, Риме, Египте; раб, как человек, как личность, был невольником своего господина, но вольный, как человек, крестьянин находится в такой хозяйственной и политической зависимости от крупного землевладельца, что неизбежно попадал к нему в полную кабалу, становился его „крепостным". Ведь лучшую землю захватывали себе бояре и рыцари. Чтобы существовать, вести хозяйство, крестьянам приходилось селиться на чужой господской земле, платя за нее тяжелую дань, оброк натурою, позднее деньгами, отбывать барщину, повинности. Не столько закон (крепостное право по закону существовало много позднее, в России в XVI в.), сколько власть силы давала помещикам неограниченные права над крестьянами. При этом в средние века помещик, владелец вотчины, был не просто собственник земли, а обладал большими политическими правами: он фактически управлял всей вотчиной, судил, изда-

вал свои приказы, налагал сборы на население, казнил и жаловал. Каждый крупный помещик имел власть над более мелким владельцем вотчины, а этот в свою очередь господствовал над еще более мелким дворянчиком. Получалась целая иерархическая лестница с властелинами, государями, или, по-иностранному, феодальными владельцами, „сюзеренами“ и вассалами, т.-е. подчиненными им мелкими дворянами. Эта взаимная подчиненность и зависимость создавала большую устойчивость феодальной системы и поднимала авторитет „государей“, владык. В этой иерархической цепи удел крестьянина сводился к одному: безропотной покорности боярину или рыцарю, да тяжелый труд, львиная доля плодов которого перехватывалась господином и потреблялась в барских усадьбах и рыцарских замках.

В те времена положение крестьянок мало чем отличалось от положения крестьянина. Оба трудились от зари до зари, оба несли тяжелую работу, но труд не давал им ни почета, ни уважения, ни прав. Правами и почетом в те времена обладал лишь помещик, собственник земли, дворянин. Перед лицом помещика зависимость крестьянина и крестьянки уравнивала оба пола. Помещик, рыцарь или боярин мог прогнать с земли крестьянина, мог наложить на него любую повинность, мог наказывать крестьянина за неповиновение; общая зависимость от господина, от владыки сравнивала, стирала разницу между крестьянином и его женой. Бремя господства помещиков делили и муж и жена. Но в своей семье бесправный крепостной, зависимый крестьянин все же являлся владыкой и господином над своей женой. Так же как рыцарь в своем замке издевался над своей титулованной супругой, куражился над женою крепостной крестьянин. Если рыцарь проигрывал жену, как вещь, или усылал в монастырь, то и крестьянин имел право выгнать жену или обменять ее на рынке. В крестьянстве, по мере утверждения частной собственности, крепло отцовское право, а значит власть мужа над детьми и женой. Браки и в крестьянстве заключались обычно по хозяйскому расчету, а не по влечению сердца постольку, поскольку власть помещика не нарушала решения самих крестьян, и помещик просто не приказывал Ивану из семьи такой-то жениться на Марье из деревни такой-то. Над крестьянкой властвовал и хозяин-помещик, и муж.

Рыцари и их сынки не церемонились с крестьянками. Перед боготворимой „дамой сердца“ из знатного рода рыцарь способен был простоять на морозе босиком всю ночь, чтобы доказать свою любовь и обожание возлюбленной. Но

когда дело шло о крестьянке, жене или дочери смерда, рыцарь или боярин обращался с ней с необузданностью дикаря. Для утех своих бояре и рыцари сгоняли к себе на пир крестьянских девушек деревни ему подвластной, бесцеремонно гнали мужа из избы, если крестьянка-жена имела несчастье приглянуться господину. Мастерские в замках и девичьи в барских усадьбах владыка-помещик обращал в свой гарем. Воспевая женщину в стихах, рыцари безжалостно и гнусно ломали ее волю и терзали ее чувства и сердце. Темное, жуткое время! Время, когда власть и сила господствовали безраздельно, не считаясь с законами, не встречая отпора. Лишь к концу средневековья стали крестьяне отвечать на насилия помещиков крестьянскими восстаниями, неизменными и активными участницами которых являлись женщины-крестьянки. Это они во время „Жакерии" во Франции помогали поджигать замки, зарубая вилами и топорами их владельцев, это они шли с лоллардами в Англии, помогали восставшим крестьянам в Германии, шли за гуситами и Томасом Мюнцером. Историки рисуют восставшую крестьянку средневековья, как существо кровожадное, бессердечное и мстительное, превосходящее в своей жестокости дикую необузданность самих крестьян. Могло ли быть иначе? Крестьянка, бесправная перед лицом владыки-помещика, порабощенная грубыми и жестокими обычаями и нравами окрепшего отцовского права, крестьянка в темные века средневековья представляла собою вьючное животное. Крестьянка и пахала, и жала, и ходила за скотом; нет такой трудной работы, которая бы не лежала в хозяйстве на крестьянке того времени. Печальный удел ее отчасти сохранился в отдаленных и глухих углах России и других экономически отсталых странах, особенно на Востоке. Крестьянка несла производительный труд наравне с крестьянином, и все же за ней тогдашнее общество прав не признавало. Чем это объясняется? Задумайтесь, поищите причины.

Мы уже говорили с вами о том, что в эпоху средневековья хозяйство было построено на частной собственности. А там, где господствует частная собственность, там уже ценится не труд и его непосредственные результаты, создающие благо, т.-е. необходимые предметы, а доход, прибыль, которую удается извлечь, опираясь на право собственности, на орудия производства в первую очередь—на землю или на рабочую силу. Вы, может быть, вспомните, что в Греции создателями богатств—и каких богатств!—греческие республики были богатейшими в свое время—являлись

рабы. И, однако, труд их считался ни во что, в расчет бралась только их живая рабочая сила, и ценился труд того, кто лучше умел ее использовать, больше выколотить барышей и прибыли из своих рабов. То же было и при крепостном праве. При этом установившаяся частная собственность создала дробление хозяйства крестьянского на мелкие самостоятельные единицы; пашни, луга, леса еще оставались в общем владении села, общины, совместно обрабатывались; но все-таки каждый крепостной крестьянин имел свой двор. И этот двор принадлежал не жене, не женщине, а мужчине, мужу, отцу, брату. Таково было установившееся и господствовавшее в то время право, вытекавшее из патриархальных нравов.

Но любопытно отметить один важный факт. При всем своем подчинении мужу и семье, женщина в крестьянстве, в среде своего сословия все же пользовалась некоторым признанием, особенно в тех племенах и у тех народов, которые происходили от древних землепашцев, прошедших через ступень матриархата. Нравы крепостного права по отношению к женщине были много мягче у германского, французского и английского народов, чем, например, у племен кочевников, гуннов, татар и других, своими набегами на Европу разорявших мирные земледельческие племена. Во времена средневековья не только в Европе, но и в России все еще шла борьба между правами частного и общинного владения землею. Общинное владение, мир, сохранились в России еще недавно, и были насильственно уничтожены законами министра Столыпина при Николае II. При общинном же хозяйстве перед лицом общины, мира — женщина являлась важной трудовой силой, от которой почти в той же мере, как и от труда крестьянина, зависело благосостояние всей общины. Поэтому бесправная перед лицом мужа и отца в своем доме, крестьянка нередко допускалась односельчанами на совещания, с голосом ее считались бородатые старцы. Даже в России, где женщина рано утратила свои былые права и где установилась особая твердая власть „хозяина“, старшего в семье, крестьянина, вплоть до установления обидного для крестьянки обычая „снохачества“, нравы, при которых муж мог безнаказанно всячески измываться над женой и избивать до полусмерти, все же в целом ряде губерний крепко держался обычай, по которому крестьянка имела право участвовать на мирских сходах, особенно в отсутствие мужа.

Есть еще одна отличительная черта в положении крепостной крестьянки средневековья, отмечающая в лучшую сторону

ее судьбу от судьбы гордой боярыни или рыцарской жены. Несмотря на то, что помещик имел неограниченную власть над крестьянами, что он мог женить и разводить их, несмотря на то, что по всей Европе производился позорный обычай „права первой ночи", которым пользовались помещики, все же брак по любви, а не только по хозяйственному расчету, гораздо чаще встречался в крестьянстве, чем у знатных господ, и девушки здесь пользовались большей свободой, чем дочери рыцарей и бояр. Об этом повествуют нам старинные песни и сказания.

Еще один любопытный факт: если девушка, дочь рыцаря, сходилась с мужчиной до брака, она и весь род ее считался опозоренным. В жены ее уже никто не брал. В крестьянстве же в те времена на это дело смотрели просто и позора в том, что люди сошлись до брака, не видели. Чем это объясняется? Хозяйственным расчетом. В крестьянстве того времени, при крайне тяжелых условиях сельско-хозяйственных работ рабочие руки были в большой цене. Лишний ребенок означал лишние рабочие руки, а это было только выгодно крестьянскому хозяйству. По той же причине крестьянин мирился с правом „первой ночи" и не гнал от себя жены, приглянувшейся „барину". Такое насилие над его женой крестьянин рассматривал скорее, как личное горе, но не как непоправимый позор. Лишь по мере выделения крестьянского отрубного хозяйства из общины и уменьшения площади хозяйства стали изменяться нравы и в деревне: дочку, родившую до венчания в церкви, отец гнал со двора, а „согрешившую" жену крестьянин избивал до полусмерти.

Чем тверже укреплялась частная собственность в крестьянстве, тем бесправнее, тяжелее и беспросветнее становилась жизнь и участь крестьянки. „Горькая бабья долюшка" стала уделом женщины-крестьянки всего мира при господстве помещичьего засилья и власти, при форме хозяйства, основанного на частном владении землей и при крепостном труде.

Итак, подводя итог положению женщины в крестьянском и дворянском сословии, мы должны признать, что в средине века отсутствие равенства, самостоятельности и полноты человеческих прав вытекало, главным образом, из господствующих экономических, хозяйственных отношений и из системы частного владения.

Перейдем теперь к рассмотрению положения женщины в третьем сословии горожан, из которого постепенно образовались два враждебных класса: буржуазия и пролетариат. О

возникновении городов мы уже говорили. Они выростали обычно из длительных ярмарок, рынков, узловых пунктов, мест обмена, торговли. В городах жили, по преимуществу, ремесленники и купцы. Говоря о женщине-горожанке, мы будем иметь в виду, главным образом, ремесленное сословие. В купеческом сословии женщина не играла никакой самостоятельной роли. Вероятно, это происходило оттого, что купцы того времени торговали обычно заморскими товарами, а это требовало подвижности и самостоятельности, какой женщина того времени не обладала. Все же изделия, какие производились в самом городе и его окрестностях, обычно обменивались непосредственно между заказчиком и производителем без посредника. Только уже к концу средневековья, в XIII—XIV веке товар стал попадать в руки посредников-торговцев, а не обмениваться между производителями (ремесленником и хлебопашцем или двумя ремесленниками разных промыслов).

В сословии купцов женщина являлась только домохозяйкой и женой. Роль ее в производстве сводилась к домоводству, правда, довольно сложному по тому времени, так как большинство предметов домашнего потребления производилось на дому руками домочадцев. Но все же труд по домоводству не создавал товарных ценностей, а шел на непосредственное потребление, и потому труд женщины не ценился. Кормильцем семьи в городском сословии, и особенно среди купечества, являлся только муж, глава семьи.

Иначе складывалось положение жен и дочерей ремесленников. Ремесленник жил не на барыши от продажи заморского товара, не на непроизводительный труд торговых сделок, а на изделия своих рук. Чем больше ему удавалось изготовить сапог, столов, шкафов, седел, украшений или одежд, тем большим довольством мог ремесленник окружить свою семью. Естественно, что при таком положении вещей ремесленник привлекает к сотрудничеству жену, а там и других членов семьи: дочерей, сыновей. Получалась целая мастерская. Чем больше рабочих рук—тем лучше, более споро идет работа; заказчики охотнее обращаются к мастеру, который скорее выполняет заказ. Ремесленник бессемейный, чтобы выдержать конкуренцию с мастером семейным, должен нанимать себе помощников. Он берет учеников, учит их ремеслу и делает их своими помощниками, подмастерьями. Так вырастает целая новая система производства—ремесленная, с мастером во главе и его учениками, вольными тружениками, а не крепостными людьми, под его

началом. Чтобы урегулировать взаимоотношения между заказчиком и ремесленниками и чтобы не дать конкуренции понизить благосостояние ремесленников, ремесленники объединяются в свои особые ремесленные организации, образуют цехи. Ремесленное производство существует рядом с крепостным трудом крестьянина, дополняя феодальную систему хозяйства, основанную на крепостном труде.

Женщина в ремесленном производстве играла значительную роль, особенно в XII—XIV веке. Были ремесла, где женский труд преобладал, напр., ткачество, плетение кружев, бахромный, чулочный промысел, изделия кошельков и т. д. До XIV века почти повсеместно в ученичество принимались не только юноши, но и девушки. Жены работали вместе с мужьями; после смерти мужа жена хотя и получала в наследство мастерскую и право мастера, но новых учеников брать не могла. Единственный выход, если она хотела продолжать дело мужа—выйти замуж за подмастерья. Тогда подмастерье становился мастером, и дело не только могло продолжаться, но и расширяться: такой брак объединял права двух мастеров, а это давало возможность увеличить число учеников, что, конечно, было очень выгодно для хозяев мастерской.

Женский труд в XII—XIV веке был настолько распространен в целом ряде городов Германии, Франции, Италии и Англии, что существовали цехи, которые охватывали одних женщин. Шерстопряденье было издавна делом женским. В средние века существовали цехи прядильщиц, чесальщиц, мотальщиц. В Кельне—старинном промышленном центре Германии—в XIV веке имелся крепкий цех мотальщиц. Во Франции процветал цех кошельниц и модисток. Тканье холста также считалось женским делом по преимуществу. Тканье и стирка вуалей находилось всецело в руках женщин; у них был свой цех ткачих тонких материй: в XIV и XV веках существовал цех позументщиц.

В Англии в XIV столетии из числа 500 гильдий (цехов) в 495 насчитывалось поровну мужчин и женщин. Закон Эдуарда III в середине XIV столетия указывает на распространение женского труда в ремеслах: он устанавливает право женщин заниматься пивоварением, печением хлеба, пряденьем, ткачеством и т. д. Особенно распространено было в Англии ремесло трактирщиц и мелких торговок. Пивоварение считалось исключительно женским делом. Наибольшее распространение имел труд женщин в следующих частью „свободных", т.-е. не организованных в цехи, частью цеховых ремеслах: ткацком, суконвальном, льнопря-

дильном, золотошвейном, свечном, белошвейном, пекарном, кружевном, чулочном, бахромном. Ремесло банщиц и прачек издавна было женским делом. Женщины брались даже за профессию цирюльников. Крупной торговлей женщины, правда, не занимались, но зато мелкая торговля покоилась, главным образом, на женщинах, особенно к концу средневековья. Рыночные торговки торговали живностью: курами, гусями, продавали цветы, овощи, фрукты и иные съестные припасы. Нередко занимались женщины скупкой старья и перепродажей.

В ремеслах со смешанным мужским и женским трудом ремесленницы обычно входили в качестве равноправных членов в общий цех. В городах Германии—Мюнхене, Кельне, Данциге и др.—в XIV веке по цеховому уставу каждый мастер мог иметь одного ученика или одну ученицу. В Гамбурге и Страсбурге ткачихи состояли членами цехов. Женщины работали в кожевенном производстве; цех золотобойцев и золотопрядильщиков насчитывал много женщин.

Женский труд при ремесленном производстве получил такое широкое распространение, что цеховые уставы начали заниматься специальной регулировкой женского труда. Например, золотобойцу-мастеру не разрешалось занимать в мастерской больше 3-х детей; женщин допускали до звания мастерицы-помощницы мастера. Цех ковровщиков в Париже еще в 1290 году запретил труд беременным женщинам частью в интересах потомства, частью ради сокращения конкуренции со стороны женщин. Позднее, при обострении конкуренции между ремесленниками, в XV—XVI веках, цехи совершенно стали прекращать доступ женщин в цеховые организации. Но в период расцвета ремесленного производства труд женщин играл в городах большую роль. Широкое участие женского труда в ремесленном производстве средневековья объясняется тем, что, как показывает статистика, в городах женское население обычно преобладало над мужским. Статистика целого ряда городов XIII—XIV века показывает, что на 1.000 мужчин приходилось 1.100—1.250 женщин, в отдельных случаях больше. Составляя большинство населения, женщины принуждены были сами искать пропитания, заработка. Не хватало мужчин, чтобы в качестве мужей-кормильцев заботиться о женщине. Такое преобладание женщин над мужчинами в городах вызывалось тем, что мужчины обычно отвлечены были непрерывными войнами.

Войны же беспощадно уничтожали мужское взрослое население. К тому же женское население деревень искало

убежища в городе, спасаясь от тирании и насилия властелина-помещика или его не менее жестокой супруги. В городе легче было пристроиться крестьянке, бежавшей от крепостной неволи. Мужчина-крестьянин, тот бежал от ига рыцарей на войну, шел в ратники; для женщины было лишь два пристанища: монастырь или город. И женщины тянулись в город, чтобы прокормить себя, а нередко и детей своих трудами своих рук. А если не удавалось прокормить себя честным трудом, женщина в городе шла на последнее: она начинала торговать своим телом. Эта форма заработка была настолько распространена, что женщины, торгующие собой, во многих городах образовывали свои цехи. Эти цехи утверждались отцами города, цеховые проститутки жестоко преследовали женщину, которая занималась проституцией, не войдя в узаконенную и признанную почтенными отцами города организацию проституток и промышлявшую своим телом вне установленных „дворов девушек", тогдашних домов терпимости.

Участие горожанок-ремесленниц в общественно полезном производительном труде ставило ремесленницу в совершенно другие условия, чем ее современницу—крестьянку или жену знатного рыцаря. Ремесленницы участвовали в решении вопросов тогдашней производительной политики города, пользовалась правом распоряжаться своим заработком, принимали участие в веселых, пьяных празднествах, которыми так изобиловала жизнь средневековых городов, и вообще пользовалась относительной свободой и независимостью. Даже в России, переживавшей средние века еще в XVI веке, положение горожанки было много лучше, чем положение боярыни, особенно в вольных промышленных городах— Пскове, Новгороде и др. Яркий образ Марфы-Посадницы, правившей Великим Новгородом и страстно защищавшей его вольности против посягательства князей-грабителей, говорит за то, что женщины участвовали в политической жизни своего города и что горожане в этом не видели ничего непристойного. Даже во взаимоотношениях между мужем и женой ремесленников существовало больше равенства и взаимного признания, чем в буржуазных браках более позднего времени, не говоря уже о нравах, царивших в соседних феодальных замках.

Такое положение вещей вызывалось все той же причиной: ролью женщины в производстве при господстве районного ремесленного хозяйства средневековых городов. Участие женщины в производительном труде, то, что она наравне с мужчиной, мужем, братом и отцом создавала

равные ценности, заставляло отступать на второй план патриархальные нравы и забывать о власти мужского кулака над женою. Однако, преувеличивать значение женщины в хозяйстве города и в общей системе производства того периода не приходится.

Как бы много женщин ни жило на продукты своего труда, подавляющее большинство все-таки существовало на средства мужа и ведало лишь узкой областью труда— домоводством, выполняя подсобную в хозяйстве работу; отсюда естественно, что ремесленницы, члены цехов, не пользовались полностью теми правами, которые выпадали на долю их мужей и братьев. Для того, чтобы женщина получила признание, как равноправный и равноценный член общества, необходимо было, чтобы большинство женщин или во всяком случае крупный их процент превратились в производителей ценностей, в граждан, занятых полезным трудом с точки зрения народного хозяйства. Этого в средние века не было. Во всех сословиях основным производителем или добытчиком богатств, прибыли (в дворянском, купеческом, ремесленном и крестьянском сословии) оставался мужчина. И поэтому женщины продолжали оставаться бесправными в обществе и государстве, зависимыми в семье и браке.

Буржуазные историки любят изображать средние века, как время, когда царила идеальная семейная жизнь у горожан, а женщина-горожанка пользовалась, в благоразумных границах, и самостоятельностью, и признанием. Женщины же знатного рода вызывали поклонение мужчин их сословия. Средние века в описании буржуазных писателей окутаны розовой дымкой романтизма. Но мы знаем другое, мы знаем, что то были жестокие полуварварские века... Женщинам всех сословий жилось тяжко, и на женщину обрушивались все ужасы тогдашних жестоких, темных нравов. Именно в средние века, под влиянием окрепшей христианской церкви, утвердился взгляд на женщину, как на „сосуд дьявола“, Христианство проповедывало „умерщвление плоти“, оно ввело посты, изнурение себя молитвами, оно поощряло безбрачие не только монахов и священников (католиков), но и остального населения. Брак считался „утехой плоти“, и если церковь и освящала его, то все же сожительство супругов считалось уступкой грешной плоти. На одном из соборов или, как бы мы это теперь назвали, конгрессе попов и монахов в Маконе (во Франции) в IX веке принято было, как правило, для каждого доброго христианина „умерщвлять свою плоть“. Легко себе представить,

во что выливалось, при таком взгляде на потребности тела, отношение к женщине со стороны христианской церкви.

Все религии, выросшие при господстве отцовского права, грешили несправедливым отношением к женщине и признанием ее подчиненности мужчине, как божеского закона. Но христианство, ставшее из религии рабов религией богачей и власть имущих, особенно погрешило против женщин. Христианство в средние века потому и распространилось, что оно освящало права собственности и всякого рода неравенство, насилие и угнетение бедноты власть имущими. Ведь христианство учило бедноту и бесправных крепостных терпеть и смиряться. На том свете, мол, вам за это воздастся! Христианство не будило мысль и волю и всячески усыпляло и то и другое. „Верь и не рассуждай“— это было именно то, что надо было господствующему классу помещиков, чтобы утверждать свое господство, опираясь на авторитет самого господа бога. „Умерщвление плоти“. разумеется, было менее удобным правилом жизни, но разве рыцари и бояре и даже самые яростные защитники христианской церкви следовали этим правилам церкви? Они предоставляли монахам и отшельникам „истязать свою плоть“, а сами, погрязая в самых грязных пороках, платили монастырям, чтобы те замаливали их грехи.

Христианство являлось религией очень удобной для власти имущих и очень тяжелой для угнетенного неимущего класса, и еще более для женщин. На судьбу женщин христианство имело вредное влияние. Христианство закрепило авторитетом бога право сильного в семье, подчиненность женщины, власть над нею мужа. Христианство, проповедуя „умерщвление плоти“, перекладывало весь любовный грех и соблазн на плечи женщины. В средние века монахи и другие священники, отцы христианства исписывали целые томы, доказывая греховную природу женщины, стараясь переложить на плечи женщин ответственность за слабость своей плоти, за плотские свои грехи. Народное невежество, косность мысли при общем медленном развитии хозяйства и общества, слепо принимало на веру то, что проповедывала церковь. Разврат практически не уменьшался, проституция процветала в средних веках, и, читая нравы того времени, мы можем сказать, что средние века не отставали по развращенности от буржуазно-капиталистического века, но зато росли лицемерие, ханжество. Развилась „двойная мораль“, которая всей тяжестью обрушилась на женщину. Началось жестокое преследование девушки-матери, вмешательство церкви и общественного

мнения в брачную жизнь. Появились самоубийства девушек-матерей и стало расти число детоубийц, этих несчастных жертв христианского лицемерия.

Но самым тяжким преступлением христианской религии являлись нескончаемые процессы ведьм. Христианская религия поддерживала косность, консерватизм, боялась всяких новшеств, а значит и всякой работы мысли.

Христианство преследовало науку, боялось ее уничтожающих и все пронизывающих лучей. Христианство преследовало всех тех, кто, не нося рясы, имел духовное влияние на окружающее.

Между тем именно женщины, „сосуд греха“ по мнению святых отцов, зачастую в средние века обладали значительно большим духовным развитием, чем мужчины. Рыцарь воевал, разбойничал, насильничал, занимался развратом, творил неописуемые жестокости, но зато он не рассуждал, не жил своим умом, а, погрешив, каялся перед святым отцом, да еще щедро награждал церковь за отпущение грехов. Не то женщины рыцарского сословия. Полученное ею образование, обязанности организатора в замковом хозяйстве—все это изощряет ее мыслительные способности, делает ее духовно богаче своего супруга. С ней духовнику приходилось держать ухо востро, уметь подчинить себе мысль и волю женщины, иметь влияние на нее. Если это не удается, то между святым отцом и женой рыцаря начинается безмолвная борьба. И беда, если поражение на стороне святого отца, если рыцарь внял совету умной жены, а не наущению попа или монаха. Этой победы церковь женщине не простит, она начнет ее всячески преследовать и при случае загубит. Для „доброго христианина“ это и не так трудно, ведь женщина „сосуд дьявола“, хранилище всяческого соблазна... Самые достоинства женщины в руках попов и монахов обращаются против нее. Если крестьянка занимается лечением своих односельчан и дело идет успешно, а односельчане начинают уважать ее и почитать, церковь, видя в ней соперницу, духовно влияющую на окружающих, спешит бросить тень на лекарку, признав ее работу „делом нечистого“, уличив ее в колдовстве. Чем женщина в средние века более знающая, мудрее, тем вернее, что святые отцы в ней и усмотрят „ведьму“. Так берут начало процессы ведьм, эта жуткая расправа с женщинами, длившаяся веками. Особенно богаты процессами ведьм XV—XVII века. Мнимых ведьм сжигали сотнями, тысячами. В городе Фульде, например, за год было сожжено 700 женщин „колдуний“. На севере Италии около живописного озера

Комо ежегодно казнили не менее 100 женщин за сношения с дьяволом. Существовало особое руководство, книга, по которой давались указания, как распознавать ведьм и как с ними потом расправляться, под названием „молот ведьм“... Многие несчастные жертвы христианского благочестия, не выдерживая пыток, сами клепали на себя всякие небылицы, уверяли, что летали на Лысую гору, на пир ведьм, что находились в общении с сатаной, что принимали образ животных, околдовывали людей или накликали бедствия и болезни на народ.

Темный, невежественный, забитый народ верил всем этим небылицам, а святые отцы поддерживали эту темную веру ради своих выгод. Но именно обилие процессов ведьм, именно то, что гнев косных служителей церкви в те века обрушился, главным образом, на женщин, показывает, что женщина того времени не представляла еще той послушной и безвредной дочери христианских пастырей, какой она явилась впоследствии, когда условия хозяйства окончательно лишили женщину инициативы, загнали ее в узкие рамки домоводства, убили в ней мысль и великую самодеятельность.

Преследование женщин за ведовство и колдовство началось еще в глубине средних веков. Но раз пущенное в обиход обвинение продолжало действовать, спустя много веков, даже и тогда, когда женщина при устанавливающемся буржуазном строе загнана была в дом и превратилась в простой придаток при мужчине.

Итак, подведем итог сегодняшней нашей беседе.

В этот период господства феодально-помещичьего быта и натуральной системы хозяйства, между IX и XV веком, женщина хотя бесправна и не самостоятельна, все же положение ее лучше, чем в последующую затем эпоху капитализма, расцвета торговли, капитала и мануфактуры.

В классе помещичье-феодальном женщина, являясь организатором производства, пользуется известными преимуществами, признанием и правами, насколько дело идет о правах господства над другими классами населения и о некоторых имущественных привилегиях. Но по отношению к мужу она бесправна и по закону всецело ему подчинена. Равенства в отношении между полами нет. То же и в сословии горожан. Правами ремесленница пользуется, как представительница профессии, но в семье признана и твердо проводится власть отца над детьми и власть мужа над женой. В крестьянстве существуют те же взаимоотношения. Теоретически, как своего рода символ, память о прошлом,

крестьянин еще чтит женщину и как носительницу рода и как основного производителя в хозяйстве (в особенности в германских народностях), но в семейном обиходе она — слуга и раба своего господина-мужа.

Так обстояло дело, и таково было положение женщины при феодальной системе хозяйства.

Чтобы выйти из этого тяжелого, гнетущего и оскорбительного состояния подневольной слуги и бесправной рабыни, женщина должна была пройти еще одну ступень своего существования: одолеть тяжелую и беспощадную школу жизни под знаком наемного труда, при господстве системы капиталистического хозяйства. Капитализм втянул женщину в производительный труд, труд общественный, подготовил почву и сделал возможным борьбу за равноправность и раскрепощение женщины. Раскрепостить женщину в полной мере сможет только новая, более совершенная форма хозяйства — система коммунистического производства, разумно использовывающая силы женщины для блага коллектива.

Пособия для слушателей по прочитанной лекции.

1. *Бюхер:* „Женский вопрос в средние века".
2. *К. Каутский:* „Рабочий вопрос в средние века".
3. Также см. *Лили Браун и А. Бебеля* (историч. часть).

Лекция пятая.

Положение женщины в эпоху расцвета торгового капитала и начала мануфактурного периода.

Сегодня, товарищи, мы перейдем к рассмотрению положения женщины в период развития капитализма. В прошлой нашей беседе мы с вами остановились на системе феодального хозяйства, основанного на крепостном труде, слабо развитом обмене, на постепенно развивающихся ремеслах в городах. Мы видели, что и тогда, как и на предыдущих ступенях хозяйственного развития, роль женщины в народном хозяйстве определяет ее права, ее положение в обществе. При системе натурального хозяйства в эпоху феодализма, т. е. господства власти помещиков, бояр, рыцарей, преобладающее большинство женщин в производстве не участвует. Замкнутая семья в единолично-индивидуальном хозяйстве отстраняла женщин от производительного труда на коллектив и обрекала ее на производительную работу обслуживания своей семьи. И как бы ни был тяжел этот труд, как бы много трудовой энергии она ни растрачивала на домоводство, труд ее в народном хозяйстве не ценится, так как продукты, ею произведенные, на рынок не попадают.

Мы видели с вами также, что положение женщины в средневековье разнилось в зависимости от того, к какому классу принадлежала женщина: крепостному ли, крестьянскому, сословию горожан или владетельным семьям феодальных помещиков, дворян.

Крепостная крестьянка лишена была прав на том же основании, как и ее муж, крепостной крестьянин. И муж и жена, крепостные крестьяне, одинаково зависимы и бесправны. Но внутри крестьянского сословия женщина (напр., в Германии) пользуется еще постольку уважением, поскольку в памяти сохраняется ее роль в производстве, в хозяйстве (племена земледельческие). В племенах прежних кочевников (нравы кочевников окрасили быт русских крестьян) женщина—слуга и раба своего мужа. По мере закрепления семьи и частной собственности в крестьянстве повсеместно

берет верх отцовское право, и женщина оттесняется в узкую область домоводства.

В сословии горожан известная часть (не большинство), женщин втянуто в производство. И поскольку женщина-горожанка является свободной ремесленницей, членом соответствующего цеха, поскольку она способствует обогащению родного города через производство, постольку она пользуется известными правами в пределах своего города. Но в собственной семье она подчинена мужу или отцу; „кормильцами" семьи все-таки считаются муж или отец, так как большинство горожанок действительно живут на средства мужа, выполняя лишь малоценную для народного хозяйства работу по домоводству.

В сословии помещичье-феодальном женщина в браке подчинена мужу и зависима от него, но пользуется известным признанием, поскольку она фактически является организатором и руководителем производства в замковом феодальном хозяйстве. Впрочем, по мере того, как натуральная система хозяйства еще при феодализме вытеснялась системой менового хозяйства, по мере того, как стали развиваться ремесла, вошли в обращение деньги и росло число наемных слуг и специалистов-ремесленников, выполнявших за деньги заказы и задания господ, замковых властелинов, роль организатора хозяйства в лице жены помещика, феодального властителя, сводилась на-нет. Не надо было заготовлять запасы на годы вперед, не приходилось заботиться, чтобы производство внутри замка ни на минуту не ослабевало, не надо было следить за точным распределением скопленного и заготовленного добра, так как все потребности могли быть удовлетворены непосредственно покупкой необходимых предметов в ближайших торгово-промышленных центрах — городах. Если в IX — XII веке рыцарский замок представлял собою замкнутый хозяйственный мирок, во главе которого стояла жена владельца, то уже в XIV веке это — уже хищническое гнездо, стремящееся путем эксплоатации крестьянства, непомерных налогов на хлебопашцев и горожан извлечь наибольшие барыши и пустить эти барыши в ход, чтобы обставить замок и его обитателей всевозможной роскошью и богатством. Жена помещика-рыцаря в конце XIV и XV веков гнушается всякого труда, даже домоводство ведется не ею. Всякая работа в доме помещика возложена на крепостных или наемных слуг. Женщина только „самка", только производительница потомства.

Когда феодально-помещичья система хозяйства достигла высшей точки своего развития, и тот же крепостной труд

при изменившихся хозяйственных задачах (стремление получить помощью обмена большую прибыль) стал тормозом в дальнейшем развитии производительных сил, на смену прежней системы хозяйства по неизбежным законам экономического развития явилась выросшая из системы обмена новая форма хозяйства—капиталистическая.

О положении женщин при капитализме мы и побеседуем с вами сейчас. Но раньше я должна обратить ваше внимание, что капитализм не явился сразу в той готовой законченной форме, каким мы привыкли его видеть теперь. Капитализм прошел в своем развитии несколько стадий, т.-е. ступеней. Самая раннняя форма капиталистического производства, это — сосредоточение капитала, с одной стороны, в торговле (торговый капитал в то время самый прибыльный), с другой — в мануфактуре. Мануфактура постепенно (к концу XVIII столетия) превращается в фабрику, завод. Промышленный капитал берет верх над капиталом торговым, начинает играть господствующую роль в народном хозяйстве. Это все еще период неограниченной конкуренции; идет жестокая борьба между крупными предприятиями и бесчисленными мелкими производителями. Мелкие беспощадно разоряются крупным капиталом. Рынок труда всегда переполнен свободными рабочими руками. Во второй половине XIX века вместе с победой крупного производства утверждается система хозяйских объединений, трестов, хозяйских синдикатов-союзов, появляется и новая сила в капиталистическом хозяйстве—финансовый капитал.

Перепроизводство в высоко развитых капиталистических странах и еще более стремление накопленного капитала найти для себя выгодное приложение заставляет капиталистическое государство вступить на путь завоевательной колониальной политики. Это высшая точка развития капитализма, его завершенная форма, за которой следует неминуемо развал данной системы производства, так как новые задачи хозяйства требуют широкого расцвета производительных сил. А капиталистическая система сама тормозит это развитие, не давая простора хозяйственному творчеству нового класса основных производителей — классу рабочему. Исход один: перейти к иной, новой, более совершенной системе хозяйства, гарантирующей простор для хозяйственного творчества и развитие трудовых сил трудового рабочего коллектива, т.-е. к коммунизму. Я отвлекаюсь в сторону намеренно, надо, чтобы у вас перед глазами, хотя бы в общих чертах, стояла картина капиталистического развития:

тогда вам легче будет уяснить себе и роль женщины на этой ступени развития общества.

Остановимся же на первоначальной ступени развития капиталистического хозяйства в эпоху расцвета торгового капитала. Перенесемся с вами в века обострившейся борьбы между феодальной и капиталистической системами хозяйства, в момент, когда капитализм начинает одолевать старую систему натурального хозяйства. В одних странах, Италии, например, процесс этот завершился уже в начале XII века, в других, наприм., Франции и Англии, он только начинается в XIV веке, в Германии тянется через весь XVII и даже XVIII век. В России берет начало в эпоху Петра Великого (в начале XVIII столетия), но завершается лишь в XIX веке. В странах Востока этот процесс не закончен и сейчас. Скорость развития капитализма не одинакова в разных странах в зависимости от ряда переходящих условий. Но общая картина первых ступеней развития капитализма всюду одна и та же. А так как эта ступень имеет большое влияние на развитие дальнейшей исторической судьбы женщины, то мы остановимся на этом периоде несколько подробнее.

Каковы отличительные черты капитализма, чем разнится капиталистическое хозяйство от предыдущей ступени хозяйства? Тем, что капиталистическое хозяйство основано не на труде крепостных крестьян, а на труде вольнонаемного рабочего. При натуральном хозяйстве со слабо развитым обменом производство имело целью непосредственное потребление, а не производство на рынок. При ремесленной форме производства ремесленник работает на заказчика, рынок у него определенный, ремесленник продает не свою рабочую силу, а продукт своего труда. При капиталистической системе производства вольнонаемный рабочий продает капиталисту свою рабочую силу. При господстве ремесленном мастер не заинтересован увеличить производительность труда, так как он обеспечен заказчиком, а цены нормируются уставами цехов. Зато производительные силы слабо нарастают. При капитализме предприниматель или скупщик гонится за прибылью, а значит, с одной стороны, стремится расширить свой рынок сбыта, с другой — поднять производительность труда либо расширением эксплоатации, либо введением новых форм производства (напр., мануфактурной системы), либо развитием техники. В то время, как цеховые мастера, боясь конкуренции, всячески препятствовали росту числа учеников, т.-е. своих же рабочих, предприниматель, наоборот, заинте-

ресован в том, чтобы иметь возможно больше рабочих рук и притом по самой низкой цене. Появляется спрос на дешевую рабочую силу. Этот спрос открывает дорогу для вовлечения женщин в производство.

Период первоначального развития капитализма, начиная с XIV веке по XVII и даже XVIII век, это тяжелый период для малоимущего люда, век суровый ломки для всего человечества. Годы жестоких гражданских войн между отживающим дворянством и восходящей буржуазией, годы развала прежней системы производства и мук нарождения новой системы хозяйства. Города и села разорены. Число нищих, бродяг, бездомных, а значит безработных, достигает небывалых размеров. Особенно велико число одиноких женщин, выбрасываемых на рынок труда: тут и жены разорившихся ремесленников, и жена крестьянина, бежавшего от непосильных поборов помещика, тут и бесчисленные вдовы солдат, павших в национальных и гражданской войнах, и сироты, потерявшие родителей. Этой обездоленной, голодной, бесприютной женской ратью кишат города, наполняются проезжие дороги... Огромную женскую часть бездомного и безработного населения поглощают мутные волны проституции, другая часть стучится в двери ремесленных мастерских, с неменьшей настойчивостью предлагая свои дешевые рабочие руки, чем в наши дни расцвета капитализма. Но в мастерских прочно засели почтенные помощницы мастеров — их жены и их сметливые молоденькие дочки, которые рассчитывают, что знание ремесла поможет им найти более достойного мужа... Наплыв дешевого женского труда в ремесла стал настолько велик к концу XIV и началу XV века, что цеховые организации, напуганные конкуренцией женщин, стали закрывать доступ женщинам в ремесла, проводя ряд ограничительных постановлений. Одни цеховые уставы стали запрещать мастерам брать женщин в ученичество, другие постановления запрещали женщинам заниматься тем или другим ремеслом. Уже на что исконно-женское ремесло — плетенье кружев, но во Франции закон 1640 года запретил женщинам им заниматься.

Разумеется, голод, нищета, бесприютность заставляли женщин находить всякие обходы этих запретительных законов; женщины брались за работу в тех профессиях, которые еще не были забронированы за мужчиной, но при этом, сознавая свое безвыходное положение, они сами обесценивали свои рабочие руки, чем положение трудящейся женщины лишь ухудшалось.

Нет ничего удивительного, что с конца XIII и начала XIV века замечается большой прирост женских монастырей. Для необеспеченной одинокой крестьянки и горожанки монастырь был верное убежище от нищеты, бесприютности, угнетения со стороны господ и богачей. Шли в монастыри и женщины высших сословий, спасаясь под сенью монастырей от деспотизма мужа или гнета отца. Тогда же, к концу средневековья стали возникать и особые приюты для одиноких женщин, девушек и вдов под названием „божьих домов". Содержались эти дома обычно на средства богатых благотворителей, добрыми делами желавших спасти свою душу. „Божьи дома" представляли собою общежития тружениц, род трудовой коммуны. Здесь царил строгий религиозный трудовой режим. Женщины, селившиеся в этих домах, строго должны были блюсти безбрачие и выполнять всякую работу, которая на них возлагалась. Одевались они в особые одежды и носили на голове белые покрывала, в отличие от других горожанок. Звали этих женщин „белицы" или „бегинки" [1]). Белицы окупали себя своим трудом. Они ухаживали за больными, шили, пряли, выполняли всякие работы по требованию городских властей или по частному приглашению. Эти божьи дома процветали в XIII по начало XV века, потом под влиянием изменившихся условий и, главным образом, вследствие постепенного поглощения одиноких женщин начавшим развиваться мануфактурно-промышленным трудом, они стали распадаться. Но и много позднее, в XV, XVI столетиях, женщины пытались сами при помощью различных обществ и союзов бороться с ухудшающимися условиями жизни и труда.

Века XIV и XV носят в истории громкое название эпохи „Возрождения". Века эти правильнее было бы назвать эпохой зарождения капитализма. Замкнутая форма натурального хозяйства отжила свой век. Производительные силы для своего развития требовали новой системы хозяйства. Пышно расцветавший торговый капитал искал себе приложения, чтобы умелыми и выгодными оборотами получить наивысшие барыши, проценты на капитал. Вместо помещика, подгонявшего кнутом крепостного, выростала новая фигура предпринимателя-скупщика, который покупал живую трудовую силу неимущего люда и путем нищеты заставлял этот нарождающийся пролетариат обогащать свои карманы. Бесправная, обездоленная, не видя ниоткуда опоры, ни за-

[1]) Основателем этих домов был крестоносец Гуго де-Бег. В Италии дома бегинок процветали уже в XII веке и стали хиреть к концу XIII века.

щиты, женщина первая становится добычей нарождающихся хищников-предпринимателей. Рядом с хорошо обеспеченным, защищенным цеховыми уставами ремесленным производством возникает новая отрасль промышленности—кустарное производство. В XV—XVII веках кустарничество получает широкое распространение во всех почти государствах Европы.

Кустарная форма производства, это — переходная форма от ремесленного к наемному труду. Отличается она от ремесленного производства тем, что между ремесленником и заказчиком, как правило, нет посредника. При кустарничестве ремесленник-кустарь сбывает свой продукт на неопределенный рынок через посредника-скупщика. Часть, т.-е. известную долю своей прибыли, на каждом сработанном продукте, кустарь уступает скупщику; поэтому, чтобы заработать свой прожиточный минимум, т.-е. то, что ему необходимо для жизни, кустарь или кустариха принуждены постоянно увеличивать производительность своего труда. Такое явление способствует известному росту производительных сил, но вместе с тем ведет к установлению еще одной формы эксплоатации труда. По мере роста числа кустарей и необходимости перерабатывать все большее количество материала, чтобы заработать необходимый прожиточный минимум, появляется необходимость для кустаря не только продавать скупщику свои изделия, но и получать от него материал. Это—переход к сдельной плате или наемному труду.

В XI и XIV веке в больших итальянских городах, рядом с умиравшими свободными ремеслами процветают кустарные промыслы, особенно ткачество, пряденье, вышиванье по шелку и другие отрасли труда, которыми заняты преимущественно женщины. Во Фламандии (часть Голландии) растет выделка сукон и полотна тем же кустарным способом, в Англии в XV и XVI веках сукноделие — в руках скупщиков-предпринимателей, на которых работают кустари.

Не одни только одинокие бездомные женщины втягивались в производство, кустарничество давало возможность и крестьянке, не покидая дома и семьи, участвовать в общественном производстве. Кустарничество в те темные века непомерных поборов помещиков являлось большим подспорьем для земледельческого населения. Но чем больше лиц было втянуто в круговорот производства через посредников, тем наглее становилась эксплоатация со стороны хозяев-скупщиков и тем невыносимее положение всей

бедноты. Особенно тяжело было положение женщин. Хозяин-скупщик чувствовал свою неограниченную власть над беднотой; беглой крестьянке он грозил выдать помещику, одинокой горожанке—обвинить в бродяжничестве или проституции, что влекло за собою тяжкие, оскорбительные наказания... И женщины-кустарихи, позднее наемные работницы мануфактур, шли на все условия, какие диктовал им паук-посредник.

В период расцвета ремесленного производства женщина была бесправна, в кругу своей семьи зависима от мужа, но зато, как член цеха, как производитель, в городе она обладала известным признанием и уважением. Кустариха лишилась и этих последних привилегий. Ее тяжелый многочасовой труд на предпринимателя-скупщика расценивался, как простое дополнение к домоводству. Даже те скромные цеховые регламенты, что охраняли труд женщины в ремеслах, отпадали для работниц кустарного промысла. И сейчас в капиталистических странах хуже всего живется работницам, работающим на предпринимателя у себя на дому. Недаром форма производства на дому носит название „потогонной системы". Главный бич кустарного производства—непомерно длинный рабочий день и низкие заработки. Растущая конкуренция неорганизованных кустарей, страх лишиться заказа у хозяина-скупщика заставляет их увеличивать рабочий день до высших пределов: 14—15 часов работы—обычная норма. Но, чем выше рабочий день, тем ниже заработная плата, а значит, тем ниже благосостояние кустарихи и ее семьи. Что удивительного, если рядом с кустарничеством процветает открытая продажа женского тела, и что проституция, выливаясь за пределы „домов терпимости", начинает затоплять промышленные города всюду, где нарождающийся капитализм свивал себе прочное гнездо.

Скупщиками обычно являлись торговцы, купцы, народ предприимчивый и смелый. В поисках за новыми рынками они бесстрашно пускались в далекие путешествия и этим путем обогащали и расширяли человеческие знания и кругозор. Поиски новых рынков помогли открыть Америку (в 1493 г.) и найти морской путь в Индию. Нарождающийся предприимчивый класс капиталистов нуждался в развитии науки, в свободе мысли. Косность, поклонение авторитету, слепая вера и приверженность к старым обычаям и правам, все то, на чем держался феодализм, мешало развитию товарного хозяйства. И восходящий буржуазный класс смело перешагнул через старину. Он пошатнул устои господство-

вавшей католической церкви, усомнившись в безгрешности папы, поднял под знаменем религиозных войн восстание против власти феодальных владельцев и заставил признать, что власть денег — сила большая, чем звание и титул, что капитал ценнее, чем вотчина с сомнительной доходностью.

То было время перелома хозяйственной системы, переход к новой форме производства. Яркое красочное время, когда отмирало мрачное, душное, жестокое и грубое средневековье. Века необычайного расцвета мысли и науки, века, когда человечество впервые начало познавать законы движения мировых светил и открывать ряд других научных истин. Время быстро нараставшего накопления богатств в одних руках и чудовищного обнищания масс, эпоха расслоения общества уже не на сословия, как было в средние века, а на два основных враждебных класса: имущих собственников и нарождающегося пролетариата. Между помещиком и крестьянином все сильнее обострялись отношения, денежное хозяйство вело к тому, что помещик стремился повсеместно заменить барщину и подать натурою тяжелым для крестьянина оброком. Крестьяне отвечали помещикам восстаниями и вместе с нарождающейся буржуазией становились в ряды защитников „новой веры“ — лютеранства, протестантства, кальвинизма и всяких сект... Шла, разливаясь по всей Европе, разраставшаяся волна гражданских войн. В городах со всей стороны совершалось расслоение на представителей торгового капитала, городских богачей, и на ремесленников двух видов—„цеховых“ и „кустарей“, среди которых на почве конкуренции росла отчаянная борьба и соревнование. Власть в городах захватывали богачи, торговцы, распространяя постепенно свое влияние и на деревню, где обедневший, разоренный оброком крестьянин пытался помощью кустарного промысла добыть деньги для уплаты ненавистного оброка... Жизнь полна была отчаянной борьбы, соревнования и ломки. Рушился старый феодальный мир. Новый мир нарождающегося капитализма еще только создавался.

Каково же было положение женщины в эти века перелома хозяйства?

По новому законодательству XV—XVI в.в. женщина продолжала рассматриваться, как существо, зависимое от мужчины, отца или мужа. По сравнению с обычным правом средневековья, положение женщины не улучшилось, а скорее ухудшилось в великие века „Возрождения“. Интересы капитала в период его первоначального накопления требо-

вали, чтобы скопленные богатства не распылялись между большим количеством наследников. И дочерей лишают права наследования. По законам рыцарского времени жена считается владелицей своего приданого. Законы новых веков эпохи „Возрождения“, в целях концентрации капитала, постановляют признать, что имущество жены поступает во владение мужа. Появляются законы, наказующие жену за прелюбодеяние, в то время, как мужчина остается безнаказанным. Издаются постановления, преследующие женщин за проституцию, за „развратное поведение“, не считаясь с причинами, которые толкнули женщину на этот путь.

Не освобождение от тирании средневековья, не облегчение ее участи нес с собою создавшийся новый мир буржуазного господства, а лишь новый вид бесправия, порабощения и эксплоатации, какой еще не знавала женщина за все века истории.

В эти яркие, бурливые века, полные света и теней, мы встречаем женщину на двух противоположных точках социального благополучия. С одной стороны нарастает число бледных, изнуренных трудом и заботами кустарниц, бесправных, забитых нуждою, трепещущих перед благодетелем, работодателем, скупщиком и посредником. С другой — женщины высших, имущих классов, паразитки, утопающие в роскоши, жадно ищущие развлечений, утех, чтобы убить праздное время. Эти женщины, жены проматывающих свои родовые имущества графов и князей, сбрасывают на наемную челядь всю заботу по домоводству, по воспитанию детей. Гражданскими и общественными правами эти женщины не обладают, но на что права жене богатейшего купца, графа, пышно проматывающего свое состояние, когда и без этих прав власть денег, богатства и титул обеспечивают ей все блага жизни? Правда, брак продолжает оставаться делом сухого расчета, денежной аферой, но с падением власти церкви над умами знатные дамы и жены богатых купцов научаются в любовных делах обходиться без благословения попа, на то есть обходные дорожки, за которыми не уследит никакой самый строгий закон. Легкостью нравов и безудержным стремлением к любовным утехам окрашены пышноцветные века „Возрождения“. И писатели того времени, с тонким сатириком бытописателем Боккачио во главе, сумели зарисовать эти нравы со всей беспощадностью правдивой кисти.

Женщина имущих классов времен „Возрождения“, главной заботой которой являются наряды и развлечения, превращается в бездушное, лицемерное, пустое и праздное существо, забаву для мужчины, паразитку перед лицом

общества и народного хозяйства. Куда же выше строгий облик какой-нибудь монахини средневековья, ищущей „основы божества" и обучающей детей грамоте и наукам, или владельной маркграфини, руководящей хозяйством целого замка и бесстрашно выступающей на его защиту при осаде неприятеля.

В верхах журчал беззаботный смех разодетых в тяжелые шелка и драгоценные каменья красавиц, жадно ловивших радости жизни, по низам изнемогали под бременем непосильного труда кустарница и крестьянка, а ремесленница еще крепкого цеха с мрачной заботой вглядывалась в свою судьбу, опасаясь, как бы сила конкуренции не вышвырнула и ее на улицу... Веселье, пиршество—голод, необеспеченность, нищета! Смех и слезы! Век контрастов! Век быстро растущего расслоения человечества на классы. Век закрепления власти за деньгами, век роста свободной наемной рабочей силы.

Но мы будем несправедливы к векам „Возрождения", если упомянем лишь об их отрицательных сторонах. Эти века перелома открывали перед человечеством широкую дорогу творчества во всех областях, начиная с новых производств и кончая завоеваниями в области науки и мысли; мысль человеческая искала и бурлила, воля творила и закрепляла.

Никогда еще личность человека не ставилась так высоко, как в века „Возрождения". В культурной Греции, в Риме ценился не человек, а гражданин. В средние века человека определяло его звание, титул: купец, мастер, князь, монах. Нарождающийся буржуазный класс требовал признания прав за личностью человека. Ведь от ценности лица, от сметливости, таланта, смелости и изворотливости, силы воли и ума купца или предпринимателя зависело его благосостояние в тот период, когда шло еще первоначальное накопление капитала. И буржуазный класс стал противополагать титулам и званиям не только богатство, но и достоинства, качества человека, как личности, независимо от происхождения. Эта новая оценка человека отразилась до некоторой степени на отношениях и к самой женщине, конечно, только в пределах буржуазного класса, личность „плебсев", неимущих тружениц, вообще в расчет не шла.

Но в восходящем буржуазном классе в эти века перелома женщина стала пользоваться некоторым личным признанием, известной долей свободы. Женщинам стали доступны сокровищницы мысли и науки, женщина могла не только развлекаться пестрыми тряпками и шумными

празднествами, но и совершенствовать свои знания общением с передовыми мыслителями того времени, могла оказывать прямое и косвенное влияние на политику. В века „Возрождения“ мы находим много сильных и красочных женских образов. Многие женщины вели деятельную переписку с философами и писателями того времени, создавали вокруг себя кружки, где встречались люди передовых воззрений, поддерживали своей дружбой и покровительствовали ученым, художникам, поэтам. Среди междоусобиц и жестокостей гражданских войн, заливавших Европу огнем и кровью, среди религиозных волнений, воплощавших борьбу двух классов — феодального и буржуазного, женщины обоих враждующих лагерей являлись неизменными и при том деятельными участницами. Своею непреклонной стойкостью и выдержкой они порою изумляли своих врагов. Разгоравшаяся с XVI века гражданская война (борьба гугенотов-буржуа и католиков-феодалов во Франции, борьба лютеран с приверженцами старины в Германии, протестантов с последователями католицизма в Англии) отрывала нередко женщин от семьи и мужа, лишала имущества, крова, бросала в тюрьму, сжигала их на кострах наравне с мужчинами-„еретиками“. И тем не менее женщины не отступали перед превратностями гражданской войны: классовый инстинкт оказывался более властным, чем привитые женщинам пассивность, покорность и слепое подчинение мужской воле. И что характерно: в момент обострения гражданских войн сами мужья и отцы, проповедывавшие женщине, что ее место дома, за прялкой, втягивали ее в интересах своей социальной группы в водоворот политики и борьбы. Жены церковных преобразователей — Лютера, Кальвина, Цвингли — были не просто домохозяйками, но и ревностными ученицами и сторонницами своих мужей. Женщины вообще играли видную роль в деле преобразования церкви, за которым скрывалось по существу свержение авторитета феодального мира и открытие путей для роста буржуазного влияния. При дворах жены высокопоставленных лиц и даже королевы покровительствуют новой религии, тайно держать у себя проповедников протестантства, идеологов буржуазного класса, ведут сами пропаганду, участвуют в тайных собраниях, воспитывают детей в духе идей, которые отстаивает восходящий класс. Нередко женщины проявляют себя более страстными и ревностными поклонницами новой религии и новых идей, чем сами мужчины; они пишут книги в защиту протестантства и с геройством древне-христианских мучениц выносят пытки

инквизиции, своим мужеством поддерживая слабеющих, колеблющихся.

Многие женщины феодального класса стали на сторону реформации. И если мы призадумаемся, то поймем, чем это вызвано: господство буржуазии наносило смертельный удар ненавистному отцовскому праву, неограниченной, не регламентированной законом власти мужа над женою, отца над детьми. Победа буржуазного мира сулила женщине, правда, только буржуазного и вообще имущего класса, известное признание ее, как личности и человека. Отсюда страстная приверженность к реформации, дружба с гуманистами, этими передовыми мыслителями того времени. Отсюда и такие яркие образы, как умница Рената Ферарская, дочь французского короля, которая порывает с семьей, с почестями, с богатством, чтобы встать в ряды протестантов. Отсюда типы русских боярынь, подобно Морозовой, которая осмелилась ослушаться царя-самодержца и бесстрашно встала в ряды демократическо-сектантского движения аввакумовцев. Вильгельмина, дочь королевы Богемии, основывает секту, считая себя воплощением святого духа. Обладая незаурядным образованием, она покидает родину, едет в Милан и там даром своего красноречия увлекает за собой тех, кто на рубеже двух эпох ищет новой правды. Секта так и носит название „вильгельмистов" в честь основательницы ее — женщины. К ней примыкают монахи, священники, архиепископ. После смерти Вильгельмины прах ее предается сожжению по повелению разгневанного папы. Во Флоренции секта катарианцев получает быстрое распространение благодаря красноречивым проповедям одной флорентинки. „Ее слово многих привлекало к новой вере", отмечает летописец.

Политика тех веков окрашивалась определенными влияниями женщин, и если одни женщины страстно отстаивали новую веру, то другие не менее страстно цеплялись за привилегии своего сословия, защищая безраздельное господство феодального класса. На политику Франции XV и XVI века женщины оказывали и прямое и косвенное давление, начиная от хитрой, умной, но беспощадной в своем интриганстве рьяной католички Екатерины Медичи, вдохновительницы „варфоломеевской ночи", когда католики вероломно перерезали протестантов, и кончая Анной Австрийской, с которой тягался сам всесильный Ришелье. Две королевы—английская Елизавета и шотландская Мария Стюарт—стояли во главе двух борющихся социальных групп—феодальных порядков экономически отсталой Шотландии и

промышленно-развивающейся Англии. В России царевна Софья, сестра Петра Великого, душа заговора стрельцов, этих защитников отмиравшей власти бояр... Графиня Маккинтош становится во главе отрядов Стюартов в то время, как муж ее командует в войсках протестантов. „Полковник Анна“ берет мужа в плен и, снимая по тогдашнему обычаю шляпу перед пленным командиром, рекомендуется: „К вашим услугам, капитан“.—„К вашим услугам, господин полковник“,—отвечает пленный муж. История изобилует примерами активного участия женщин в жаркой схватке затяжных гражданских войн новых веков истории. Неудивительно, что в эти века, несмотря на фактическое бесправие женщин, несмотря на то, что остается взгляд на женщину, как на существо зависимое и неравноценное с мужчиной, женщин выдвигают в качестве парламентеров и им поручается вести и выполнять дипломатические миссии. Франция посылает г-жу Делагай посланником в Венецию. г-жу Габриэль на тот же пост в Польшу. При весьма щекотливых переговорах об избрании на польский престол герцога Анжуйского во главе миссии ставится искусный дипломат Катерина де-Клермо.

В века „Возрождения“ и реформации женщины привлекались силою вещей не только к политике и к активному участию в гражданской войне, но и к области науки, искусства, работы мысли. Италия того времени была колыбелью великих открытий, полета мысли и творчества. В ней раньше, чем в других государствах, благодаря ее особо благоприятному географическому положению, торговый капитал достиг своего расцвета, а вслед за ним быстро стал пускать ростки и капитал промышленный. Первые мануфактуры мы находим в цветущих центрах торговли Италии уже в самом начале XIII века. В этой-то стране, опередившей в своем хозяйственном развитии остальные, вместе с ростом влияния буржуазии появляется и целая вереница женских имен, прославившихся в свое время в различных отраслях знания и искусства. Многие историки отмечают, что „Возрождение“ было веком ученых женщин. Память о необычайном ораторском таланте Олимпии Морато, дочери ферарского профессора, обладавшей основательными знаниями и умевшей облечь свои лекции-импровизации в необычайно живую и образную форму, дошла до наших дней. Приятельница Ренаты Ферарской, этой стойкой деятельницы протестантизма, Олимпия, и сама стала поборницей нового учения, вышла замуж за человека науки и с ним терпела все невзгоды гражданской войны. Другая ученая женщина той эпохи,

Изотта Ногорелла, так прославилась своим красноречием во всей Италии, что сам римский папа пожелал ее послушать. Ипполита Сфорца покровительствует искусству, и сама участвует в водовороте политической борьбы. Виктория Колонна, подруга и умственная вдохновительница великого художника Микель-Анжело, вызывает поклонение современников и признание историков мощью и красотой своего величавого духовного облика. В Испании в это же время снискали себе признание женщины-теологи Изабелла из Кордовы и Юлиана Морелли из Барселоны. Англия несколько позднее, чем Италия, переживавшая расцвет эпохи Возрождения, славится учеными женщинами в XVI столетии. Королева английская Елизавета знала латынь, лэди Джэн Грей славится своею ученостью. Мать философа Бэкона и дочь учителя Генриха VIII отличается своим высшим научным образованием так же, как и дочь утописта Томаса Мора Мария Сидней. Французская королева Маргарита Наварская, сестра Франциска I, известна, как писательница, подражавшая итальянской школе. Ее переписка с друзьями, предназначавшаяся для печати, представляет и сейчас известный интерес. Анна Дасье, дочь ученого филолога, переводит Гомера и пишет в защиту бессмертных красот народных былин Греции „Одиссеи“ и „Илиады“. Ученость женщин стала модой, и в своей сатире „Отель Рамбулье“ Мольер высмеивал это стремление женщин стать „синими чулками“ (прозвище женщин, занимавшихся науками). В Италии в эпоху Возрождения высшее образование стало временно доступно и женщине.

Но, разумеется, слово, „мода“ не объясняет указанного явления; стремление известной части женщин выбиться на дорогу и помощью образования и знания обеспечить себе независимое существование имело чисто хозяйственно-социальную причину. Гражданская война, с одной стороны, ломка прежних форм хозяйства и производства делали положение семей все более и более неустойчивым, неверным. Все чаще и чаще выкидывал бурный поток хозяйственной революции не только женщин неимущих классов—крестьянок и дочерей ремесленников—в водоворот борьбы за существование, но туда же толкала расходившаяся стихия и отпрысков благополучного буржуазного и даже дворянского рода. Обнищалые крестьянки, жены и дочери разорившихся ремесленников искали средства пропитания в кустарном промысле. Женщины более состоятельных слоев спешили заручиться ученостью, знанием, чтобы этим путем обеспечить себе заработок на случай возможных превратностей

судьбы. Характерно, что многие выдающиеся женщины той эпохи были дочерьми профессоров, писателей, теологов, врачей, ученых. Отцы предусмотрительно спешили наделить своих дочерей верным орудием борьбы за существование— знанием в какой-либо отрасли науки. Ведь в те бурные времена даже замужество перестало быть для женщины верным прибежищем. Надо было самой о себе подумать, позаботиться. Надо было запастись профессией, чтобы избежать возможной нищеты и материальных лишений. Неудивительно, что именно в эти века женщина впервые настойчиво начинает поднимать голос за женское образование и за признание положения, что природа женщины не ниже мужской, а во многом будто бы стоит и выше. В таком духе вела свою пропаганду известная Христин де-Пизан во Франции, автор повести „Романа розы“ и „Города женщин“ (XV в.). С еще большей страстностью защищала женские права Мери Эстель в Англии (XVII в.), известная своим объемистым сочинением „В защиту женщин“, где она требовала равного образования для обоих полов. Ярым защитником этой мысли явился итальянский писатель, утопист времен Возрождения, Кампанелла, требовавший в своей утопии „Республика солнца“ допущения женщин не только к равному образованию, но и ко всем родам занятий. „Женщина должна участвовать во всех делах войны и мира“. Поскольку данное требование совпадало с обстановкой гражданской войны, во время которой буржуазия охотно использовывала женщин для своих политических целей, постольку буржуазный класс поддерживал подобные революционные взгляды. Но так как эти воззрения не вязались с общим укладом жизни и хозяйственными задачами буржуазии, так как процветание этого класса в значительной степени зависело от устойчивости семьи, то, как только острый период гражданских войн отошел, буржуазия окрестила стремление к признанию прав утопией и преспокойно отбросила неудобные ей принципы.

Ученые женщины, ораторши, политические деятели эпохи „Возрождения“ по мере утверждения нового хозяйственного уклада и утверждения промышленного капитала снова оказались поглощенными семейными обязанностями, уйдя надолго, вплоть до XIX века, в свою узкую домашнюю скорлупу.

Как же это могло произойти? Как могло случиться, что после того, как женщина проявила себя на различных поприщах общественной жизни, она безропотно вернулась в дом?

Мы уже знаем с вами, что положение женщины в обществе, ее права определяются ее ролью в производстве, между тем в эпоху Возрождения и реформации женщина продолжала в огромном своем большинстве зависеть от мужа или отца-кормильца. Лишь единицы, не массы, вступали на путь самостоятельного существования, и если и росли и множились ряды женщин неимущего класса, искавших на рынке приложения своим рабочим рукам, то все же по отношению ко всем крестьянкам и ремесленницам, жившим за спиной мужа, они составляли меньшинство. Общество не могло осознать равноправности и равноценности женщин перед лицом народного хозяйства, раз этой равноценности в области производства фактически не было.

Мы затянули нашу сегодняшнюю беседу, но зато мы рассмотрели с вами яркий переломный период, положивший начало развитию капиталистического способа производства. Чтобы закончить с этим периодом и в следующий раз перейти уже к рассмотрению положения женщины в момент развития крупно-капиталистического производства, надо еще остановиться на одном характерном явлении этой эпохи— на развитии м а н у ф а к т у р ы.

Мануфактура выросла из кустарных промыслов. Мануфактура—это, собственно, объединение распыленных кустарей под одной кровлей, чтобы удобнее было снабжать их материалом и получать от них готовые продукты. Уже позднее, в поисках повышения производительности новой организации труда, набрели капиталисты на идею ввести систему строгого распределения труда в мастерской. Разделение труда крайне упрощало процесс работы. Оно было доведено в мануфактуре до такого совершенства, что рабочий годами занимался одним и тем же несложным делом, напр., заострением конца иголки. Насколько сложен был труд ремесленника, насколько он требовал предварительной выучки, настолько проста и нехитра была работа рабочего или работницы в мануфактуре. Несколькими трудовыми приемами любой неподготовленный человек мог выучиться в кратчайший срок. Прежняя квалификация труда в мануфактуре уже роли не играет.

Естественно, что мануфактура открыла широкий доступ неквалифицированному женскому труду. Но не на радость женщине в ту эпоху открылись перед ней двери самостоятельного заработка.

В течение всего мануфактурного периода видим мы женщину в собственной темной, закоптелой избушке, молчаливо и незаметно, трудами рук своих снабжающую мировой

рынок предметами роскоши и продуктами первой необходимости. Только при том условии, что женщина от зари до зари с согнутой спиною трудилась над тканьем, пряжей, вышиваньем, выдалбливанием кожи и т. д., мог труд ее выдерживать конкуренцию с ненавистными для нее цехами монополистами, баловнями судьбы, аристократами труда. Потому-то женщины французского пролетариата и добивались так настойчиво отмены цеховых ограничений и так радостно приветствовали это событие в 1791 г., считая его первым шагом к своему экономическому освобождению. Но, чтобы подобный переворот в социально-правовых отношениях сделался возможным, потребовалось новое вмешательство производительных сил. Ремесленно цеховая исключительность загнала женщину в дом; седой властелин, пар, вызвал ее обратно на широкую трудовую дорогу.

Мануфактура получила свое развитие в XVI—XVIII в.; в России насадителем мануфактурно-фабричного производства явился Петр Великий. Первые фабрики, стеклянные, суконные и бумаготкацкие, возникли в России в XVII веке. Работали на них частью свободнонаемные рабочие, частью крепостные. Но в те времена в России женский труд на фабрике еще не прививался. Женщина искала себе пропитание в промыслах, не отвлекавших ее целиком из дома, а в случае полной бездомности либо шла на услужение, „в люди", либо в монастырь. Зато в странах, где капитализм пускал глубокие и прочные корни, особенно в Англии, Франции, Голландии, мануфактура поглощала все большее и большее количество женских рабочих сил. Мануфактурный период представляет собою мрачную страницу истории женской судьбы.

Вместе с нарождающимся классом наемных рабочих женщина вступает в полосу истории отмеченной тройным гнетом: бесправием в обществе и государстве, закрепощенностью и зависимостью в семье, беспощадной эксплоатацией со стороны капитала. Полоса жизни женщины, когда она в качестве свободной ремесленницы состояла полноправным членом цехов, пользовалась почетом и уважением своих сограждан, участвовала, как активный член в пестрых, веселых празднествах, устраиваемых городом в честь какого-либо радостного для города события,—отошла в область истории. Настает период ее закрепощения. Теперь женщина неимущего класса все чаще и чаще попадала в экономическую кабалу хозяина мануфактуры и посредника-скупщика.

Почтенные жены ремесленников, купцов и крестьян от-

носились с величайшим презрением к работницам мануфактуры, к „фабричным“, смотрели на них, как на отщепенцев, их приравнивали к отбросам общества, к проституткам. Только великая крайность загоняла женщину на мануфактуру, и стать „фабричной“ рассматривалось не только как несчастье, но и как позорное пятно.

Чем же вызывалось такое отношение к труду фабричному?

Как могло получиться, что женщины, выполнявшие наименее ценный и наименее производительный труд по домоводству, были в глазах тогдашнего общества на более почетном счету, чем работница, создававшая народное богатство? Вызывалось это тем, что, идя на фабрику, в мануфактуру, работница приобщалась тем самым к классу наемных рабов капитала, к пролетариям, на пролетариат же буржуазный мир смотрел с тем же презрением, с каким свободный гражданин древней Греции относился к своему безвольному рабу. При капитализме и господстве частной собственности в почете не тот, кто добывает и создает ценности, а тот, кто умеет эти ценности сосредоточить в своих руках. Считается, что не труд, не рабочий или работница создают народное богатство, а бережливость, изворотливость, смекалка самого хозяина-капиталиста; в чести лишь „организаторы“ труда.

При этом следует отметить, что в мануфактурный период лишь меньшинство женщин действительно участвовало в производстве. Женщина, принужденная продавать свои рабочие руки, была явлением более или менее случайным, и, попадая в тиски капитала, женщина сама все еще надеялась выбраться на привычную дорожку и помощью замужества вернуться к своим единственно признанным для женщины обязанностям: в дом, семью и кухню. Но надежды эти блекли по мере развития и укрепления крупно-фабричного способа производства. К прежнему бесправию в семье и обществе прибавилась еще власть хозяина капиталиста. Но только этот путь, уравнивающий горькую бесправную долю женщин пролетариата с участью пролетария, создал условия, при которых возможно стало ее освобождение. Женщина вступает в новую полосу, ее судьба неразрывно связывается с судьбою всего рабочего класса. Труд ее, обесцененный домоводством, снова приобретает ценность с точки зрения народного хозяйства. Равноправие женщины, утраченное на многие века, могло быть восстановлено только борьбою всего рабочего класса за свои права и за диктатуру своего класса. Коммунистические же формы производства, втягивающие всех женщин в производственный труд,

уже сейчас создают прочный фундамент для полного и всестороннего ее раскрепощения.

На этом закончим сегодняшнюю беседу.

Пособия для слушателей по прочитанной лекции.

1. *К. Каутский:* „Предшественники социализма“.
2. *Балабанова:* „Две судьбы: Рената Ферарская и Олимпия Морато“.
3. *З. М. Покровский:* „История России“.
4. Также *Шишков* (глава V—VII), *Бебель* и *Лили Браун* (историческая часть).

Лекция шестая.

Женский труд при развитии крупно-капиталистического производства.

В прошлой лекции мы рассмотрели с вами период первоначального накопления капитала, период затяжной кровавой борьбы восходящей буржуазии с отживающим феодальным миром. Мы определили с вами, какова была роль женщины в этот переходный период от замкнутого натурального хозяйства средневековья к торговому хозяйству и кустарно-мануфактурному производству новых веков. Если вы помните, мы с вами установили, что с переходом к неквалифицированному труду, трудовые, неимущие массы женщин стали все в большем числе втягиваться в промышленность. Однако, и это следует запомнить, в века мануфактурно-кустарного производства огромное большинство женщин еще не искало самостоятельного заработка, а значит, не участвовало в производительном труде на общественный коллектив. Домоводство в те века слабо развитой индустрии играло еще крупную роль и дополняло производство народного хозяйства. Но труд по домоводству не шел в учет производительной деятельности нации. считалось, что женщина обслуживает этим, сравнительно сложным трудом, не нацию, не государство, а свою семью. В учет народных богатств брался не труд членов семьи, этой замкнутой хозяйственной единицы, а результат труда, т.-е. благосостояние семьи целиком. И сейчас еще в деревнях, в семье крестьянина берется в расчет не труд каждого отдельного члена семьи, а благосостояние „хозяина“, т.-е. всей семьи, как целой хозяйственной единицы.

Но раз труд женщины не получал признания с точки зрения интересов народного хозяйства, естественно, что положение ее продолжало оставаться бесправным и порабощенным.

Эпоха мануфактуры и нарождающегося крупного капитализма несла с собой не раскрепощение, а новый вид закрепощения женщины—в форме наемного труда на капитал.

Вспомним с вами еще раз, из каких форм производства выросла мануфактура. Из кустарных промыслов. Почему эксплоатация труда помощью кустарного производства ускоряла развитие производительных сил по сравнению с медленным их развитием во времена процветания ремесл? Очень просто почему: чтобы выработать прожиточный минимум, кустарям приходилось напрягать в значительной большей мере свою трудовую энергию, чем ремесленникам: часть своей прибыли они вынуждены были переуступать скупщику. Ремесленник имел дело прямо с заказчиком. И вся прибавочная ценность оставалась ему. Кустарь сносился с рынком через посредника, скупщика. С развитием широкой торговли рынок все дальше и дальше уплывал от производителя, и все заметнее становилась роль купца, скупщика и посредника. Шел дележ прибавочной ценности между купцом и производителем, при чем, пользуясь нажимом нищеты, необеспеченностью производителей, купцы оставляли в своих руках все бо́льшую и бо́льшую долю прибавочной ценности. Купец богател, сколачивал капиталец, народ трудовой разорялся. Но чем быстрее шло обнищание, тем сильнее росла и эксплоатация труда. Обнищалые же, разорившиеся семьи ремесленников, крестьян и кустарей выбрасывали на вольнонаемный рынок труда всех своих членов: мужа, жену и детей. Богатая пожива для хозяев мануфактур, для первых фабрикантов!..

Мануфактура, с ее характерной чертой—широким разделением труда—открыла доступ неквалифицированной рабочей силе. Если же брать необученную рабочую силу, то хозяин, фабрикант естественно стремился взять самую для себя выгодную, дешевую силу. Таковой являлись женщина и дети. В XVI—XVIII веках намечается рост женского труда в связи с ростом мануфактурного производства. Не столько качество рабочего, как это было при ремесленном производстве, сколько количество рабочих рук, занятых в данном предприятии, обещает хозяину наибольшую прибыль. Эта прибыль получается от сложения недоплаченных рабочим и работницам трудовых часов. Чем больше рабочих, чем длиннее их рабочий день, тем больше и этих недоплаченных часов, которые золотым ручьем льются прямо в карман предпринимателя. Накопление капитала начинает совершаться с головокружительной быстротой. Человечество вступает в эпоху крупного капиталистического производства. Мир преображается. Города, эти центры торговли и промышленности, давно уже повытеснили гордые и неприступные феодальные замки, у подножия которых торговые яр-

марки и объединения ремесленников искали защиты. Распыленные, враждующие между собою, владетельные князьки и графы подчинены единому самодержавному монарху, народ слит в нацию. И интересы национального государства, в котором политику определяют торговый и промышленный капитал, ставятся выше интересов города или феодальных баронов, как это было в средневековье. Земледелие все еще играет крупную роль в народном хозяйстве, но постепенно стрелка, указывающая на основной источник добычи богатств, передвигается в сторону обрабатывающей промышленности. Голландия, Англия, Франция, позднее Германия, Австрия и, наконец, Россия (к концу XIX века) одна за другой вступают на путь крупно-капиталистического производства.

Мы так свыклись с представлением о том, что производство построено на системе крупного капитала, что нам, детям капиталистического века, трудно себе отдать отчет, что фабрика, завод, все эти гигантские предприятия, охватывающие тысячи рабочих и работниц, появились в жизнь сравнительно недавно. Фабрики и заводы в том виде, какими мы их знаем, существуют каких-нибудь полтораста лет. В России же и того меньше. Еще в средине XIX века в России фабрика боролась с кустарем и с мелкой мануфактурой. Даже в высоко развитой капиталистической Америке, с ее королями промышленных трестов, с ее предприятиями-гигантами, в 50-х годах XIX века шел спор о том, зависит ли будущность Америки от развития аграрного хозяйства или же Северо-Американские Соединенные Штаты могут стать страной крупно-фабричного производства? Тогда, меньше столетия тому назад, человечество еще не знало точных законов своего развития, и многие отсталые страны надеялись, что их развитие пойдет по особому пути. А сейчас, приглядываясь к картине крепнущего на Востоке—в Китае, Японии и Индии—капитализма, мы уже наперед уверенно предсказываем, что крупная промышленность неизбежно вытеснит кустарничество и, что город подчинит своим нуждам деревню.

Быстрым успехам капитализма много способствовали великие научно-технические открытия XVIII и особенно XIX века. Нам сейчас трудно себе представить жизнь без железных дорог, гигантских фабрик, электричества, телефонов. И, однако, наши деды, а тем более прадеды с удивлением и недоверием встречали все эти новинки. В XVIII веке капиталистическое производство получило сильное подкрепление благодаря ряду крупных технических изобретений, сразу

поднявших производительность труда. С одной стороны, гениальный Уатт изобрел паровой двигатель, дававший возможность помощью приводов передавать трудовую энергию к станкам. С другой стороны, механизация процесса производства в мануфактуре, расчленение работ до простейших манипуляций давали возможность изобретателям заменять ручной труд машинами. Механический ткацкий станок, чулочный станок, шерсто-чесальная машина и бесчисленные другие изобретения, обгоняя друг друга, дают могущественный толчок развитию фабричного производства с конца XVIII века. Усовершенствование техники становится основным моментом, способствующим росту прибыли. На предыдущих ступенях развития при ручном труде большая производительность достигалась, главным образом, целесообразной организацией труда. Чтобы повысить прибыль, хозяин старался умело применить принцип разделения труда в мануфактуре. Теперь рост прибыли зависел уже не только от количества рабочих, собранных под одной кровлей в мануфактуре, но и от наличия технических усовершенствований, механических станков и двигателей. Техника повышала производительность труда до неслыханных ранее размеров: вместо одного веретена работница на механической прялке стала руководить пряжей 1.200 веретен; шпульница, наматывавшая в день несколько катушек, изготовляла до ста, а в настоящее время и того больше катушек. Одна работница, делая в день 600.000 иголок с помощью машины, заменяла 135 рабочих. Чулочный станок позволил работнице поднять производительность труда с 20 пар чулок в день до 6 дюжин. Одна отрасль ручного труда за другой заменялась машиной. Производительность труда росла с колоссальной быстротой, рынок запружался товаром, изготовленным механической силой на массового потребителя. Шло быстрое создание и накопление товарных ценностей, а вместе с этим процессом и рост чудовищных богатств хозяев фабрик и заводов, предпринимателей.

Но повышение производительности труда путем механических станков и двигателей не только не повышало благосостояния рабочих, но, наоборот, лишь усиливало их закабаленность и зависимость от капитала. Если бы работница, изготовлявшая в день 20 пар чулок ручным трудом, стала бы при изобретении чулочного станка, получать за 1.200 пар, которые она теперь вырабатывала, в 60 раз больше прежнего, то тогда механизация производства, разумеется, улучшила бы положение трудового народа. Но не забывайте, что человечество продолжало жить в мире крепко-установившейся

частной собственности. Капиталист, купивший у изобретателя его станок, двигатель, машину, считал данное изобретение одной из составных частей своего предприятия, частью его оборудования. Нанимая рабочего, он заставлял его работать с теми орудиями труда, какие находились в предприятии. Счастье хозяина, если он является обладателем орудия труда, которое в 60 раз, а то и больше повышает производительность рабочего. Рабочему фабрикант платит не за производительность, а за рабочую силу. Дело фабриканта суметь из этой купленной рабочей силы извлечь наибольшую выгоду. Поэтому механизация производства, до чрезвычайности подымая производительность труда, отразилась на участи наемных рабочих и работниц в сторону не улучшения, а ухудшения их положения. Механизация производства породила представление у буржуазных ученых, экономистов и у самих предпринимателей, что не живой человеческий труд, а мертвая механическая сила—машина и есть подлинный источник и создатель ценностей. Если у хозяина имеется станок, он знал, что у него будут рабочие руки; но с одними рабочими руками, без станка он уже не мог надеяться выдержать конкуренции на торговом рынке. Капиталист приучался поэтому смотреть на рабочую силу лишь как на придаток при машине. Помните, в начале наших бесед мы в вами установили, как обесценивался труд женщин в племенах скотоводческих? Скот рассматривался, как источник богатства племени, женщина же, ухаживавшая за скотом, лишь как придаток при полезном животном. Та же картина получалась при упрочении фабричного машинного производства. Труд обесценивался. Заработок рабочего и работницы с введением машин не повышался, благосостояние рабочего класса падало. Вся же колоссально возрастающая прибыль закреплялась за собственником машин и предприятия.

Таким образом, развитие фабричной промышленности влекло за собой, с одной стороны, рост капиталистического накопления, с другой—обострение конкуренции между предпринимателями. Каждый хозяин хотел урвать наибольшую прибыль, повышая оборот своего предприятия и затопляя рынок своим товаром, более дешевым, чем товар конкурента, не обладавшего последними усовершенствованиями техники. Мелкие хозяйчики, а тем более ремесленники, разорялись, и либо они сами, либо члены их семья стучались в фабричную контору разорившего их крупного предпринимателя. Концентрация, т.-е. собирание капитала в руках быстро богатеющих крупных предпринимателей, и разорение трудо-

вого населения—вот два основных процесса, которые обозначают собой период развития крупно-капиталистического производства в конце XVIII и XIX веков. В XX веке слепой силе конкуренции между предпринимателями капиталисты противопоставляют новую силу организации хозяев—союзы предпринимателей, тресты. Борьба труда и капитала обостряется.

Процесс разорения и обнищания мелкого производителя влечет за собою переполнение рынка рабочими руками. Эксплоатация крестьянина крупными землевладельцами, непосильные подати и отсталость крестьянского хозяйства выталкивают крестьян с земли и увеличивают выходцами из деревни число безработных на рынке труда. Переполнение рынка свободным трудом принимает такие угрожающие размеры в XIX веке, что возникает даже особая теория Мальтуса. Мальтус проповедывал рабочим воздерживаться от потомства, чтобы этим путем уменьшить приток свободных рабочих рук на рынке труда, ослабить конкуренцию и таким образом улучшить положение рабочего класса. Теория эта, разумеется, не привилась. Но она характерна тем, что подтверждает, как взгляды людей зависят от состояния хозяйства. В период натурального хозяйства и мануфактуры, когда благосостояние хозяйства зависело от количества работников, многосемейность считалась „божьим благословением". Чем больше работников, тем больше и богатств. При машинном производстве, когда стало казаться, что источником богатств является машина, родилась мысль искоренить бедность, уменьшив запас живой трудовой силы. Разумеется, теория эта в корне ошибочна и жизнь ее давно опровергла. Мы стоим, наоборот, перед новой опасностью: недостатком трудовой силы для выполнения великих задач дальнейшего развития производства на новых началах. Не сокращение, а наоборот, поощрение рождаемости—задача современного человечества.

Но вернемся к рассмотрению положения труда при фабричном производстве. Мы указали на то, что рынок труда всегда был переполнен свободными рабочими руками. Среди безработных, начиная с конца XVIII века, мы находим растущие толпы женщин, пытающихся продать хозяину-фабриканту свое единственное достояние—рабочую силу. Если он ее не купит, женщине остается только продавать свое тело. Как неотступная тень следует проституция за наемным трудом женщин, и чем шире распространяется этот труд, тем выше цифры, свидетельствующие о развитии продажи женского тела.

Не радостна, бесправна, полна непосильного труда и

издевательства со стороны сильных мира была жизнь и положение трудящейся женщины в эпоху мануфактуры и разложения ремесел. Но все горести былых веков бледнеют перед картиной того фабричного ада, в который торжествующий капитализм ввергал женщину. Прочтите книгу Фр. Энгельса „Положение рабочего класса в Англии". Эта книга написана в 40-х годах XIX века, но и сейчас еще многие описываемые в ней явления встречаются в капиталистических странах. Бесконечно длинный рабочий день, превосходящий 12 часов, низкая заработная плата, отвратительные, скученные, нездоровые жилищные условия, отсутствие охраны труда и социального страхования, разложение семьи, рост профессиональных болезней, ранняя смертность, вечный страх безработицы, грубая власть хозяина и мастера над рабочими и работницами,—таковы были основные черты существования фабричных работниц первой половины XIX века, пока рабочий класс не организовался и не выступил при помощи профессиональных союзов и классовой партии на защиту своих интересов.

Хозяева охотно пользовались женским трудом, как трудом более дешевым. При этом фабриканты уверяли, что труд женщины по качеству не равноценен труду мужскому, а буржуазные мыслители подкрепляли доводы хозяев доказательствами, что по природе своей женщина во всех областях стоит ниже мужчины. На самом деле не природные свойства женщины, а социальные причины влияли и еще и сейчас влияют на низкую расценку женского труда.

В первой половине XIX века подавляющее большинство женщин было занято не производством ценностей на товарный рынок, а мало производительной работой по домоводству. Отсюда делался ложный вывод, будто труд женщин вообще мало производителен.

Вторая причина дешевизны женских рабочих рук заключалась в том, что при установлении мужского заработка принималось в расчет, что мужчина должен содержать не только себя, но и всю свою семью—жену, детей. В тех случаях, когда оплата труда рабочего падала ниже данного минимума, обеспечивающего жизнь семьи рабочего, намечался либо отлив рабочих из данной отрасли производства, либо вымирание рабочих и их семей, либо, наконец, жена и дети рабочего шли на заработки. Но так как главное содержание женщины продолжало падать на плечи „кормильца"-мужа, и жене надо было только „подработать", чтобы свести концы с концами, то и устанавливался взгляд на женский труд, как на подсобный промысел. Взгляд этот

охотно поддерживался хозяевами, сам же рабочий класс еще не умел осознать свои интересы и долго не понимал, что женский труд—явление, неразрывно связанное с развитием крупно-капиталистического хозяйства, и что женщина, вовлеченная в круговорот производства ценностей для всего общества, уже никогда не вернется в дом. Несмотря на то, что с ростом фабрично-заводской промышленности и укреплением капитализма число самостоятельно зарабатывающих женщин, которые не только прокармливали себя, но и содержали детей, престарелых родителей, а порою и безработного или больного мужа, непрерывно возрастало, женский труд продолжал расцениваться в течение всего XIX века ниже мужского. И сейчас еще в капиталистических странах, несмотря на вмешательство профессиональных союзов, устанавливающих тарифную расценку труда независимо от пола, явление это имеет широкое распространение. Третьей причиной, влиявшей на низкую оплату работниц, являлось отсутствие квалификации женского труда, особенно в первую половину XIX века. Лишь незначительный процент безработных женщин, искавших заработка, обладали ремеслом, профессией, которая могла бы их прокормить. Большинство шло к станку прямо от разоренного домашнего очага. Они не обладали ни выучкой, ни трудовой подготовкой. Гонимые нищетой, голодом, непривычные к самостоятельному существованию, бесправные, с вкоренившейся в женщине вековой покорностью, они готовы были соглашаться на любые условия труда. И хозяева, фабриканты, хотя и рассуждали теоретически о том, что женщина по природе не равна мужчине и что „труд ее не равноценен труду мужскому", однако, на практике с большой охотой рассчитывали рабочих, когда на их место являлась дешевая рабочая сила женщин. И накопление прибылей этим нисколько не ослаблялось, а это свидетельствует, что производительность труда женщин в общем едва ли была ниже мужской. С развитием машинного производства, когда квалификация труда стала играть все меньшую и меньшую роль, особенно в некоторых отраслях производства (текстильном, табачном, химическом и др.), неквалифицированный женский труд стал возрастать с такой скоростью, что явился в глазах рабочих прямой угрозой благосостоянию рабочего класса. Женщина, с ее дешевым трудом, не только вытесняла мужчину из мастерской, но и влияла на понижение оплаты труда рабочего. Чем больше женщин было занято в данной отрасли производства, тем ниже падал заработок мужчин. Но чем ниже была оплата мужского

труда, тем большее количество женщин рабочего класса, жен и дочерей пролетариев, оказывались вынужденными „подрабатывать". Получался заколдованный круг.

Только во второй половине XIX века рабочему классу удалось прорвать этот круг помощью своих профессиональных и политических организаций. Рост сознательности пролетариата мог уяснить, что работница не является „злостной конкурешкой" рабочего, что она такой же член трудового класса, как и сам рабочий, и что только общими организованными усилиями может пролетариат отразить наступление на него обнаглевшего капитализма. Но в первую половину XIX века рабочий со злобой и недружелюбием встречал свою конкурентку на рынке труда, нередко захлопывая перед работницей двери тех классовых объединений, которые должны были защитить интересы пролетариата обоего пола.

Обычно заработная плата женщин составляла $^1/_2$ заработной платы рабочего. К концу XIX века и началу XX заработок фабричной работницы и рабочего в высоко развитых капиталистических странах под давлением крепких рабочих организаций более или менее уравнивается. Но в России до-революционного времени и на Востоке—в Японии, Индии и Китае—женщина и до сих пор зарабатывает $^2/_3$ и даже $^1/_2$ того, что получает рабочий.

Низкая заработная плата—с одной стороны, непомерно длинный рабочий день—с другой, нездоровые условия труда, вредно отражающиеся на женском организме, порождавшие выкидыши, мертворождения и ряд чисто женских болезней, характеризуют собой условия существования работниц в эпоху развития крупно капиталистического производства. И чем пышнее развивался капитализм, тем тяжелее, невыносимее становилось положение женщины. И все же производительный труд, вне узкого домоводства, труд, создающий ценности, который брался на учет народным хозяйством был той великой силой, которая через неописуемые лишения, страдания и муки все же выводила женщину на путь ее освобождения. Мы знаем с вами, что положение женщины определяется ее ролью в народном хозяйстве, в производстве. Пока большинство женщин было поглощено малоуспешным трудом по домоводству, все стремления женщины к свободе и равенству оставались висящими в воздухе. Под ним не было базы, крепкого хозяйственного фундамента. Крупно-фабричное производство, втягивая, поглощая миллионы женских трудовых сил, постепенно видоизменило положение вещей. Домоводство

стало отступать на задний план, профессиональный труд женщин из явления „случайного", преходящего обратился в правило, в нормальное, привычное необходимое явление.

Девятнадцатый век, это—поворотный пункт в истории женской судьбы. В начале XIX века стать „фабричной" рассматривалось, как великое несчастье. В конце XIX и XX веков уже от 30 до 45% всего женского населения в капиталистических странах заняты самостоятельным трудом. В мануфактурный период на заработки шли лишь вдовы, сироты, одинокие, брошенные женщины. В XIX веке почти половина всех работниц—замужние женщины. Чем это вызывается? Тем, что заработка мужа не хватает и что замужество перестает быть убежищем для женщины. Чтобы существовать и взростить детей, надо работать обоим, мужу и жене. Муж перестает быть единственным „кормильцем". Все чаще и чаще жена несет на своих плечах всю тяготу труда, особенно при кризисах и длительных безработицах мужа. Случается, что в семье рабочего зарабатывает жена, а муж сидит дома, стережет детей и ведет хозяйство. Так было одно время в текстильных округах Соединенных Штатов. В промышленных городках, где предприниматель предпочитал брать дешевую рабочую силу, жена шла на ткацкую фабрику, а муж оставался дома. Городки эти даже носили в свое время название „Она город". Но признание за женщиной ценности на рынке труда постепенно заставило и весь рабочий класс переоценить свое отношение к женщине, признав ее, наконец, товарищем и равноправным членом своих организаций.

Рост женского труда обозначается с особенной отчетливостью по вторую половину XIX века. В Англии за 30 лет (с 1871 г. по 1901 г.) мужское население, занимавшееся каким-нибудь промыслом, возросло на 23%, женское—на 25%. При этом заметьте, что увеличение падает преимущественно на рабочий класс, так как приблизительно за тот же период число рабочих в Англии повысилось всего на 8%, работниц же—на 21%. Во Франции в 1901 году трудящиеся и вообще самостоятельно заработывающие женщины составляли 34% всего населения, в 1906 г. уже 39%. В Германии самостоятельно зарабатывающих женщин числилось в 1881 г. $5^1/_2$ миллионов; в 1890 г.—1895 г.—$6^1/_2$ миллионов, в 1907 г.—$9^1/_2$ миллионов. И, наконец, во время войны свыше 10 миллионов. В 1882 году трудящиеся женщины в Германии составляли 24% всего женского населения; в 1907 г.—30%; в период

империалистической войны — 32% [1]). В России в 1897 г. самостоятельно заработывающих женщин насчитывалось около 5 милл., за время мировой войны количество трудящихся женщин в до-революционной России увеличилось по скромному подсчету в 20 раз.

Если до мировой войны в Европе и Америке насчитывалось около 60 милл. самостоятельно зарабатывающих женщин, то можно без преувеличения утверждать, что в европейских государствах и Соединенных Штатах Америки сейчас занято до 70 мил. женщин. К этим 70 миллионам надо еще прибавить растущее число трудящихся женщин Востока с его быстро развивающеюся капиталистической промышленностью. В Японии на 2 миллиона пролетариата приходится 750 тысяч работниц, Индия насчитывает по последней переписи 19 милл. работниц, занятых на фабриках, заводах и в кустарных промыслах, в земледелии и на обширных плантациях хлопка, чайных, кофейных и др. В Китае число работниц, занятых в фабричном и кустарном производствах, в услужении и на государственной службе исчисляется не тысячами, а десятками тысяч. К западным государствам приобщается пробуждающийся, быстро развивающийся Восток. И всюду, рядом с производителем-рабочим, плечем к плечу идет женщина-работница. Мировое капиталистическое хозяйство уже не может обойтись без женщины; женщина становится признанной трудовой единицей.

Среди этих 70 милл. женщин почти половина замужних. Это явление для нас крайне важное. Оно разбивает прежний взгляд, что раз женщина замужем, ей уже не придется искать самостоятельного заработка. В Германии, Англии и России (до революции) замужние женщины, занятые самостоятельным трудом, составляли больше одной трети всех трудящихся женщин. Женщина на высшей ступени развития капитала перестает быть только придатком к мужчине, которая несет на себе мало-производительную работу по домоводству. Она втягивается в круговорот производительного труда на коллектив. А раз это так, то естественно, что дни се векового бесправия и порабощения сочтены.

Но что же гонит женщину на фабрику, на завод? Может быть, вы сами мне ответите на этот вопрос? По своей ли воле идет женщина на фабрику, на завод, в услужение, или есть внешняя социальная сила, обстоятельства, которые ее на это толкают?

---

[1]) До войны только в 17-отраслях промышленности Германии преобладал женский труд; во время войны таких отраслей было уже свыше 30

Слушательница. Труд рабочего начинает оплачиваться слишком низко, он уже не может прокормить семьи.

Лектор. Верно. При машинном производстве в заработную плату рабочего уже не входит расчет на то, что рабочий должен содержать семью. Хозяина не заботит, выживут ли дети рабочего. Непрерывный рост техники обеспечивает всегда готовый запас безработных. Но раз заработок рабочего держится на таком уровне, что он едва-едва может прокормить себя одного, жене рабочего приходится, выходя замуж, оставаться у станка. Германская статистика показывает, что 90% замужних женщин идут на заработки, гонимые голодом, нищетою. Та же картина повторяется и во всех других странах. Не личная воля, а условия жизни толкают миллионы женщин на заработки. Но труд замужних на фабриках, на заводах, в тяжелых, опасных для женского организма производствах порождает вопрос или, как принято называть, „проблему", которая никогда раньше не существовала у человечества: проблему материнства. Другими словами, вопрос о том, как совместить материнство и наемный труд на капитал? При капитализме материнство и профессия, т.-е. участие женщины в производственном труде, действительно несовместимы. Семья рабочего разрушается. Дети брошены на произвол судьбы. Дом запущен. К тому же при распространении женского труда во вредных отраслях производства, плохом питании, отсутствии действительной охраны женского труда и обеспечивания материнства, при недопустимо плохих жилищных условиях женщина не в состоянии быть здоровой матерью. Растет число выкидышей, мертворождений; смертность младенцев в промышленных городах держится на высоте 30—50%, в некоторых особо вредных профессиях (напр., ртутном при фабрикации зеркал, белильном и т. д.) превосходит 60%.

Если бы рабочий класс не был готов взять власть и производство в свои руки, если бы капитализм продолжал существовать и развиваться, то через несколько десятилетий человечеству грозило было действительное вырождение. К счастью для человечества, законы истории учат пролетариат, что ему следует делать. Пример русской революции пробивает путь для социальной революции и в других странах, организация же народного хозяйства на коммунистических началах даст человечеству ключ к разрешению проблемы материнства. Новый коммунистический строй будет построен так, что каждая живая единица труда, следовательно, и труд женщин, будет использована производительно в интересах общества; но общество с своей стороны сумеет поберечь

женщину беременную и кормящую и поставить ее в такие условия, когда она сможет выполнить и свою вторую социальную обязанность: подарить обществу нового здорового, жизнеспособного члена.

Но пока все страны, за исключением России, живут под гнетом капитализма и крест материнства всей тяжестью придавливает женские плечи, обремененные двойной обязанностью: наемным трудом и семейными заботами. Можно ли рассчитывать, что при капитализме заработки рабочего так поднимутся, что замужней женщине не придется итти на работу? Разумеется, нет. Во всем мире заработки рабочих, повышаемые нажимом рабочих организаций, не поспевают за ростом цен на предметы потребления. Но даже если бы и удалось повысить расценку рабочего, согласовав его заработок с растущими ценами на предметы потребления, то и тогда это не разрешило бы вопроса; не надо забывать, что потребности рабочей семьи не имеют пределов, и что если нищета перестает толкать женщину на работу, то повысившиеся культурные потребности самой работницы и рабочего, желавших „как следует“ обставить детей, купить книгу, побывать в театре, заставят женщину искать заработка. Есть и еще одна причина, говорящая за то, что никакими законами не приостановить рост женского труда, это—спрос на женские рабочие руки со стороны развивающегося производства. Война наглядно показала, насколько женский труд стал общественно необходим. Никакими искусственными мерами или запретительными законами, о которых еще 50 лет тому назад серьезно говорили буржуазные ученые и мысль о которых встречала поддержку и сочувствие даже у пролетариев, не ограничишь роста женского труда и не вернешь женщины в семью. Да и что ей делать в семье, когда из домоводства уплывают одна за другою прежние работы?

Если вас интересует вопрос о труде замужних женщин и о том, как сами рабочие боролись с этим явлением, прочтите главу „Профессия и материнство“ в моей книге „Общество и материнство“. Там же найдете статистику труда замужних женщин в различных странах. В сегодняшней беседе мы ответим еще на один вопрос, определяющий положение женского труда в эпоху развитого капитализма. В каких отраслях промышленности труд женщины имеет наибольшее применение? В настоящее время, особенно после мировой войны, нет ни одной отрасли народного хозяйства, где бы труд женщин не применялся. Женский труд проник не только во все области промышленности и сельского хозяйства, но начинает утверждаться в транспорте и во всех

отраслях государственной службы и местном самоуправлении. В торговле, особенно мелкой, женский труд существовал еще со времен средневековья. Но, как правило, женский труд имеет наибольшее распространение, во-первых, в тех областях, где требуется низкая квалификация труда, во-вторых, в отраслях, представляющих собою работу, входившую еще недавно, как составная часть, в расширенное домоводство. Наибольший процент женщин мы находим в текстильном, табачном, химическом производстве и в торговле (труд приказчиц и мелких торговок), т.-е. во всех отраслях с относительно низкой квалификацией труда. Во многих странах, в том числе России, Англии, Германии, Японии и др., число работниц в этих отраслях превышает число рабочих. Затем идут отрасли промышленности, сравнительно недавно оторвавшиеся от домоводства: изготовление одежды и белья, приготовление пищевых продуктов, домашние услужения, работы в прачечных заведениях, в трактирах и кафе. Редкая женщина не сумеет владеть иглой, выгладить белье или убрать обеденный стол; отсутствие профессиональной выучки заменяет в этих отраслях практика жизни. Но что весьма характерно: по мере того, как многие из этих отраслей производства переходят на механический труд (паровые и электрические прачечные, портняжные фабрики, уборки домов артелями с помощью специальных электрических приспособлений и т. д.), женская рабочая сила начинает вытесняться в этих искони женских занятиях мужским трудом. Происходит перегруппировка трудовых сил. В отрасли преимущественно женского труда проникают рабочие, в производствах, считавшихся типично мужскими, под влиянием того же явления, механизации производства (напр., в типографское дело, в металлообрабатывающую промышленность) вливаются работницы. Мужчина берется за швейную машину и электрический утюг, женщина становится у токарного и наборного станка. На наших глазах совершается обезличивание труда машиной, и это обезличивание помощью механизации производства вносит то равенство между мужской и женской трудовой силой, которое влечет за собою признание равноправности женщины перед лицом всего общества.

За последние 20 лет значительно увеличилось число женщин, занятых в службе связи. Эта отрасль требует уже определенной квалификации так же, как и конторская работа, наводняемая женщинами. Но именно проникновение женщин и в области труда, требующие выучки, квалификации, показывает, что женский труд стал необходимой составной частью производства.

Женщина привыкается смотреть на свой самостоятельный заработок не как на явление случайное, преходящее, а как на закон. Она строит свой жизненный расчет не на замужестве, а на обладании профессией, ремеслом. И сами родители, особенно в таких капиталистически развитых странах, как Америка, Англия, Германия, стремятся дать не только сыновьям, но и дочерям в руки обеспеченный кусок хлеба, обучив их той или иной профессии, ремеслу.

За XIX век женский труд перестал быть исключением, случайностью. Он стал повсеместным закономерным явлением. Мировая война лишь закрепила этот процесс, разбив последние надежды на возможность возвращения женщины в дом и семью.

Итак, подводя итог сегодняшней беседе, мы должны признать, что в XX веке завершился полный круг развития исторической судьбы женщины. Много тысячелетий тому назад женщина была такой же производительницей благ и ценностей для коллектива, рода, как и мужчина. И тогда она была равноправна. Тогда она пользовалась особым почетом, так как мужчина выполнял одну лишь обязанность— трудился, женщина же не только работала, но и рожала и выкармливала новых членов рода. Ее значение в глазах первобытного общества было поэтому выше. Разделение труда и возникновение частной собственности закрепили женщину за домом, низвергли ее на степень придатка при мужчине. Но те же производительные силы, которые на известной ступени развития требовали разделения труда по полу и возникновения частной собственности, пришли к ней теперь на помощь и раскрыли перед женщиной двери, ведущие на дорогу к ее полному и всестороннему освобождению. Века неволи женской—позади. Вовлечением женщин в производство создается прочный фундамент для раскрепощения женщины и во всех областях жизни. Однако, осуществить это раскрепощение на деле сможет только новый хозяйственный строй—коммунизм.

Пособия для слушателей по прочитанной лекции.

1. *Ф. Энгельс:* „Положение рабочего класса в Англии".
2. *А. Коллонтай:* „Социальные основы женского вопроса".
3. *А. Коллонтай:* „Общество и материнство".
4. *К. Цеткин:* „Женщина и ее экономическое положение".
5. *К. Цеткин:* „Интеллигентный пролетариат, женский вопрос и социализм".
6. *З. Лилина:* „Солдаты тыла".

Лекция седьмая.

Причины женского вопроса.

В прошлой беседе мы установили, что вместе с ростом производительных сил, утверждением и расцветом крупно-капиталистического производства, начинает возрастать число женщин, втягиваемых в круговорот народного хозяйства. Сегодня мы рассмотрим с вами, как при капиталистическом строе и приобщении женщин к производительному труду совершается не раскрепощение женщины, не признание ее равноценности и равноправности с мужчиной, а наоборот, возникает кричащее противоречие между ролью женщины в народном хозяйстве и полным ее бесправием, зависимостью и порабощением в семье, обществе и государстве. Сегодня же мы остановимся с вами на вопросе о том, каким путем в связи с ростом женского труда росло, складывалось и утверждалось в обществе сознание равноправности и равноценности женщины?

Каждому ясно: чем большее число женщин вовлекается в производство, чем самостоятельнее и экономически-независимее они становятся, тем острее и больнее ощущают они свое неравенство в обществе, свое бесправие в государстве, свою зависимость в семье. Несоответствие между тем, что женщина признается полезной для общества трудовой силой и все же по законодательству всех буржуазных государств остается бесправной, бросается в глаза каждому непредубежденному наблюдателю. Противоречие между ролью женщины в производстве и ее политическим и социальным бесправием, ее подчиненностью мужчине, который давно уже перестал быть ее кормильцем, породило так называемый „женский вопрос". С особенной остротой всплыл этот вопрос во второй половине XIX века, но ростки его мы наблюдаем много раньше. „Женский вопрос" возник тогда, когда разоряемые мануфактурой и фабрикой мелкие ремесленники и кустари вынуждены были не только сами

продавать крупным хозяевам свой труд, но посылали и заработки своих детей и жену. В те времена, в конце XVIII начале XIX века, „женский вопрос“ и начавшееся тогда женское движение сводились, главным образом, к вопросу о заработке, о доступе женщин к „честному труду“. Цеховая исключительность, строгие цеховые уставы в течение трех столетий, с XV по XVIII, упорно вытесняли женщину из ремесла, пытаясь вернуть ее в дом, оставив поле производительного труда всецело за мужчинами. Но от этого положение женщины лишь ухудшилось. Лишенные возможности работать в ремесленных цехах, они тем легче подпадали под безудержную эксплоатацию фабрикантов. В то время во Франции господствовало мануфактурное производство. Крупные предприятия, фабрики с их дымящимися трубами, где бы работали сотни и более рабочих, встречались еще в виде исключений. Зато процветали мануфактура и кустарничество, густой сетью опоясавшие всю Францию. Целые округа, густо заселенные кустарями, работали на скупщиков и носили название „мануфактур“. Мелкие мануфактурные предприятия с десятком, другим рабочих и работниц росли, как грибы в Париже и других городах Франции. Руками кустарниц и кустарей вырабатывались тяжелые ткани и тончайшие кружева, изделия из металла и вышивки золотом, пестрые ленты и предметы обихода. Особенно много женщин было в ткацко-прядильной промышленности: работницы в этой отрасли составляли 90%. Шелковое производство уже тогда носило характер промышленности крупной, и здесь фабрика определенно вела борьбу, побивала и вытесняла кустаря и мануфактуру. Ко времени великой французской революции Франция насчитывала уже многочисленный женский пролетариат. Париж кишел нищими и проститутками. Толпы голодных безработных женщин наводняли предместья Парижа. Естественно, что с момента вспыхнувшего в июле 1789 г. восстания трудового народа против власти богачей и титулованных особ, „женщины народа“, мелкие ремесленницы, торговки, кустарницы стали деятельнейшими участницами восстания. Возможность добыть себе средства к жизни, право на „честный кусок хлеба“ стало лозунгом широких женских масс, участвовавших самым активным образом во французской революции. В одной из петиций пролетарских женщин Парижа во время революции женщины требовали предоставления им равного с мужчиной права на труд и закрытия доступа мужчинам в отрасли женского труда, взамен чего обязывались не искать труда в специально мужских отраслях. „Мы просим

работы,—говорилось в одной из петиций—не для того, чтобы сбросить авторитет мужчин, а чтобы иметь возможность обеспечить себе хотя бы скромное существование". Доступ во все ремесла, другими словами—неограниченная свобода труда,—вот к чему сводилось требование женщин неимущего класса в момент французской революции, требование, которое обещало избавить десятки тысяч голодных, оборванных женщин от нищеты, беспризорности или проституции. Требование это не было чисто женским. Оно совпадало и со стремлениями народившегося во Франции промышленного пролетариата. У всех жителей парижских предместий на устах был клич: „свобода труда". Но свобода труда означала прежде всего свержение феодального режима, установление господства буржуазии, уничтожение привилегий отживших цеховых организаций. Нет ничего удивительного, что классовый инстинкт подсказал правильно женщинам парижских предместий, по какому пути им следует итти, если они хотят получить доступ к „честному заработку". Женский пролетариат Франции решительно стал на сторону революционных группировок. Они шли бороться за право заработать „кусок хлеба".

Тот, кто захотел бы добросовестно описать все выступления женщины в период французской революции, их героическую решимость и революционную волю, тому пришлось бы писать целую книгу. „Женщины народа" провинций Дофинэ и Бретани первые бросают вызов королевскому правительству, за ними следуют гражданки Ангулуза и Шевансо; они активно участвуют в выборах депутатов в Генеральные Штаты и, что характерно, выборы эти не кассируются. Как уже не раз доказано в истории, в момент обостряющихся гражданских войн, так же как и в момент напряженной национальной борьбы, даже буржуазное общество и то, забывая „неравноценность" женщины, ищет в ней опоры и привлекает в ряды активных борцов. Женщины Анжеры выпускают революционный манифест против произвола монархического режима. Женский пролетариат Парижа участвует во взятии Бастилии, и женщины с оружием в руках бросаются в крепость. Женский пролетариат во главе с Розой Лакомб, ремесленницами Мадлен Шабри и Рене-Одю организует поход на Версаль и под женской стражей доставляет короля в Париж. По возвращении Людовика в Париж, те же „женщины парижских предместий" оспаривают у мужчин честь охраны парижских ворот. В 1789 г. торговки рыбой отправляют депутатов в Собрание Генеральных Штатов, чтобы „воодушевить депутатов и на-

помнить о своих нуждах". „Не забывайте о народе, господа", предостерегали женщины предместий депутатов Генеральных Штатов, этой Государственной Думы Франции. Женщины парижских предместий участвуют в петиции на Марсовом поле и падают жертвами вероломства короля. Народжающийся женский пролетариат Франции — всюду, куда толкает его сознание общности классовых задач всего пролетариата. Только победа революции обещала женщине народа, французской работнице и обнищалой крестьянке, избавление от голода, непомерно, чудовищно растущей дороговизны, бесправия и нищеты и главное от безработицы. Женский пролетариат Франции до конца сохранял свою революционность и непримиримость, часто своим непреклонным настроением увлекая за собой даже колеблющихся мужчин, создавая атмосферу решимости и непримиримости.

Память о грозных, жестоких кровожадных „вязальщицах" еще долго после падения республики тревожила мирный сон буржуазии. А между тем, кто были „вязальщицы", эти фурии, как звала их мировая контр-революция? Голодные, исстрадавшиеся ремесленницы, крестьянки, жены рабочих, кустарницы, работницы мануфактур, которые, всей душой ненавидя аристократию, старый режим, здоровым инстинктом примыкали к самым решительным борцам за новую Францию, в которой труд станет доступен каждому и дети не будут умирать с голода, имея перед глазами непомерную роскошь кичливого, ничего не делающего дворянства. Чтобы не терять времени зря, эти женщины, ярые патриотки, труженицы, брали всюду с собой свое вязание: на празднества и демонстрации, к решетке Национального Собрания и к гильотине. Они вязали чулки не для себя, а для солдат национальной гвардии, для защитников революции.

Начало так называемого „женского движения" принято относить ко времени французской революции и к эпохе революционной войны (с 1774 г. по 1783 г.) за освобождение Америки от господства старорежимной Англии; принято связывать это движение с именем нескольких ярких защитниц женских прав, первых поборниц равноправия. Французская революция, несомненно, богата яркими женскими образами, имена которых тесно связаны не только с женским движением, но и с делом всей революции на различных ее ступенях. Рядом с умным политиком умеренного толка жирондисткой (по масштабу нашего времени мы назвали бы ее меньшевичкой) мадам Ролан крупная журналистка-писательница, истинная демократка по духу Луиза Робер Коралио, пламенная защитница республики. Обе они мала

интересовались женским движением и не выдвигали женских требований, но в деле признания равноценности женщин их заслуги в истории не меньше, чем заслуги первых равноправок. Своей работой, деятельностью, преданностью революции они заставляли общество забывать, что они представительницы „слабого пола“, и видеть в них только выразительниц известного политического течения. Рядом с ними и завзятой равноправкой Олимпией де-Гуж вырастают два других женских образа, овеянные пламенем революции, характерной чертой которых была их страстно-боевая натура. В первоначальный период революции мы видим Теруань де-Мерикур, вместе с Демуленом призывавшую народ к оружию. Теруань участвует во взятии Бастилии, за что Национальное Собрание награждает ее почетной саблей. 5-го октября, в день похода на Версаль, Теруань верхом в красной одежде скачет в Версаль, чтобы поддерживать дух революционерок. Она основывает вместе с философом Реммом общество „Друзей закона“. Она агитирует за поддержку национальной армии и призывает женщин к активной защите нового отечества-республики. 20 июня она помогает народу тащить пушки против дворца короля. 10-го августа Теруань проводит ночь на площади, призывая в пламенных речах установить „истинную верховную власть народа“. С отрядом марсельцев она врывается во дворец короля, за что республика присуждает ей „гражданский венок“. Но погибает она в момент обострившейся борьбы якобинцев и жирондистов, склоняясь на сторону последних. Ей претят неизбежные кровавые жестокости революции. Роза Лакомб—одна из вдохновительниц похода на Версаль за королем. Она истинный вождь женщин предместий Парижа. Она всегда в низах и с низами, боевая, решительная, с выдающимся организаторским талантом, прекрасным голосом и привлекательной внешностью. Ее выступления у решетки Законодательного Собрания с призывом защитить революцию от вторжения коалиционных войск, ее требование демократизации власти вошли в историю, как документ революции. Лакомб—яростный враг монархии. При осаде королевского дворца 10 августа она ранена в руку. И ей так же, как Теруань, Национальное Собрание присуждает „гражданский венок“. С 1793 г. она становится членом партии Горы и носит красную шапочку—„санкюлотку“—сторонниц Марата. Лакомб требует ареста всех аристократов и их семей. Она собирает толпы женщин, ведя агитацию против жирондистов, и помогает якобинцам в разгроме Жиронды. Самим якобинцам Лакомб не дает покоя, добиваясь более решительных

мер борьбы с контр-революционерами, ареста скупщиков, по-нашему, спекулянтов, выступая даже против непогрешимого Конвента, что, разумеется, заставило Робеспьера не долюбливать слишком популярную и красноречивую якобинку. Не по вкусу Конвенту было и то, что Роза Лакомб вместе с членами „клуба революционных гражданок" начинает вмешиваться в распоряжения Конвента, проверяя списки заключенных и заступаясь за тех, кого члены „клуба революционерок" считали невинно-осужденными. Самый клуб „революционных гражданок" основан был в Париже по почину Розы Лакомб и прачки Полины Леони, т. е. женщин предместий. Лакомб стремилась ввести в этом клубе воспитание широких женских масс в духе революции. Она ставила на обсуждение, напр., такие темы: „Какую пользу могут женщины принести при республиканском строе?". Лакомб—яркая выразительница трудовых женских масс; эта непримиримая якобинка не раз вместе с Полиной Леони выступала на защиту не столько женских прав, сколько интересов трудящихся женщин. Стоя у решетки Национального Собрания с толпой голодных безработных женщин Парижа, она делала запрос Собранию о том, что собирается республиканская власть предпринять для облегчения тяжелого, невыносимого положения трудящейся женщины? Их боли и нужды умело передавала в своих красивых, сильных и смелых речах Роза Лакомб.

Когда по распоряжению Конвента женские общества и клубы были распущены во Франции, Лакомб страстно защищала свое детище — „клуб революционерок". Но и он подвергся общей участи. С падением якобинцев и началом торжества реакции выступление женщин стало строго преследоваться. Но Лакомб молчать не могла. Она продолжала говорить. Весной 1794 г. ее арестовали; с тех пор она сходит с политической сцены. Во время наступившей реакции ей уже нет места. Лакомб сочетала в себе свойства революционера, преданность великому делу революции с сознанием того, что нужда, запросы и горести женского пролетариата являются, должны являться неотъемлемой частью движения и борьбы нарождавшегося рабочего класса. Она не требовала прав для женщин, но хотела разбудить самих женщин, толкнуть их на путь революционной самодеятельности, заставить их самих встать на защиту своих интересов, как членов трудового класса, и в этом большая заслуга Лакомб, этим она нам ближе, чем остальные, более однобокие деятельницы великой революции.

Буржуазно-женское движение ведет свою родословную

от жены первого президента юной Американской республики Эбигайль Смит Адамс и ее соратницы Мерси Уоррен, от Олимпии де-Гуж во Франции и Мэри Вольдстонкрафт в Англии. Буржуазные равноправки любят представлять дело так, будто вопрос о равноправии женщин поставлен был на очереди только потому, что в XVIII веке несколько весьма умных философов, мыслителей и писателей, а вместе с ними и несколько смелых и самоотверженных женщин решили заступиться за „прекрасный пол“ и потребовать для них равного с мужчиной образования и признания за ними равноправности во всех областях. Голос их разбудил дремлющее самосознание женщин, они сорганизовались и стали выступать на защиту своих интересов, отвоевывая шаг за шагом в течение всего XIX века одно за другим ряд прав, какими женщины еще никогда не обладали.

Подобный взгляд глубоко ошибочен. На самом деле события и история раскрепощения женщины складывались как раз обратно. Смелые защитницы женских прав, подобно Олимпии де-Гуж во Франции, Эбигайль Смит Адамс в Америке или Мэри Вольдстонкрафт (Англия) могли поставить ребром вопрос о равноправности женщин только потому, что к концу XVIII века женщины стали втягиваться в производство и что общество стало ценить в них трудовую силу, полезную для общества. Олимпия де Гуж, бросившая в лицо самому грозному Конвенту историческую фразу: „если женщина имеет право всходить на эшафот, ей должно быть дано право взойти и на трибуну“,—явилась ярой поборницей признания за женщиной политических прав. Эбигайль Смит Адамс, грозившая революционной власти вновь испеченной республики Америки в 1783 г., что „женщины не подчинятся законам республики, если конституция не признает за ними избирательного права“, первая точно и ясно формулировала требования политической равноправности женщин. Мэри Вольдстонкрафт, талантливая, вдумчивая и смело мыслящая писательница конца XVIII века (ее нашумевшая книга „Защита прав женщины“ вышла в 1796 г.), требовала коренной реформы женского образования и признания за женщиной равноправности в этой области. С разных точек зрения подходили женщины к разрешению уже обозначавшегося „женского вопроса“, т.-е. противоречия между ролью женщины в производстве и ее правами в государстве и обществе, но по существу все их требования сводились к одному основному лозунгу — „право на труд“. Право на труд в те времена означало прежде всего победу революции—сбросить феодальный строй и построить жизнь на но-

вых началах. Но чтобы строить жизнь по-новому, так, чтобы в этой жизни было место и для ищущей заработка женщины, для этого нужно обладать властью. Жестоко ошибаются буржуазные равноправки, когда доказывают, что стремление женщин к равноправности и сознание своих прав толкало женщину на путь самостоятельного труда. История учит нас как раз обратному. „Цель каждого законодательного органа,—писала в своем знаменитом манифесте Олимпия де-Гуж,—охрана неотчуждаемых прав обоего пола: свободы, прогресса, безопасности и противодействия гнету... Все гражданки должны так же, как и граждане, лично или через своих представителей принимать участие в законодательстве... Все гражданки должны иметь одинаковый доступ ко всем общественным должностям, отличиям и профессиям“... Однако, все эти требования, сводящиеся, главным образом, к „свободному доступу для женщин ко всем должностям и профессиям“, могли родиться только потому, что „женщина народа“ уже проложила женщине путь к производительному труду. Что касается требования политического равноправия женщины, то в дни французской революции оно еще не стало насущным вопросом для широких женских пролетарских масс и группировало вокруг себя скорее буржуазно-демократические элементы. Женщины парижских предместий принимали лишь слабое участие в женских клубах, организуемых по почину первых равноправок типа Пальм Альдерс, и, наоборот, с воодушевлением боролись вместе со всем пролетариатом за отмену цехов и ряд других чисто пролетарских требований. Классовой инстинкт правильно подсказывал им, что отмена цехов и требование права на труд—более реальный лозунг, чем борьба за признание за женщинами политических прав. Олимпии де-Гуж, выставившей это требование, казалось, что этим она защищает интересы всех женщин, на самом же деле в исторической обстановке XVIII века признание политической равноправности за женщинами, как во Франции, так и в Англии и Америке, утвердило бы лишь права женщин имущего буржуазного класса. Пролетариат, а с ним и женщины рабочего класса, все равно остались бы за флагом.

Движение женщин за признание своих прав, впервые отчетливо обозначившееся в конце XVIII века, вытекало с неизбежной необходимостью из общей обстановки производства, состояния народного хозяйства того времени и той роли, которую в ней начинал играть женский труд.

Именно на примере Франции, Англии и Америки мы еще раз убеждаемся в правильности основного положения

наших бесед, а именно, что положение женщины в обществе определяется ее ролью в народном хозяйстве.

В прошлой беседе мы познакомились с вами с развитием женского труда в эпоху мануфактуры и в период развития фабричного производства в таких капиталистических странах, какими в XVIII веке являлись Англия и Франция. Тут факты говорят сами за себя. Не оправдывается ли наше положение относительно Америки? В XVIII веке Америка была еще только колонией могущественной Англии и при том колонией экономически отсталой. Промышленность в ней была крайне слабо развита, процветало мелкое фермерство. Большинство населения состояло из земледельцев. Как же могло случиться, что Америка вдруг стала колыбелью женского движения? Как могло получиться, что в Америке вопрос о равноправности женщин и о признании за ними политических прав был поставлен раньше, чем в высокоразвитых промышленных странах Европы? Не противоречит ли этот факт нашему главному положению, что борьба за равноправие есть лишь результат участия женщин в производительном труде? Не явилось ли требование политического равноправия женщин только логическим завершением программы борющейся за демократизм буржуазии? Ничего подобного. Именно Америка является еще одним живым подтверждением нашего основного положения. Требование политических прав для женщины явилось прямым результатом той роли, которую женщины играли в производственной жизни Северной Америки в XVII и XVIII веках, т.-е. тогда, когда она числилась английской колонией. Заселялась эта колония выходцами из „Старого Света“, из Европы, которые бежали обычно от гнета феодализма, от религиозных преследований. В большинстве это были люди, у которых не было ни денег, ни собственности. В Америку они привозили единственное свое состояние — свои рабочие руки и свою трудовую энергию. Чаще всего беженцы из Европы отправлялись в „Новый Свет“ со всей своей семьей. Здесь они оседали на землю, становились колонистами, фермерами. Недостаток в наемной рабочей силе заставлял фермера вести хозяйство силами собственных членов семьи. Жена и дочери фермера работали по созданию благосостояния ферм не меньше, чем их отец, муж или братья. Так же, как и мужчины, женщины несли все тяготы хозяйства, ведя борьбу с буйном, девственной природой, еще не укрощенной рукой человека. Так же, как мужчины, встречали они с винтовкой в руках нападения индейцев, отстаивая плечо к плечу с мужем или отцом своим ферму, созданную общим

трудом. Женщина силой вещей обращалась в ценную трудовую силу, чей труд вливался в общее русло земледельческого производства, способствуя этим росту благосостояния всей колонии. Отсюда та почтительность, то уважение американцев к женщине, которое только недавно стерлось под влиянием развитого капитализма, заставляющего видеть в женщине либо рабыню наемного труда, либо орудие утехи для мужчины.

Пока Америка считалась английской колонией, законы ее покоились на принципе: „представительство имеет тот, кто платит налог". Поэтому все плательщики налогов пользовались правом участвовать в управлении своего штата, женщин из этого права не исключали. Очень естественно, что когда разразилась война за освобождение Америки, женщины приняли в ней самое деятельное участие. Они были заинтересованы фактически в том, чтобы отстоять независимость страны, процветание которой являлось отчасти делом и их рук. Идея независимости Америки настолько их воодушевляла, что женщины в своей решимости бороться до конца, часто шли дальше даже революционно настроенных политиков. Так, Мерси Уоррен еще тогда отстаивала идею полного отделения Америки, когда сам вождь этого движения — Вашингтон, не решался вы казаться за такую радикальную меру. Женщины были уверены, что конституция ново-испеченной республики признает их политическую правоспособность, которую не отрицали законы Американских Штатов даже тогда, когда Америка была только английской колонией. Но женщины жестоко ошиблись. Учредительное собрание хотя и не высказалось против избирательных прав женщины, предоставив штатам самим решить этот вопрос, однако, в конституцию этого права не включило. Решение это вызвано было вполне понятными причинами: Соединенные Штаты к концу XVIII века перестали быть страною мелкого фермерства, Америка определенно вступала на путь крупно-капиталистического промышленного развития. Женщина переставала быть полезной производительной единицей, значение ее в общем народном хозяйстве падало. Она низводилась на роль жены, семьянинки, придатка при утверждавшем свое господство буржуа; женщины же неимущего класса шли в фабричные работницы, становились в ряды презираемых рабынь капитала. Очень показательно, что промышленные Штаты Северной Америки, так называемые старо-английские штаты, законодательным порядком отвергли избирательные права женщин, признав полноправными гражданами только мужчин. Наоборот, два земле-

дельческих штата (Виргиния и Нью-Джерсей) распространили коммунальные и политические права также и на женщин.

Любопытно отметить, что в виду освободительной войны стремления женщины к равноправности встречали полное сочувствие со стороны американского общества, особенно среди более революционно настроенных слоев. Женщин всячески использовывали, вовлекали в гражданскую войну. От них требовали „гражданского мужества", самоотверженности и преданности своей группе. Но едва улеглось ликование по поводу одержания победы над старым строем, и прежний враг, феодальная Англия, перестала угрожать интересам американской буржуазии, как требование равноправности женщин перестало умилять даже завзятых демократов.

Таким образом мы можем на живом примере Америки и французской революции убедиться в том, что требование равноправности рождается уже после того, как женщины фактически становятся трудовой единицей, участвующей в общенародном хозяйстве. Не стремление к равным правам толкает женщину на путь труда, а наоборот, вовлечение женщин в круговорот народного хозяйства рождает идею равности и равноценности женщин и во всех других областях.

Но как же в таком случае объяснить, что женщина всюду в буржуазных странах до сих пор фактически, на деле не равноправна? Что там, где женщины составляют крупный процент трудящихся, все же общество и государство не признают за ними и личности и гражданина? Где причина?

Причина в самой системе буржуазно-капиталистического строя, построенного на классовых противоречиях и наемном труде. В буржуазных государствах, это вы сами знаете, большинство самостоятельно-трудящихся женщин принадлежит к рабочему классу, к классу наемных рабов капитала. И так же, как в древности, господин, владыка презирал своих пленников рабов, создавших ему его богатства, так же не признает, не хочет признать буржуазия прав за теми миллионами пролетариев, трудом которых создаются товарные ценности, основа богатств буржуазного общества. При капитализме работница, как и рабочий, выполняет не самостоятельную работу, создавая ценности, которые прямо из его рук поступают в руки потребителя, она работает по „найму". При господстве натурального хозяйства ремесленник и даже кустарь продавал потребителю не свою рабочую

силу, а готовый продукт своего труда. При системе наемного труда рабочий или работница продают хозяину свою рабочую силу. В прошлой беседе мы установили с вами, что буржуазные экономисты не желают признавать, что основным источником народного богатства является живая рабочая сила, труд. Вместе с предпринимателями они ищут всяческих объяснений, каким образом из сочетания механической силы —машины и живого труда рабочего—капиталист извлекает выгоду. Буржуазия считает, что источником, создающим новые ценности, являются бездушные машины, но никак не рабочие. Поэтому с точки зрения буржуазии роль наемного рабочего и работницы сводится к роли придатка при машине. Истинным создателем богатств в глазах буржуазии является сам капитал.

Пока будет господствовать капиталистическая система производства, до тех пор нет основания ждать, что взгляд на труд и на роль рабочего класса, включая и роль женщины в производстве, изменится. Наемный труд вытянул женщин из их области узкого домоводства и вовлек в сферу производительного труда на общество, на коллектив. Но господствующая система наемного труда ввергает и рабочего и работницу в полную материальную, а за ней и социально-политическую зависимость от буржуазии. Труд, кем бы он ни производился, мужчиной или женщиной, обесценивается. Каждую попытку рабочего класса отвоевать признание своих прав, добиться демократизации государства, участия рабочих в управлении страной встречает жестокий и организованный отпор буржуазии. Не тот, кто трудится, а тот, кто присваивает себе прибыль от этого труда, призван, по теории буржуазии, править государством и направлять жизнь общества. Бесправие трудящейся женщины совпадает с бесправием всего пролетариата. Судьба женщины неимущего класса сливается с судьбой пролетариата. С момента вынужденного вступления миллионов женщин на путь наемного труда, положение женщины не улучшается, а, наоборот, ухудшается. Капиталистическая форма производства к прежнему бесправию, неравенству в семье и закабаленности домоводством взваливает на женщину еще новое бремя: наемный труд на хозяина, собственника громадных фабрик и заводов, по мощи своей затмевающих гордые замки владетелей баронатов и герцогств.

Мы указали уже в прошлой беседе, что замужество не спасает женщину от необходимости продавать свою рабочую энергию. Все большее и большее число замужних женщин оказываются вынужденными совмещать профессиональную

работу вне дома и бесчисленные работы по домоводству, по уходу за детьми и услужению мужу. Жизнь трудящейся женщины превращается в сплошную каторгу. Она не досыпает, не знает часов отдыха; встает раньше всех в доме и позже всех ложится. И все-таки семья рабочего разрушается, дом приходит в запустение, дети оказываются беспризорными. Женщины выбиваются из сил, чтобы спасти семью от развала, чтобы не дать потухнуть домашнему очагу. Она еще живет прошлым, она больше, чем мужчина, дорожит домом. Но неумолимые производительные силы не считаются с людскими желаниями. С утверждением крупного производства домашнее хозяйство суживается до неузнаваемости, одна за другой отпадают отрасли труда, которые еще недавно, в дни юности наших матерей и расцвета жизни наших бабушек, составляли неотъемлемую часть домоводства. Станет ли жена рабочего сама тратить часы на вязание чулок, на приготовление мыла, на шитье платья и белья для членов семьи, когда все эти предметы массового потребления в изобилии имеются на рынке? Лишь бы были деньги. А чтобы стать обладательницей знаков обмена, надо продать известную часть своей трудовой энергии и своего времени, т.-е. надо наняться на работу. К чему быть домовитой хозяйкой, самой варить, солить, мариновать продукты на зиму, печь хлеб или готовить обед, когда сотни консервных фабрик заготовляют нужные для хозяйства запасы, когда хлеб выпекают булочные, а готовый обед рабочая семья может получить в кооперативе или дешевом ресторанчике? Домоводство отмирает. Работа женщины на семью становится излишней. В ней не нуждаются ни само народное хозяйство, ни члены семьи. И на наших глазах, по мере развития капиталистического товарного хозяйства, вместе с расцветом фабричного производства, семья, особенно семья горожанина, начинает разлагаться и вымирать. Семья, необходимая при господстве натурального хозяйства, становится балластом, поглощающим, с точки зрения народного хозяйства, бесполезно и непроизводительно трудовую энергию женщины. Перестав быть хозяйственной единицей, семья делается излишней. Труд женщины из области узкого домоводства постепенно переносится в область обслуживания народного хозяйства. Число женщин, занятых в производстве, все увеличивается. Мировая война окончательно утверждает нужность женской рабочей силы для дальнейшего развития производительных сил. Нет отрасли труда, куда бы за эти последние 7 лет не проникла женщина. За время войны количество трудящихся женщин в

Европе и Америке выросло приблизительно на 10 миллионов. Женский труд стал необходимостью. Статистика устанавливала, что в начале XIX века приблизительно 1/3 ценностей, попадающих на мировой рынок, производилась руками женщин; сейчас это участие женщин в производстве для мирового товарообмена еще возросло. Женский труд стал крепким экономическим фактором. И тем не менее „женский вопрос" далек от своего разрешения. Женщина во всех странах мира, за исключением Советской России, далека от равноправия. Мы знаем, что причина женского бесправия в системе капиталистического производства, в классовом делении буржуазного общества, построенного на частной собственности и на единоличном хозяйстве. Но раз причина нам известна,—ясен и путь, по которому надо итти, чтобы эту причину устранить. Неравноправность женщины и закрепощенность женщины могут прекратиться только с переходом новой системе производства, — замене частной собственности общественным производством и коллективным потреблением, т.-е. с победой труда над капиталом, с торжеством коммунизма.

Пособия для слушателей по прочитанной лекции.

1. *А. Лассер:* „Коллективное участие женщин во французской революции".
2. *К. Щепкина:* „Женское движение в годы великой французской революции".
3. *А. Коллонтай:* „Соц. основы женского вопроса" (глава „Борьба женщин за политические права").
4. *Адлер:* „Знаменитые женщины французской революции".

Лекция восьмая.

Движения феминисток и участие работниц в классовой борьбе.

Мы установили с вами, товарищи, что „женский вопрос“ возник, как результат противоречий, созданных капитализмом, противоречием между ростом числа женщин, втянутых в народное хозяйство, и отсутствием их равноправности в обществе, в браке, в государстве.

Отдельного, самостоятельного „женского вопроса“ не существует; противоречие, которое при буржуазном строе угнетает женщину, является неотъемлемой частью великой социальной проблемы борьбы труда и капитала.

Но самый факт существования указанного противоречия между бесправием женщин и растущим их участием в производительном труде, в народном хозяйстве, вызвал в жизнь явление, которого раньше не знало человечество: родилось женское движение.

С момента обозначения женского движения с конца XVIII века движение это отчетливо стало растекаться по двум руслам: одно развивалось под флагом буржуазного женского движения, другое составило часть классового рабочего движения.

Буржуазно-женское движение в течение всего XIX столетия шло обособленно от политического движения мужчин буржуазнаго класса, лишь отчасти отражая родственные социальные группировки. Движение это получило к концу XIX века широкое развитие, прочно опоясавши сетью женских организаций все буржуазные страны Запада и Востока. Его основная задача была: добиться равноправности женщин, признания одинаковых прав с мужчинами во всех областях жизни в пределах буржуазно-капиталистического общества. Защитницы женских прав из буржуазного лагеря, во-первых, никогда не помышляли о новом, социальном строе, открывающем перед женщиной широчайшие и единственно прочные основы ее раскрепощения. Социализм им был чужд. И если к концу XIX века часть буржуазных рав-

поправок и выставляли требования, заимствованные у социалистов, то только, чтобы получить опору у женского пролетариата, купить его сочувствие и этим усилить свое собственное политическое значение. Второй отличительной чертой буржуазных равноправок было то, что они воображали, будто они являются носительницами и выразительницами требований и стремлений всех женщин, что они стоят выше классовых противоречий, между тем как фактически они являлись лишь яркими выразительницами потребностей и интересов женщин буржуазного класса, хотя и разных социальных групп.

Третьим свойством этого движения было то, что поборницы женских прав, всячески стараясь подражать мужчинам, резко отмежевывались от них и противополагали интересы женщины интересам мужчин. Феминистки делали еще одну крупную ошибку: они совершенно не считались с тем, что на женщине по отношению к обществу лежит двойная обязанность и что „естественные права", на которые так любили ссылаться феминистки, требуют, чтобы женщина не только несла производительный труд на общество, но и дарила бы этому обществу здоровое потомство. Материнство— его защита, охрана интересов женщины, как матери, не входило совершенно в задачу и программу буржуазных равноправок. И если в конце XIX века и начале XX вопрос об охране материнства стал привлекать внимание буржуазных женщин, то именно не элементов уже вовлеченных в феминистическое движение. Требования страхования материнства и охраны женского труда буржуазные женские организации включали в свои программы крайне неохотно, после больших колебаний и то только к XX веку, когда без включения этих пунктов они рисковали потерять симпатию широких масс пролетарских женщин, выступавших активными защитницами этих требований. Феминистки наивно пытались перенести борьбу за равноправность женщины с прочного фундамента классовых отношений в область борьбы двух полов. Получалось извращение, карикатура. Отсутствие политического чутья уводило феминисток (слово „феминистка" на французском языке значит защитница женщин) от правильной линии борьбы. Там, где они могли бы заручиться успехом и поддержкой мужчин своего класса, они утрачивали его, суживая свои задачи, выдвигая не обще-классовые требования, из которых естественно могли бы вытекать и требования, обеспечивающие права женщин, а узко-женские лозунги всюду, кстати и некстати, провозглашавшие равноправность женщин. Только в XX веке

наиболее политически сознательные женские группы стали связывать свою борьбу с борьбою определенной политической партии, являясь как бы частью партии и ее дополнением. Так работали в России до революции кадетки в „Союзе равноправности женщин“, позднее в „Лиге женского равноправия“. Такую же политику вели и некоторые германские и английские объединения.

Стремление к утверждению равноправности, желание доказать, что женщина во всем подобна и равна мужчине, заставляли равноправок не считаться с природными особенностями женщины, требующими и особого отношения к ней со стороны коллектива. При первобытном коммунизме род чтил женщину и за то, что она являлась основной производительницей в хозяйстве, и за то, что она дарила новую жизнь, способствовала увеличению численности рода. Материнство, т.-е. свойство женщины рожать детей, еще недостаточное основание, чтобы общество содержало ее и приравнивало к заслугам мужчин, несущим на себе все производственные обязанности. Но если женщина наравне с мужчиной несет полезную для общества работу, то дополнительная социальная обязанность женщины—рождение и вскармливание младенца—несомненно требует со стороны общественного коллектива и особого учета и дополнительной заботы о женщине. Этого буржуазные феминистки в пылу увлечения голыми принципами равноправности совершенно не хотели признать. Они делали величайшую ошибку, считая, что признание за женщиной прав то же, что признание за ней полного равноправия с мужчиной. Так наиболее завзятые феминистки „из принципа“ одевались „под мужчину“, стригли волосы не ради удобства, а из подражания, ходили по улице крупными мужскими шагами... Когда феминистки узнавали, что в порту женщины, гонимые нуждой, нанимаются грузчиками и носят непосильные тяжести, наши наивные поборницы равноправия умилялись и писали в своих газетах и журналах: „Еще одна победа женщин в области равноправия. Женщины-грузчики наравне с мужчинами на своих плечах таскают по 12 пудов“. Им и в голову не приходило, что в интересах общественного коллектива и самих женщин-работниц надо было, наоборот, написать статью о том, что своей жаждой наживы, своей алчностью капитализм подрывает здоровье нации, разрушает непосильной и неподходящей работой женский организм и этим наносит ущерб благосостоянию своего народа. Феминистки не умели понять, что физические особенности женщины всегда будут ставить ее в особые усло-

вия, но что этим нисколько не будет подрываться признание прав и ценности женщины для коллектива. Не непременно одинаковые с мужчиной работы, но работы равноценные по своему значению для блага коллектива должна выполнять женщина для того, чтобы коллектив ее признавал и обеспечил одинаковыми с мужчинами правами. Этого феминистки не понимали. Отсюда однобокость и узость их движения.

Движение это прошло несколько ступеней. Требование политического равноправия, громко прозвучавшее в конце XVIII века в Америке и Франции, в момент обостренной гражданской войны с утверждением власти буржуазного класса, временно сходит со сцены. На его место выдвигается более скромный лозунг: открытие женщинам доступа к образованию. Лозунг, окрасивший собою женское движение первой половины XIX века, непосредственно вытекал из основного лозунга женского движения—права на труд. Еще Олимпия де-Гуж в своем историческом манифесте правильно учла, что женщинам мало признания политических прав, что им не менее важно получить доступ ко всем должностям и профессиям. Тогда, когда Олимпия де-Гуж выпускала свой манифест, необходимость обеспечить за женщинами буржуазного класса доступ к интеллигентскому труду еще только обозначалась. Девятнадцатый век эту необходимость обострил. Расцветший капитализм не только повлек за собою разорение ремесленника и обращение кустаря в фабричного рабочего, но нарушил также благополучное и прочное существование промежуточного слоя населения—мелкой буржуазии. Мелкий торговец, хозяйчик, чиновник уже не в состоянии были содержать свои семьи на заработки одного главы семьи. Искать заработка приходится не только сыновьям менее зажиточных буржуазных семейств, но и их дочерям. Девушки из средней буржуазии ищут работы в качестве учительниц, пишут и переводят романы, стремятся проникнуть в конторскую работу и на дающую наибольшее обеспечение государственную службу. Но двери, ведущие к интеллигентскому труду, остаются еще плотно закрытыми перед женщинами. Женщин берут на работу неохотно, с недоверием к их силам и способностям, и только потому, что женщина и в этой области ценит свои рабочие руки дешевле рабочих рук мужчин. Обычно мужчина целиком содержит своей профессией себя, а нередко еще и семью. Женщина, как правило, „подрабатывает", живет она обычно у родителей или родственников, заработок же идет на покрытие ее „личных расходов". По-

степенно растет число женщин, которые должны содержать себя целиком, а иногда и прокармливать семью, но высота женской заработной платы устанавливается именно из расчета, что и в области интеллигентских профессий женщина лишь „подрабатывает". Впрочем, есть и еще другое существенное обстоятельство, которое давило и продолжает давить на женский заработок: отсутствие профессиональной выучки, квалификации. Предприниматель и государство не только потому неохотно впускали в контору, в школу и в правительственные учреждения женщину, что она являлась представительницей „слабого пола", женщиной, но и потому, что они правильно учитывали, что ее работа, при отсутствии подготовки, будет менее производительной. Только очень низкая расценка труда женщин могла соблазнить предпринимателя использовать рабочую энергию женщины сомнительного качества. Разумеется, мужчины, конкуренты по труду, косились на женщину, вытеснявшую их из контор и учреждений; но глубоко ошибаются феминистки, когда уверяют, что доступ к проникновению женщин во все профессии закрывал „эгоизм" мужчин, их узкое себялюбие и страх перед женской конкуренцией. Причины, почему так туго в первой половине XIX века перед женщиной буржуазного класса открывались двери профессионального заработка, следует искать в малой подготовленности, в отсутствии профессиональной выучки женщин.

Из этого тупика мог вывести женщин только доступ к образованию. Нет ничего удивительного, что в первую половину XIX века, а в некоторых странах, напр., в Германии и России и того позже, основным кличем женского буржуазного движения являлось требование—доступ к образованию на равных правах с мужчиной.

Вопрос о реформе женского воспитания всплывал еще в XVIII веке. Французский писатель Фенелон, а за ним деятель первых годов французской революции философ-публицист Кондорсэ явились рьяными защитниками женского образования. В Англии вопрос этот поднят был еще в XVII веке Даниэлем Дефо и Мэри Эстель, но тогда их голоса звучали одиноко, практического применения их призыв не имел. Другое дело XIX век. Смело, в духе соответствующем великим начинаниям и [illegible]ажным замыслам французской революции, поставила вопрос о женском образовании в знаменитой своей „Защите женских прав" Мэри Вольдстонкрафт. Мэри Вольдстонкрафт своеобразно подходила к вопросу: она требовала расширения женского образования и признания

прав за женщинами с точки зрения идеального материнства. Хорошей матерью, умеющей научить своих детей гражданскому долгу и внушить им любовь к свободе, может быть только свободная и высоко сознательная женщина. Из всех защитниц женского равноправия только Мэри Вольдстонкрафт является единственной, кто подходит к требованию женских прав с точки зрения широко понятных обязанностей материнства, если не считать французского филолога-революционера XVIII века, Руссо. Руссо выводил равноправность женщин из „естественных прав человека", но женщинам в новом свободном обществе, где будет господствовать разум и свобода, отводил лишь единственную роль— материнство и притом в буржуазно семейном смысле.

Несмотря на защиту прав женщин на равное с мужчинами образование со стороны многих мыслителей XVIII века вплоть до средины XIX века, двери высших и даже многих средних учебных заведений оставались плотно прикрытыми перед женщиной. С большими трудностями, преодолевая ряд тяжелых препятствий и лишений, сопровождаемые насмешками и недоброжелательством, пробивали женщины путь к самостоятельному интеллигентскому заработку через соответствующие технические и научные звания. В 40-х годах в университет Америки проникли первые деятельницы буржуазно-женского движения—Елизавета и Эмилия Блеквель. Эмилия добилась диплома первого женщины-врача. Тогда же пользуется в Америке широким признанием, как первая женщина-журналист, Маргарита Фуллер, образ которой близок современным свободным „новым женщинам". В 60-х годах в той же Америке Мэри Миччель удостоилась звания первой женщины профессора математики и астрономии. В Англии сестра знаменитого астронома Гершель, Каролина Гершель за свои научные труды по астрономии избирается в 30-х годах членом Астрономического общества. Однако, университеты остаются все еще закрытыми для женщин, и первая женщина врач в Англии Елизавета Гаррер изучила медицину в Швейцарии; и лишь в конце XIX века постепенно начинают допускать женщин к высшему образованию.

В России женское буржуазное движение обозначившееся с начала 60-х годов, также проходило вначале под лозунгом „свободы образования". Лозунг этот вытекал из жизненного требования права на труд; без образования, без выучки двери интеллигентского заработка оставались закрытыми перед женщинами. Между тем как раз в 60-х годах, после освобождения крестьян и известного перелома

в политике в сторону поощрения капитализма, и начался процесс разложения дворянства. Помещики разорялись, дети их, не только сыновья, но и дочери принуждены были искать заработка. Появился новый тип женщин, ищущих, подобно мужчине, приложения своей рабочей энергии в области интеллигентских профессий. И поскольку развивающийся капитализм и усложняющийся вследствие этого государственный аппарат требовали все большего числа работников (особенно в школьном и врачебном деле), постольку государство начинало все снисходительнее смотреть на стремление женщин к высшему образованию и к занятию различных должностей. Недостаток в подготовленных работниках и растущий спрос на них со стороны быстро пустив него в России корни капитализма сильно содействовал тому, что женщины в России сравнительно легко получили доступ к интеллигентскому труду и к высшему образованию. Но, разумеется, дело не обошлось без борьбы. Косность ведь всегда мешает классу понять свои же нововырастающие интересы. Известному математику Софии Ковалевской пришлось закончить свое образование заграницей и стать в 80-х годах профессором не русского, а стокгольмского университета в Швеции. Я помню еще сама тот ореол, каким были окружены первые женщины-врачи в России, добившиеся признания своих заграничных дипломов — Надежда Суслова и Руднева.

В настоящее время, особенно после мировой войны и потрясения, оказанного на все страны русской революцией, вопрос о допущении женщин к высшему образованию разрешен почти повсеместно. Остается еще только Восток— Китай, Индия, Япония, где доступ ко всем отраслям знания, а значит и профессиям, стоит еще под знаком вопроса. Но и там, под давлением успехов капитализма и растущего спроса со стороны усложняющегося государственного аппарата, требующего непрерывно притока новых работников на поприще школьного дела, телеграфов, телефонов, контор и государственных канцелярий, женщины легче, чем в Европе и Америке, добьются права на образование и на занятие различными интеллигентскими профессиями.

К средине XIX века лозунг доступа к равному с мужчинами образованию стал превращаться в устах женщин буржуазного класса в более точный клич: „права на труд". Буржуазно-женское движение кичится тем, что оно-то и пробило путь женщинам к самостоятельному заработку, совершенно упуская из виду, что само женское движение есть результат вовлечения широких женских масс в произ-

водство. Из прошлой беседы мы с вами знаем, что лозунг этот практически и притом стихийно, под влиянием изменяющихся условий хозяйства и укрепления капитализма, осуществлялся миллионами трудящихся женщин неимущего пролетарского класса задолго до того, как буржуазные женщины выставили его на своем феминистическом стяге.

В самом деле, буржуазная женщина еще благополучно ютилась в своей домашней скорлупе, благоденствуя за счет мужа или любовника, в то время как разоренные помещиками крестьянки и гонимые голодом пролетарки, в постоянном поиске за работка, в течение XVII и XVIII веков уже практически осуществляли боевой лозунг буржуазно-женского движения второй половины XIX века: право на труд. Неимущие женщины уже тогда боролись за труд, когда самый труд считался буржуазными женщинами позором. Но путь, ведший женщину рабочего класса к производительному труду, шел вдоль иных социальных берегов. Движение работниц, поскольку оно обозначалось, как дополнительная часть общерабочего движения, избрало себе другое русло. Много томов исписано на всех языках по вопросу о женском буржуазном движении. Истории же борьбы работниц за признание за ними прав, как члена рабочего класса, как равноценных производителей в хозяйстве и вместе с тем, как носительниц здоровья и жизнеспособности будущих поколений, еще никто не написал. Данные о том, как женские пролетарские массы сначала ощупью, стихийно пробивали себе доступ в различные отрасли труда, как постепенно шло пробуждение их самосознания, как члена класса и вместе с тем, как лица, требующего особой охраны его интересов со стороны государства, как работницы боролись в рядах своего класса и как вставали на защиту специальных требований, защищающих интересы трудящейся женщины, эти данные, правда, разбросаны во всех трудах, которые рисуют историю рабочего движения и его борьбу. Но специальной, исчерпывающей книги, дающей полную картину тернистого пути, по которому работница дошла до признания ее пролетариатом своим равноправным членом,— этой книги еще не написано. Разумеется, движение женщин пролетарского класса тесно и неразрывно слито с общим рабочим движением. Оно—органическая его часть. Но мы бы повторили грубую ошибку феминисток, если бы стали отрицать, что если у рабочих и работниц одна и та же цель — коммунизм, если их связывает общность классовых задач и интересов, то вместе с тем нет известного различия в положении мужчин и женщин пролета-

риата. Надо признать, что чисто физические свойства женщины и ее социальная задача, — деторождение — остаются даже тогда, когда женщина будет во всех областях обладать одинаковыми с мужчинами правами. Но именно то, что женщина не только гражданин и трудовая единица, а еще и носитель новой жизни, это всегда будет ставить ее в несколько иные условия, чем мужчину. Этого не хотели, не могли усвоить буржуазные феминистики, но из этого должен исходить пролетариат, строящий новые и более совершенные формы жизни.

Но вернемся к вопросу о положении буржуазной женщины в капиталистически развитых странах и постараемся наметить вкратце дальнейшие этапы феминистского движения.

Мы уже указали в прошлой беседе, что капиталистический строй построен на многих противоречиях, которые он бессилен разрешить. Одним из таких противоречий является и своевременное положение женщин, даже буржуазного класса. Разумеется, еще большинство женщин буржуазного класс живет „за спиною“ мужа законными содержанками мужей; но факт налицо: с каждым годом и особенно со времени мировой войны растет число женщин буржуазного класса, которые в области интеллигентского труда ищут приложения своим рабочим силам. И пышно расцветающему крупно-капиталистическому производству с его сложным механизмом, его бесчисленными конторами, учреждениями, бюро, с его армией машинисток, бухгалтерш, конторщиц, телефонисток, телеграфисток, переводчиц и корреспонденток нужен, необходим все возрастающий приток исполнительных тружениц, если даже не более дешевых, то во всяком случае более сговорчивых, более привязанных к месту, чем мужчины.

Современная система крупно-фабричного производства уже не может обойтись без женского труда. Но с другой стороны, буржуазный строй, построенный на фундаменте незыблемой частной собственности, нуждается в семье. При росте же и распространении женского труда, при утверждении экономической самостоятельности и независимости женщины от мужчины семья теряет свою былую устойчивость, она начинает разлагаться, она распадается.

Поэтому буржуазия, в лице капиталистов, выманивает женщину из дома на производительную работу вне дома, а буржуазные законодатели противятся признать совершившийся факт и все еще утверждают, что женщина—существо зависимое, что ее интересы блюдет муж-кормилец, что жен-

щину нельзя рассматривать, как самостоятельную единицу в государстве, что она лишь „придаток“ при мужчине. И получается величайшая нелепость: — миллионы самостоятельно зарабатывающих женщин лишены фактически права защищать свои интересы в государстве, так как за ними все еще не признаны права, присущие всем остальным гражданам.

Вопрос о политической правоспособности женщин и борьба за женское избирательное право, связанное с признанием равноправности женщин и во всех других областях гражданского законодательства, уравнение прав супругов в браке, регулирование прав наследства и т. д. стало центральным пунктом буржуазно женского движения, начиная с 60-х годов XIX века. Американские женщины—деятельные участницы северо-американской гражданской войны, опять становятся первыми глашатаями этого движения. Гражданская война в Америке велась под знаменем войны за освобождение негров от рабства. Фактически это была последняя война в Америке между феодальными по своей системе хозяйства Южными штатами и капиталистическими штатами Севера. Победили последние. Америка стала крупнокапиталистической страною, где пышно расцветало рабство наемного труда, но где по закону отменено было фактическое рабство негров В этой гражданской войне женщины, как и во всех гражданских войнах, принимали живейшее участие. Новая конституция устанавливала больший демократизм в управлении страною. Естественно, что женщины в этот момент напомнили о себе. „Если негр признан свободным и независимым человеком, неужели женщина, которая способствовала отмене этого рабства, одна должна остаться неправоспособной и зависимой?“. И, однако, буржуазный парламент Америки, знаменитый „свободолюбивый и демократический“ конгресс, заседающий в Вашингтоне, не только тогда, после гражданской войны 1862—1864 г.г., не дал женщинам равноправия, но и сейчас еще в общегосударственном масштабе женщина в Соед. Штатах не пользуется избирательными правами. Правами этими женщины обладают лишь в отдельных штатах.

За Америкой следует Англия, где вокруг избирательных прав для женщин разрастается крупное женское движение. Буржуазные равноправки, добившиеся доступа к различного рода интеллигентским профессиям, весь центр движения переносят на вопрос политической правоспособности женщин. Возникает ряд женских объединений со специальной целью проводить этот вопрос. Феминистики всех нацио-

нальностей начинают действовать дружным натиском, созывая с конца XIX века международные женские съезды, бомбардируя буржуазные парламенты петициями, наводняя литературу книгами, брошюрами и воззваниями, посвященными женским избирательным правам. Когда „мирная“ тактика борьбы за женское избирательное право оказывается недействительной, феминистки переходят к воинственным методам „суффражисток“, столь прославившимся в XX веке до мировой войны. Но характерно, что феминистки всех наций и социальных группировок, выступая с официальными лозунгами политического равноправия для всех женщин, выказывают упорную склонность „согласиться и на меньшем“, т.-е. удовлетвориться цензовым избирательным правом, что фактически лишило бы пролетарок прав голоса.

Мировая война подсекает движение буржуазных феминисток. Их активность ослабевает. В нескольких странах, под давлением революционных бурь, нависших над буржуазными странами Европы после войны и великой русской рабочей революции, буржуазия идет на ряд уступок по отношению к урегулированию положения женщин: Англия, Германия и Швеция признают за женщинами давно желанное право участия государственной жизни. Проводится пересмотр брачного права и права наследования, полнее обеспечивающий интересы женщины буржуазного класса в семейно-бытовых отношениях. Дальше этого буржуазный мир не идет... Но именно осуществление ряда требований, которых с такой настойчивостью добивались феминистки, видя в них способ разрешения женского вопроса, наглядно подтверждает, что вопрос этот много глубже и сложнее, чем простое разрешение задачи формальной равноправности.

В ряде буржуазно-капиталистических стран женщины пользуются сейчас политическими правами наравне с мужчиной [1]), право на труд фактически завоевано женщинами повсюду, доступ к равному образованию открыт перед женщинами во всех странах, взаимоотношения между мужем и женой и родителями и детьми урегулированы в сторону признания больших прав за женщиной, и все же положение женщины, „женский вопрос“ не разрешен. Формальное признание за ней прав при господстве капиталистической системы производства и буржуазного строя не устраняет ее практического закрепощения в семье, ее бесправия перед

---

[1]) В Англии, Германии, Австрии, Швеции, Норвегии, Чехо-Словакии, Финляндии, Дании, не считая, разумеется, Советской России.

лицом буржуазного общества с его правами и предрассудками, ее зависимости от мужчины и, наконец, что самое главное, ее зависимости от капиталистической эксплоатации.

Буржуазно-женское движение упирается в тупик. Выход из этого тупика трудящейся женщине указывает революционно-классовое движение пролетариата.

Но ни работница, ни сам рабочий класс не могли с самого начала определить и понять, что движение рабочего класса и его конечная цель охватывает и вмещает разрешение женского вопроса. Лишь постепенно, путем долгой борьбы и тяжелого опыта нескольких десятилетий, уяснили себе работницы и рабочие, что как при современном развитии техники труд обезличивается и стирается грань между трудом рабочего и работницы, так внутри пролетарского класса нет антагонизма противоречий между интересами и стремлениями рабочих и работниц. Класс пролетарский един. Это класс, в котором нет места для борьбы полов и где, наоборот, основная цель класса включает в себя и вопрос раскрепощения женщин.

Буржуазное женское движение развивалось под лозунгом „равноправия". Первый лозунг, выброшенный работницами, был—право на труд; позднее, уже к средине XIX века, у работниц стали появляться требования: 1) доступа в профессиональные организации на разных правах с рабочими, 2) равная оплата за равный труд, 3) охрана женского труда и уже к концу XIX века 4) широкое обеспечение материнства.

Однако, все эти требования не только не противоречат интересам пролетариата, как класса, но наоборот, являются частью его классовых требований. Борьба за „честный заработок", т.-е. за право на труд означало в конце XVIII века борьбу с цехами, но эту борьбу вели не только работницы, но и вся часть неквалифицированных рабочих. Открытие работницам доступа в профессиональное движение опять-таки вполне отвечает правильно понимаемым задачам рабочего класса. Что касается равной оплаты за равный труд, то требование это легло в основу всей тарифной политики пролетариата. Однако, и это следует отметить, редко случается, что класс в первоначальный период своего формирования отчетливо сознает свои классовые интересы. Часто целый ряд его ошибок вызван его неопытностью и недальновидностью. Только в процессе борьбы и развития укрепляется и расширяется его социально-политическая дальнозоркость.

Так было с пролетариатом, когда ему пришлось решать

задачу о пределах проникновения женского труда в производство. История всей первой половины XIX века показывает нам на живых примерах Англии, Франции, Германии, позднее и других стран, вступающих на путь капитализма, что если женщинам буржуазного класса не легко удалось пробить себе путь к интеллигентским профессиям, то работниц еще менее дружелюбно встречали их же товарищи по классу в каждой новой отрасли, куда женщины проникали. Во многих отраслях производства, напр., в машиностроении, в типографском деле и в других отраслях квалифицированного труда рабочие активно противодействовали проникновению работниц в производство. Многие профессиональные союзы включали в свои уставы пункты о недопущении в этой отрасли „необученной рабочей силы женщин, понижающей заработок честного рабочего". Крепкие союзы ставили требование предпринимателям—не принимать женщин на работу. Некоторые рабочие шли еще дальше и не допускали женщин в свои союзы. Это прискорбное явление, противоречащее классовому единству, однако, имело свое основание. Все та же причина, которая затрудняла женщинам буржуазного класса доступ к интеллигентскому заработку, мешала работницам проникать во все отрасли труда—отсутствие квалификации, профессиональной подготовки к труду. В течение всего XIX века и даже и сейчас еще работницы представляют собой необученную, а, следовательно, и наиболее дешевую рабочую силу, которая может получить применение, главным образом, в областях, где труд уже механизирован. Там же, где требуется профессиональная подготовка, женщинам нет места. Поэтому, вопрос о профессиональном образовании работниц сейчас один из самых злободневных вопросов для женщин рабочего класса во всем мире.

Борясь с конкуренцией дешевого женского труда, рабочие пробовали направить свой удар в сторону законодательной регулировки женского труда. Когда в 40-х годах сначала в Англии, позднее во Франции, а затем и в других странах разлилось движение, добивавшееся законов охраны труда, в первую очередь выдвинут был вопрос о нормировке труда женщин и детей; лишь наиболее сознательная часть пролетариата понимала, что установление 10-часового рабочего дня и исключение малолетних из производства есть, классовое требование, идущее на пользу всему классу, в первую же очередь женщине и детям.

Широкая масса поддерживала это требование из совершенно других соображений, надеясь этим путем сократить конкуренцию дешевого женского и детского труда.

Не раз со стороны рабочих различных стран делались попытки ограничить женский труд исключением из производства замужних женщин. Но производительные силы обладают большим могуществом, чем воля отдельных людей и даже целых объединений. Труд женщин продолжал неуклонно возрастать. Постепенно во второй половине XIX века рабочий класс пришел к заключению, что имеется другой путь для того, чтобы обратить носительницу дешевой рабочей силы из нежелательной конкурентки на рынке труда в верного союзника в борьбе с эксплоатацией рабочего. Вместо того, чтобы закрывать женщинам доступ в союзы и исключать их из производства, рабочие, наоборот, стали прилагать все усилия для того, чтобы втянуть работниц в свои организации. В настоящее время во всех странах Европы, Америки, Австралии и отчасти Азии союзные движения рабочих насчитывают в своих рядах миллионы женщин. Недружелюбие по отношению к работнице сохраняют пока только профсоюзы Китая и отчасти Индии. Но уже в Японии работницы организованы совместно с рабочими. Однако, за тот период, когда двери профессиональных организаций оставались закрытыми перед работницами, работницы, естественно, прибегли к отдельным объединениям. Профессиональные союзы особенно привились в Англии, но встречаются также во Франции, Германии, Америке. Однако, по мере того, как движение рабочего класса принимает все более и более отчетливый, классово-революционный характер, отмирают перегородки, отделяющие работницу от рабочего; и женские профессиональные союзы вливаются в общее классовое русло.

Пролетариат научается понимать, что поскольку работница является представительницей наемного труда—она является равноправным членом всего класса наемных работников. Поскольку она к тому же будущая мать—пролетариат в интересах будущего трудового человечества обязан защитить ее интересы и специальным законодательством охранить ее труд. С тех пор, как рабочий класс сорганизовался в политическую партию и, начиная с 60—70-годов, ведет свою боевую классовую политику, работницам нет надобности выступать со своей особой программой.

Требование равной оплаты за равный труд вошло в практику жизни, требование законодательной охраны труда женщин и детей и обеспечения материнства поддерживают теперь даже самые умеренные социалистические рабочие партии. Однако, каждому ясно, что как бы далеко ни заходили все эти требования, действительного равнопра-

вия и раскрепощения женщины при капитализме быть не может. Разрешение женского вопроса осуществимо лишь при переходе к такой системе производства, в которой женщина явится признанной и полезной трудовой единицей, работающей не на семью, а на все трудовое общество.

Действительное и всестороннее раскрепощение женщины может дать только коммунизм, и вот почему наиболее сознательная часть женского пролетариата, не только в России, но и во всем мире постепенно становится на сторону коммунистических партий.

Нам остается отметить сегодня еще одно существенное обстоятельство, а именно: несмотря на то, что пролетариат, как класс, лишь постепенно приходил к сознанию, что в число его классовых задач входит и борьба за раскрепощение женщины, авангард рабочего класса, социалисты, еще с самого начала поняли эту связь. Утопические социалисты начала XIX века, Сен-Симон, Фурье и их последователи отводили определенное место женскому вопросу и его разрешению. Правда, утописты не умели определить и найти истинных корней женского бесправия, они не схватывали еще, что порабощенность женщины создалась вследствие того, что женщина перестала нести производительный труд на коллектив, поэтому разрешение женского вопроса они не связывали с обязательным трудом женщины на общество; женщина в их глазах все же остается женою или свободной любовницей, т.-е. так или иначе она лишь „подруга“ и помощница мужчины, но не самостоятельная производственная единица. Однако, заслуга утопистов в том, они выдвинули и поставили ребром вопрос о равноправности женщины не только в области труда и гражданских прав, но и в области брачного общения. Особенно смело отбрасывал Сен-Симон „двойную мораль“, это детище лицемерного буржуазного строя. Идеи равенства полов в области любви и брачных отношений, проповедь „свободы чувства“, поставленные в порядке дня утопистами, вызвали поддержку и развитие этих идей среди целого ряда вдумчивых женщин XIX века, стоявших в стороне от буржуазного женского движения, но чувствовавших, что „женский вопрос“ объемистее, глубже и многограннее, чем вопрос о праве на равное образование или о доступе к избирательным урнам. Среди защитниц прав женщины на свободу чувства двумя самыми яркими и привлекательными образами являются во Франции писательница и революционерка по духу, активная участница французской революции 1848 г. Жорж Занд — с одной стороны, с другой – первая журналистка в Америке, жившая

в то же время, Маргарита Фуллер. Не столько в своих зрелых, продуманных писаниях, сколько влиянием своей личности оставила Маргарита Фуллер неизгладимый след на разрешении и этой стороны женского вопроса.

Характерно, что тоже своего рода утопист, но утопист практический, Роберт Оуэн, положивший начало кооперативному движению в Англии, учел значение вовлечения женщин в кооперацию, и в его первом кооперативе было немало членов работниц. Вас интересует этот вопрос? В таком случае предлагаю прочесть о Роберте Оуэне у Добролюбова, а также у Сиднея и Беатрисы Вебб в их книге „Тред-юнионы".

Коммунистический манифест Маркса и Энгельса впервые бросил свет на женский вопрос, главным образом, с точки зрения проблемы семьи и брака, с научной точки зрения. Книга Энгельса „Происхождение семьи" углубила и развила брошенные в „Манифесте" положения, труд же Маркса „Капитал" показал и с другой стороны, что женский труд, его рост и его эксплоатация капиталом есть порождение крупно-капиталистической системы производства. С этого момента „женский вопрос" не только практически, но и теоретически вкрапливается в общее рабочее движение и борьбу рабочего класса за свое освобождение. Первый Интернационал в порядке дня своих практических требований выдвигает вопросы, связанные с женским трудом. Маркс самым решительным образом отбрасывает предложение правого мелко-буржуазного крыла Интернационала, выступившего за ограничение женского труда, в интересах „семьи" и ради уменьшения конкуренции на рынке труда. Зато Интернационал тогда, считая женский труд явлением неизбежным, самым решительным образом встал на защиту женщины, как матери, и потребовал широкого развития законов, охраняющих труд и здоровье женщины. Этими постановлениями I-й Интернационал сразу встал на правильную и твердую почву в решении женского вопроса, признав неизбежность и историческую необходимость женского труда, как фактора освобождения женщин, но сосчитавшись со второй социальной обязанностью женщины—материнством. В этом вопросе сказалась вся разница в отношении к женскому вопросу со стороны рабочего класса и буржуазных феминисток. Феминистки признают лишь идеал равноправности; рабочий класс учитывает, что в вопросе раскрепощения женщины есть две стороны и что голое равноправие не улучшило бы, а ухудшило бы положение женщины, отразившись и на жизненности всего трудового человечества. Равенство прав, но специальная забота государства о жен-

щине, как матери,—таков подход революционного авангарда пролетариата—коммунистов.

В 70-х годах XIX столетия появилась книга Бебеля „Женщина и социализм". Книга эта переведена на все языки мира, включая японский и китайский. Она выдержала в одной Германии более 50 изданий. Успех этой книги говорит сам за себя. Книга Бебеля — своего рода евангелие трудящихся женщин. То, что было намечено в трудах Маркса и Энгельса и из чего проистекла политика I Интернационала по отношению к трудящейся женщине, то Бебель не только точнее, яснее и популярнее выразил, но развил эти положения, подкрепив их богатым историческим материалом. Женский вопрос предстал в новом свете. Бебель ясно указал на неразрывность и единство задач рабочего класса с задачей раскрепощения женщины; из его книги также стало очевидно, где, в чем корень и причина закрепощения женщины и каким образом могло сложиться женское бесправие. Книга указала и путь к женскому освобождению—через победу рабочего класса и осуществление коммунизма. Бебель затронул все стороны женского вопроса и не боялся высмеять все лицемерие и ханжество современного буржуазного общества в вопросах половой морали и брака. После его книги вопрос о проституции предстал в совершенно ином свете, стало ясно, что и этот вопрос есть явление сплетающееся с классовой организацией общества и эксплоатацией труда капиталом. Но, быть может, самая главная заслуга Бебеля это та, что он отчетливо сформулировал двойственную задачу рабочего по отношению к вопросу женского раскрепощения: единство и слитность борьбы, единство основной и главной цели, но отчетливое признание тех особых задач класса по отношению к женщине, которые вытекают из ее функции материнства.

Движение работниц, составляя одно целое с борьбой рабочего класса в целом, все же вносит в него и свои специальные задания, обогащая и делая это движение шире и многограннее.

Книга Бебеля оставила глубокий след и помогла работницам в период II Интернационала нащупать правильный путь движения. Начиная с 90-х годов XIX столетия, движение работниц во всех странах разрастается, все теснее сливаясь с борьбою рабочего класса. Работницы становятся членами профсоюзов и социалистических партий. Они—участницы не только стачек и массовых движений, но организованных выступлений пролетариата, мировых съездов и демонстраций. Ко времени мировой войны пролетариат

насчитывает в своих рядах до миллиона организованных женщин-работниц. И, что характерно, весьма часто работницы в социалистических партиях составляли „левое крыло".

По мере того, как крепнет и развивается движение рабочего класса и борьба социалистов за утверждение и распространение своих идей, борьба, в которой принимает участие все большее число женщин, появляется и ряд женщин, выдающихся вождей социалистического движения, теоретиков и практиков.

Вам всем знакомы и дороги такие имена, как Луиза Мишель, яркий вождь Парижской коммуны, пламенный агитатор, самоотверженный борец за дело рабочего класса, Роза Люксембург, Клара Цеткин. Генриета Роланд-Хольст, Анжелика Балабанова Их большие заслуги в деле утверждения основ коммунизма всеми признаны. Их деятельность вкраплена в историю создания III Интернационала. Их мысли обогатили теорию марксизма.

Россия особенно богата смелыми, сильными женскими типами, женщинами, беспощадно порвавшими с буржуазными традициями, взглядами и решительно вступившими с начала 70-х годов в революционную борьбу.

История социалистических партий в России, начало которых совпадает с моментом оформливания рабочего класса в России, рисует целую вереницу красивых женских обликов, полных внутренней силы, самоотверженности и революционной воли. Стоит вспомнить хотя бы чарующий образ Бардиной, этой первой социалистки, ушедшей „в народ", чтобы там, в самых низах, в гуще векового бесправия и тьмы, сеять семена новой правды—социализма. За ней идут решительные сестры Субботины, стойкая Лешерн, самоотверженная Любатович. Ни тюрьма, ни ссылка, ни самая смерть не в силах сломить волю и пламенную преданность идее освобождения трудящихся у этих первых поборниц социализма.

За ними в начале 80-х годов встают образы бесстрашных террористок, вырастает сильная волевая фигура Софии Перовской, с ее смелым „мужским умом" и умением подчинить делу революции и свое женское „я", свое любящее, горячее сердце... И рядом с ней трогательный образ, замученной палачами царя, работницы Гесси Гельфман... Вера Фигнер, Волькенштейн, Вера Засулич—вереница женских имен героев-мучеников революции [1]).

---

[1]) Прочтите о них в „Подпольной России" Степняка-Кравчинского.

Группа „Освобождения Труда“, положившая начало революционному, марксистскому движению в России, основана была не одним Плехановым и Аксельродом, но и Верой Засулич. Ее научные труды и сейчас представляют вклад в марксистскую мысль.

С возникновением III Интернационала, движение работниц стало неотъемлемой составной частью организованной революционной борьбы пролетариата, что и признано было на первом же конгрессе III Интернационала в 1919 г. в особой резолюции. Чем крепче становится революционное рабочее движение, чем шире цели, которые оно себе ставит, тем полнее поглощает оно движение работниц и тем легче пролетариату в момент своей диктатуры распутать сложный узел женского вопроса, который бессилен был развязать буржуазный строй. Чем ближе к победе рабочего класса и к торжеству коммунизма, тем светлее должно становиться на душе у всех трудящихся женщин. От самих женщин теперь, от их сознательности и революционной активности зависит ускорить наступление часа своего полного раскрепощения.

Заканчивая сегодняшнюю, несколько затянувшуюся беседу, ответим себе еще раз на вопрос: возможно ли возвращение женщины в дом и семью? Независимо от того, что само домоводство отмирает и становится излишним, приходится указать и на другую основную причину, делающую совершенно невозможным исключение женщины из производства, а именно непрерывный рост производительных сил. Рост этот вызывает поглощение все большего и большего числа трудовых сил. Техника производства пока еще целиком построена на том, что каждое новое изобретение, сокращая живой труд в одной области производства, немедленно вызывает увеличение спроса на рабочую силу в другой, хотя бы в той, где данное изобретение фабрикуется. Развитие хозяйства показывает, что насыщения трудовыми силами производства еще долго не предвидится. С ростом техники растут непрерывно и потребности. Человечество еще далеко не обслужено. Оно еще по существу нищее, так как культурные завоевания все еще доступны лишь меньшинству. Пока же спрос на живую трудовую силу возрастает, будет расти и спрос на женские рабочие руки, на ее трудовую энергию. Уже сейчас труд женщины стал необходимым для народного хозяйства. Подумайте сами, какая хозяйственная катастрофа произошла бы, если бы оказалось возможным какими-либо искусственными мерами исключить из производства 70 миллионов

женщин, вовлеченных в одной только Европе и Северной Америке в круговорот народного хозяйства? Это была бы величайшая пертурбация всего мирового производства, разорение, гибель целых отраслей промышленности. За XX век труд женщин получил особенно прочное обоснование в производстве, и нет никаких оснований ожидать, что причины, вызывающие его прирост, перестанут действовать. При переходе же к диктатуре пролетариата и созданию коммунистического производства, женский труд в народном хозяйстве получит уже окончательное утверждение. Пример России это наглядно подтверждает. „Кто не трудится, тот не ест,—таков лозунг, на котором строится коммунизм. Труд становится обязанностью каждого гражданина трудовой республики. А раз это так, то естественно, что возврат женщины в семью, к прежнему бесправию, невозможен.

Положение женщины, ее права и значение в обществе определяются ее ролью в народном хозяйстве. Такова была основная мысль наших бесед. И она же приводит нас к твердо обоснованному выводу, что дни векового женского бесправия, угнетения и зависимости бесповоротно сочтены.

Коммунизм, организуя производство на новых началах всеобщего труда, разрешит попутно и женский вопрос.

Другого пути к его разрешению нет и быть не может.

Пособия для слушателей по прочитанной лекции:

1. *К. Маркс и Ф. Энгельс:* „Коммунистический манифест“.
2. *Е. Елпина:* „Третий Интернационал и работница“.
3. Сборник „Коммунистическая партия и работница“.
4. *Лили Браун:* „Женский вопрос“ (часть вторая и третья).
5. *А. Коллонтай:* „Как борются работницы за свои права?“.
6. *А. Коллонтай:* „Международные съезды работниц“.

Лекция девятая.

Женский труд военного времени.

Сегодня мы рассмотрим с вами положение женщины в период диктатуры пролетариата и убедимся на живом опыте пережитой нами великой русской революции, что действительно каждый шаг в деле строительства коммунизма ведет женщину к ее полному и всестороннему раскрепощению.

Но раньше, чем перейти к беседе о положении женщины в трудовой Советской республике, необходимо бросить хотя бы беглый взгляд на тот период, что подготовил осуществление диктатуры рабочего класса в России, а именно—на период мировой, империалистической войны.

Мировая война 1914—18 г., величайшая кровопролитная война, какую когда-либо знавало человечество; война, в которой приняли участие все крупнейшие державы Европы и Америки, потрясла в значительной мере основы буржуазно-капиталистического общества и вывела из равновесия капиталистическое производство. Миллионы рабочих были взяты от станка и брошены на поле сражения. Мастерские опустели. Но война требовала не уменьшения производства, а, наоборот, его усиления только в других отраслях промышленности. Производство резко изменило свой характер: вместо предметов потребления, индустрия всецело занялась изготовлением орудий истребления, смерти. Залогом победы каждой страны или группы воюющих держав являлся непрерывный рост военной промышленности, отраслей, приготовляющих снаряды аммуницию, пушки. Между фронтом и тылом установилась органическая неразрывная связь, предопределявшая победу. Исход боев решался не только на полях сражения, но и соревнованием национальной военной промышленности. Первым условием повышения производительности являлось наличие достаточного количества живых трудовых сил, рабочих рук. В виду того, что военная промышленность представляла собою крупно-капиталистическую отрасль производства, она могла довольствоваться привлечением и невысоко-квалифицированных рабочих рук. Вполне

естественно, что в опустевшие мастерские, откуда ушли мобилизованные рабочие, хлынул поток жен и дочерей, их сестер и матерей.

Оставшись без „кормильца“, женщины спешили запастись верным заработком. Со своей стороны, предприниматели с распростертыми объятиями встречали дешевую трудовую силу, которая, прекрасно заменяя ушедшего в окопы рабочего, вместе с тем позволяла предпринимателю с необычайной легкостью повышать свои барыши. Спрос на женские рабочие руки сразу поднялся. С начала войны и до начала демобилизации во всех странах не только задетых войной, но и нейтральных, наживавшихся за счет обслуживания мировой бойни, намечается непрерывный рост женского труда Если в воюющих странах повышение спроса на женский труд объясняется тем, что женщины в промышленности заменили собою ушедших на войну рабочих, то в нейтральных странах явление это связано было с быстрым развитием производительных сил, поглощавших растущее число трудовых единиц и, следовательно, вовлекавших в производство все наличные свободные рабочие руки, мужчин или женщин, без различия.

С момента мировой войны отношение к женскому труду резко меняется. Буржуазное общество, накануне войны утверждавшее, что место женщины у домашнего очага, теперь рассыпается в похвалах „патриотизму“ женщин, которые готовы стать „солдатами тыла“ и взвалить на себя бремя труда по обслуживанию народного хозяйства и государства. Ученые мужи, политики, юркие журналисты, всегда поющие в тон сильных мира сего, призывают женщин „выполнить свой гражданский долг“ и, пренебрегая домашними обязанностями, „кухней и детьми“, отдаться служению родине, другими словами—продавать за дешевую цену свою рабочую энергию г-дам военным промышленникам. Число работниц, занятых в производстве, начинает непрерывно возрастать. Нет отрасли, куда бы женский труд не проникал. Наибольшее распространение имел женский труд в период военного времени в металлообрабатывающей промышленности, в отрасли, приготовляющей военно-химические препараты (пороховые заводы), в военно-обмундировочных мастерских, в фабриках, приготовляющих консервы. Все эти отрасли обслуживали непосредственно фронт. Но женский труд получил распространение и в тыловых производствах, проникая в такие отрасли, куда женщинам раньше совершенно закрыт был доступ. Вспомним, как во время войны появились женщины кондуктора на трамваях и железных дорогах, жен-

щины—извозчики, швейцары, дворники, грузчики, носильщики. Женщина получила доступ к наиболее тяжелым, вредным для женского организма, работам: в горное и строительное дело. Разрослось до небывалых размеров количество женщин, занятых на службе связи—телефонах, телеграфе, почте. Самый облик и городов и служебных мест изменился; всюду замелькали озабоченные женские лица, стремящиеся с добросовестностью новоиспеченных служак и работников выполнять возложенные на них обязанности. Прирост женского труда с 1914 по 18 г. колеблется в пределах 70—400%. В металлообрабатывающей промышленности Германии это увеличение достигло 408%. Во Франции в той же отрасли оно удвоилось. В России в растущем числе отраслей количество работниц стало превышать количество рабочих. Уж на что железнодорожное дело, куда до войны женщины проникали только в канцелярии, в качестве уборщиц или стрелочниц, и то в этой отрасли народного хозяйства женщины стали составлять 35% всего персонала. Число женщин, вовлеченных в производство во Франции, выросло на миллион, в Англии—на $1^1/_2$ милл., в Германии свыше, чем на 2 милл. В общем, рост женского труда за время войны в Европе и Америке равняется приблизительно 10 миллионам.

Причина такого быстрого возрастания женского труда ясна: недостаток мужских рабочих рук, с одной стороны, дешевизна женских сил—с другой. Не только уход „кормильца“ на войну гнал женщину на заработки, но и все растущая непомерная чудовищная дороговизна. Заработка мужчины уже нехватало, чтобы прокормить семью. Женщина, не только одинокая вдова, жена солдата или сирота, но и живущая при муже, искала способа „приработать“, чтобы свести концы с концами. Заработки женщин повсеместно и во всех странах отстают от заработка мужчин. В большинстве случаев работница во время войны получала всего $^2/_3$, а нередко только $^1/_2$ заработка рабочего. Весьма часто заработок женщин был ниже прожиточного минимума. Нужда гнала женщину на фабрику, на завод, в контору, на транспорт, а предпринимательский расчет заставлял хозяев использовать женский труд без зазрения совести. Забытыми оказались все прекрасные слова о „святом назначении женщины“—о материнстве, о том, что женщины слабее мужчин, что им не подобает работать в той или другой „чисто мужской“ отрасли труда. Жажда наживы заставляла хозяев забывать о том, что существует „прекрасный пол“, с его особенностями, и стремиться лишь к одному,

как бы у этих представительниц „прекрасного пола“ выжать побольше барышей.

Фабриканты и заводчики пользовались тем, что женщина менее организована, сознательна, менее привычна отстаивать свои классовые интересы, не умеет давать хозяевам настоящий отпор и, работая на обогащение кармана частных предпринимателей, воображает, что она работает для блага „отчизны“. За одну и ту же работу, при одинаковой выработке, хозяева платили работнице вдвое меньше, чем рабочему; так, например, рабочий зарабатывал в неделю 42 марки, работница, выполнявшая подобную же работу,—всего 8 марок. При поштучной оплате заработок работниц редко превышал ⅓ заработка рабочего. Может быть, скажут некоторые, труд женщины был менее производителен, качеством хуже мужского и этим вызывалась его более низкая оплата? Ничего подобного! Сами предприниматели и их идеологи свидетельствовали во время войны, что работницы вполне заменяли рабочих и что производительность от этого нисколько не пала. Обычно производительность работниц держалась на одном уровне с производительностью рабочего. Статистика показывает, что, если в одних случах она была ниже у женщин, то в других—превышала мужскую. В некоторых странах, напр.,—в Италии, вовлечение женщин в производство вызывалось не только тем, что налицо не было достаточного количества рабочих рук (в Италии, напр., имелся тогда значительный кадр безработных рабочих), но и тем, что женщины „сговорчивее мужчин, покладистее“, иногда же являются и более приспособленными к данной работе, особенно, если она требует большей тщательности, кропотливой усидчивости и старания. Король пушечного дела в Германии, фирма Крупп, открыто признала, что „будущее—за женским трудом“. Во многих местах специально организовывали женские мастерские, где выполнялись наиболее тонкие работы, требовавшие наибольшей ловкости и гибкости пальцев. Буржуазно-техническая пресса расточает похвалы работницам, указывая, что женщин легче обучить, чем мужчин. „Работницы“, писал инженер Штерн, „много послушнее, скромнее и смекалистее рабочего“. Буржуазная печать договаривается до идеи обязательной трудовой повинности для женщин к моменту войны—род мобилизации „солдат тыла“ со специальной военно-технической подготовкой к соответствующим отраслям труда. Предпринимателям вторит хор буржуазных равноправок и социал-патриоток, с Лили Браун во главе, требовавших введения воинской повинности (в областях обслуживания

тыла) и для женщин. „Необходимо, чтобы в один и тот же час, как по мановению жезла, было мобилизовано все мужское и женское население", пишут они. Социал-патриоты Германии и Франции вполне поддерживают капиталистов в их стремлении использовать, в целях наживы, дешевую трудовую силу—женщин. Социал-патриот Франции, Альбер Тома, в своих циркулярах предлагает усилить применение женского труда. То же явление наблюдалось в России и во всех остальных странах, охваченных кровавым угаром войны.

Вовлечение женщин в круговорот народного хозяйства само по себе, разумеется, не представляло реакционного и вредного явления. Наоборот, оно укрепляло фундамент для дальнейшего раскрепощения женщин. Недопустимым являлся не женский труд, а способ его эксплоатации. Предприниматели не только извлекали выгоду из более дешевого женского труда, противопоставляя труд женщин организованному и лучше оплачиваемому труду мужчин, но еще стремились увеличить свои барыши за счет труда женщин, повышая до максимума напряжение их трудовой энергии. Во время войны все почти законы, охранявшие женский труд, подверглись „временной" отмене; ночной и сверхурочный труд стал нормой. Женщину без стеснения допускали на самые тяжелые и вредные работы... Капитализм, с его ненасытной жаждой наживы, предстал во всей своей уродливой наготе, не прикрытой даже фиговым листочком „гуманных намерений"... В Англии сверхурочный труд признан был обязательным. Рабочий день достигал 12—14 часов. Ночная работа процветала, но буржуазный мир уже лицемерно больше не вопил „о порче нравов семьи", при распространенности ночного труда. Самое преступное было—отмена и тех скромных законов, что охраняли труд работниц и что с таким трудом отвоевал рабочий класс у буржуазных правительств.

В царской России предприниматели с особенной наглостью хлопотали об отмене законов, ставивших, хотя бы и очень эластичные, границы хозяйским аппетитам. Съезд военно-промышленных комитетов в 1915 г. открыто признал желательным широкое применение женского труда, не только ввиду недостатка в мужских силах, но и вследствие „всегдашнего стремления промышленников к более дешевому женскому труду". Г-да Гучковы, Коноваловы и Рябушинские требовали скорейшей отмены „на время войны" законов, ограждающих труд детей, подростков и женщин. На многих фабриках и заводах России охотно принимались девочки 12—13 лет. По стопам русских промышленников

ши и иностранные капиталисты. Разница лишь в том, что русские Тит Титычи откровенно, без обиняков и сладких слов, признавались, что предпочитают женщин не потому, что мало мужских рабочих рук, а потому что работница „более дешевая трудовая скотинка".

Короли же промышленности в других странах окутывали свои „хозяйские расчеты" в пышные одежды патриотических фраз. Женщина-де должна проявить себя солдатом тыла. Ее долг—следовать по стопам Жанны Д'Арк и спасать отечество, если не на коне и с винтовкой в руках, то, по крайней мере, у станка, создавая барыши „хозяевам".

В производство за время войны вошла и утвердилась новая рабочая сила—женщина. Женский труд стал общественно признанной необходимостью.

Но что же выиграла от этого сама работница? Изменилось ли ее положение? Облегчилась ли участь женщины? Мы с вами твердо знаем, что положение женщины определяется ее ролью в производстве, в народном хозяйстве. Сказалась ли правильность этого утверждения на участи женщины во время мировой войны? Если мы вспомним, что при господстве капитализма в почете и чести не труд наемного рабочего, а труд „организатора", т.-е. хозяина, то нам станет ясно, что с увеличением числа наемных работниц, положение женщины в буржуазном обществе не могло измениться к лучшему. Наоборот, условия жизни трудящихся женщин за время войны стали совершенно невыносимыми. Непосильная, чрезмерная работа, не ограниченная никакими законами, влекла за собой повсеместно повышение заболеваемости женщин, увеличение женской смертности. Об этом факте ярко свидетельствуют цифры. Заболеваемость женщин, распространение туберкулеза и ряда болезней, вызванных истощением женщины, рождали известную тревогу буржуазного общества, но опьянение военными барышами заставляло буржуазию отмахиваться от столь неприятного факта. „Неизбежные издержки войны"!... Между тем, условия жизни работниц становились все невыносимее. Безмерно-длинный рабочий день, напряженность работы при повсеместно введенной „поштучной оплате", с одной стороны, непрерывно растущая дороговизна, с другой стороны, делали существование всего трудового люда с каждым днем все тяжелее, все невыносимее. При этом в быту буржуазного общества ничто не изменилось, попрежнему существовало семейное потребление, единоличное хозяйство, которое приходилось обслуживать женщине. Вернувшись с долгого,

утомительного рабочего дня, работница, конторщица, телефонистка, кондукторша спешили в „очередь", чтобы добыть провизию, запастись топливом, керосином. Всюду „хвосты"— в Лондоне, Париже, Берлине, Москве, Петрограде. „Хвосты" опоясали мир, оплели его скукой бесцельно уходящих часов. Женщины теряли здоровье, нервы их не выдерживали. Психические расстройства, душевные болезни — стали частыми явлениями. При этом систематическое недоедание—результат дороговизны. Дети рождались без кожи, слепыми, рахитиками. Умирали, не научившись отличать света от тьмы. Матери хирели. А надо всеми бесчисленными материальными страданиями и лишениями тяжелой темной тучей нависала над женщиной неотступная мука— забота о близких на фронте, леденящий душу страх за участь любимого мужа, сына, брата... Кровь и стоны на фронте. Лишения и слезы—в тылу...

Что же делал буржуазный мир, щедро расточавший в прессе свои похвалы „патриоткам" за их помощь войне? Облегчало ли, пыталось ли буржуазное общество облегчить участь трудящейся женщины в тяжелые годины мировой войны, в тот период, когда труд женщины в тылу способствовал успехам бравного дела на фронте? Если буржуазный мир отказывал женщине в признании за ней прав, то мог же он хотя бы облегчить ее долю из разумно-понятых государственных соображений. Но и этого не пытался сделать класс собственников. Никаких учреждений, облегчающих труд и условия существования женщины, снимающих с нее тяготы хозяйства, за время войны создано не было. Забота о детях сведена была к частной благотворительности... „Все—для войны, а после войны—разберемся".

Единственно, что сделали буржуазные правительства для облегчения участи женщин (и то не ради них, а в целях „поднятия настроения" у бойцов в армии), это несколько урегулировать обеспечение солдаток, установить для жен, вдов и сирот воинов денежные пособия и отдельные преимущества (напр.—бесплатность квартир). Но и то в России, напр., положение солдаток империалистской войны было из рук вон плохо. Получали они в виде денежного обеспечения гроши. В апреле 1917 г. при Временном Правительстве Керенского, когда средний прожиточный минимум равнялся сотням рублей—солдатка продолжала получать 7—9 рублей пособия в месяц.

Растущая смертность младенцев понудила буржуазные страны (Англию, Францию, Германию) признать права на пособие внебрачных матерей, но и это постановление но-

сило робкий половинчатый характер; никаких учреждений, оказывающих натуральную помощь матерям и младенцам, буржуазия не создавала, и фактически, с уходом „кормильца“ на фронт, матери с младенцем на руках оказывались в значительно худших условиях, чем до войны.

Очень естественно, что при таком положении вещей наиболее беспокойным элементом во время войны оказались женщины. Уже весною 1915 г. работницы Берлина устроили внушительную демонстрацию перед рейхстагом (германским парламентом), приветствуя Либкнехта и освистывая Шейдемана. Стихийные взрывы протеста против дороговизны и войны имели место во всех странах. В Париже женщины не раз в 1916 г. громили базары и расхищали угольные склады. В Австрии, в июне 1916 г., длился „трехдневный бунт“ измученных войною и дороговизной женщин. В Италии, при объявлении войны и начале мобилизации, женщины телами своими забаррикадировали железнодорожные пути, чтобы хоть на несколько часов задержать отправку солдат на поля смерти и ужасов... В России солдатки являлись зачинщицами апрельских беспорядков 1915 г., прокатившихся грозной волной от Петербурга через Москву в провинцию. Работницы являлись активными участницами стачек и забастовок. „Хлеба нашим детям“ — требовали измученные войной женщины, в то время, как наживавшиеся промышленники сладкогласно прославляли женский „патриотизм“ и, приглашая женщин в мастерскую, заранее потирали руки при подсчетах роста своих барышей...

Война ничего не давала женщине трудового класса, но взваливала на ее плечи непосильную тяготу. Отсюда „женские бунты“, отсюда все возрастающее в низах недовольство и ропот, который вылился наружу в России в выступлении женского пролетариата 23 февраля (8 марта), 1917 г. и положил начало великой русской революции.

Уже в начале 1915 г., как вы знаете, социалистки-интернационалистки, в противовес социал-патриоткам, собрались на международную конференцию в Берне (Швейцария), чтобы вынести протест работниц против войны и наметить дальнейшую линию поведения трудящихся женщин по отношению к мировой бойне. Это был первый международный съезд, который собрался со времени объявления войны. Решения этого съезда вам известны, также, как и две, наметившиеся тогда, политические линии: большинство стояло за осуждение войны, но без отмежевания от социал-патриотов, другая часть — меньшинство — русские

большевички, настаивали на том, чтобы вынести осуждение всем изменникам интернациональной солидарности рабочих и признать необходимым ответить на войну империалистскую—войною гражданской.

То, что первый международный съезд созван был социалистками, не простая случайность. Этот факт вытекал естественно из тяжелого, невыносимого, все ухудшавшегося положения трудящейся женщины в период мировой бойни.

Империалистская война дала громадный толчек развитию женского труда, но все условия, сопровождавшие мировую войну, не улучшили, а ухудшили положение трудящихся женщин. В выигрыше оказались лишь жены спекулянтов, военных промышленников, богачей, эти паразитки общества, балласт народного хозяйства, слой населения, который, ничего не производя, тем не менее расходует, потребляет, расточает народные богатства.

Но, несмотря на то, что война несла за собой небывалые тяготы и страдания для всего трудового населения, вызванный ею сдвиг, спешная перегруппировка отраслей промышленности, рост и укрепление гигантских предприятий высшего технического типа, в которых механизация производства достигла наивысшего совершенства и этим облегчала приток необученых рабочих рук, все это влекло за собой новое отношение к женскому труду. За время войны женский труд получил признание экономических организаций, он утвердился, он вошел в учет тех производственных ресурсов, какими обладает страна. Старой болтовне о назначении женщины быть „женою, матерью и хозяйкой“ настал конец.

Правда, в момент демобилизации и перехода промышленности на мирные рельсы в капиталистических странах явно обозначалась тенденция, стремление рассчитывать женщину. После прилива женского труда в производство, с начала войны, начал остро намечаться обратный процесс—выбрасывание женщин из промышленности. Быстро нарастала женская безработица. Отчасти факт этот объясняется тем, что 18—19 годы во всех странах, переживавших войну, страдали от острого кризиса. Демобилизация промышленности, переход от военного производства к производству мирного времени неизбежно связаны с болезненными явлениями хозяйственного распада. Разруха увеличивалась еще финансовой разоренностью всех крупных держав, их взаимной задолженностью, отсутствием сырья, обеднением широких масс населения. Кризис, переживавшийся Англией, Германией, Францией и остальными странами Европы

в 18—19 г.г. вызвал приостановку ряда отраслей промышленности. Фабрики закрывались. Рабочие рассчитывались. Огромные массы женщин оказывались лишенными привычного заработка.

Но на рост женской безработицы влиял не только острый кризис, сопутствуемый локаутами. Даже в тех отраслях народного хозяйства, которые продолжали нормально работать, и там стали увольнять женщину. Имея перед собой двух конкурентов на рынке труда: демобилизованного рабочего и работницу, предприниматель обычно склонялся в пользу первого. Казалось бы, хозяйский расчет требовал, как раз обратного: рабочий менее сговорчив, более требователен и, главное, он представляет собою более высоко оплачиваемую трудовую силу. При других обстоятельствах предприниматель, разумеется, предпочел бы более дешевую силу — женщину. Но не следует забывать, что демобилизация совершилась в атмосфере, насыщенной революционным духом. Пример русских рабочих, только что совершившаяся Октябрьская революция, тревожил рабочие массы. Демобилизованные солдаты полны были первого подъема. Винтовкой владеть они умели, смерти не боялись. Оставить этот беспокойный, озлобленный войною элемент без прочного заработка значило—подвергнуть существование самого буржуазного общества великой опасности. И промышленники рассудили: лучше отказаться от доли барыша, что давал дешевый женский труд, но зато сохранить свое господство, предотварить красный призрак... Политический расчет перевешивал расчет хозяйственный. И предприниматели в Германии, Франции, Англии, Италии стали спешно выбрасывать из мастерских достославных патриоток, недавних „героинь труда", солдаток тыла, чтобы замещать их демобилизованными солдатами.

С временным выравниванием кривой производства в буржуазно-капиталистических странах и смягчением остроты после-военного кризиса, намечается ослабление и женской безработицы. Тем не менее, проблема, т.-е. вопрос женского труда далеко не разрешен. Наоборот, на современной ступени развития мирового капиталистического хозяйства, с его высоко-развитыми формами крупно-машинного производства, проблема женского труда лишь заострилась. Разумеется, о возвращении женщины в дом не может быть и речи. Приостановленное (вернее, отведенное в боковое русло производством для фронта) развитие производительных сил неминуемо возрождается с переходом всей жизни на мирные рельсы. Увеличивающиеся потребности рождают новый

подъем в производстве буржуазно-капиталистических стран. Повышается спрос на рабочие руки, при чем капитал ищет, как всегда, наиболее дешевых рабочих сил. Следовательно, женский труд снова начинает проникать в мастерские. Но подъем промышленности в странах капиталистической системы хозяйства наталкивается на определенные преграды. Господство системы наемного труда, отчисление львиной доли барышей в карманы частных предпринимателей, отсутствие регулировки производства, точного учета трудовой силы и целесообразной ее группировки и использования, разрыв между производством и потреблением, ставит развитию производительных сил на данной ступени развития мирового хозяйства непреодолимый предел. В рамках капиталистической системы производства нет уже простора для бесконечного развития производительных сил. Капитализм достиг своего апогея, своей высшей точки. Потрясение мирового хозяйства, с одной стороны, социальная революция в России—с другой, пошатнули капиталистическую систему хозяйства, подорвали ее основы. Сейчас производительные силы в странах с капиталистическим хозяйством могут развиваться только болезненными толчками, спазматически. Кривая расцвета и падения производства, высокой и низкой промышленной коньюнктуры будет неизбежно чередоваться с небывалой быстротой; характерная для капитализма смена периодов расцвета промышленности, застоя и кризисов, будет совершаться с удвоенной, утроенной скоростью. И каждый раз падение кривой производства будет намечаться под более острым углом, каждый раз кризис будет глубже потрясать основы капиталистического хозяйства. Нет никакой надежды на то, что при господстве системы капиталистического хозяйства, развитие производительных сил может итти в дальнейшем без новых потрясений, кризисов и острых локаутов. Не говоря уже об угрозах новой войны, этого неизбежного результата далеко неизжитой империалистической политики. Каковы же перспективы женского труда на фоне спазматического восстановления капиталистического хозяйства, там, где рабочая революция не прервет активным вмешательством существование капиталистической системы производства?

Каждая новая фаза временного подъема промышленности в целом или хотя бы отдельной ее части, будет вовлекать в производство все новые и новые трудовые женские силы. Рост женского труда будет отчасти обусловливаться его дешевизной, но, главным образом, растущим

спросом процветающих отраслей промышленности на живую рабочую силу. Однако, вслед за временным подъемом производительных сил, воспоследует неминуемый застой. Начнутся локауты, сокращение рабочих рук. Исходя из чисто политических соображений, предприниматели будут стремиться сохранить в предприятиях—рабочих; в первую очередь под расчет станут подводить женщин. Они-де, мол, менее опасны в качестве „безработных"... Все эти явления присущи, вообще, капитализму, но в настоящей мировой обстановке явления эти приобретают особую силу и остроту. Каждый новый кризис влечет гораздо более глубокое потрясение всего народного хозяйства, расходится по более широким кругам, задевает более широкие слои населения. Пока существует капитализм—вопрос женского труда, составляющий органическую часть вопроса о взаимоотношениях труда и капитала, вообще, не поддается разрешению. Женщине трудового класса в буржуазно-капиталистических государствах нет основания ждать улучшения ее участи до тех пор, пока господствует власть капитала над трудом, пока частная собственность мешает целесообразной регулировке производства, обмена и потребления.

Вам должно быть ясно, товарищи, что, если в пределах капиталистического мира вопрос женского труда не поддается разрешению и регулировке, если над головой трудящихся женщин будет продолжать висеть угроза близкой и неизбежной безработицы, то, следовательно, не поддается решению и весь спутанный узел многогранного женского вопроса.

Правда, по окончании войны ряд буржуазных стран оказались вынужденными провести некоторые реформы в области положения женщины. Уступки эти, которых тщетно с бомбами в руках до войны добивались воинственные суфражистки и которые нескончаемыми петициями выклянчивали себе более мирные равноправки, сделаны были буржуазией под давлением двух факторов: русской революции, она, как живая угроза, смущала покой буржуазных правительств, с одной стороны, волной демократических стремлений, окрашивающей настроение широких масс населения после войны—с другой. Подачки, в виде реформы избирательного права, включавшие и право голоса для женщин, брошены были массам с целью угомонить расходившиеся революционные настроения, доказать рабочим, что им вовсе незачем делать „социальную революцию", чтобы добиться власти. Пекущийся об их благе Ллойд-Джордж, „папаша" Брантинг (в Швеции), Шейдеман и Носке (в Германии)—

сами предвидят и обеспечивают трудящимся, если не полноту власти, то справедливое „соучастие во власти"...

Из чисто политического расчета, но вовсе не в награду женщинам за их „патриотические заслуги" во время войны получили женщины избирательные права в Англии, Германии, Швеции, Австрии.

Однако это формальное признание равноправности женщины при господстве буржуазного строя и классовом неравенстве, фактически в жизни не изменило положения женщины. И после войны повсеместно в буржуазных странах остается прежняя неравноправность перед лицом общества и закабаленность женщины семьей.

Пересмотр гражданского права, предпринятый в некоторых странах в интересах женщины, и внесение в законы отдельных поправок, особенно в области установления более равноправных отношений супругов, лишь незначительно, поверхностно облегчает участь женщины. В основе остается прежнее неравенство и закрепощенность.

Женский вопрос для буржуазных стран далеко не изжит. Наоборот, в современной обстановке все вопросы женской жизни получают особенную настоятельность и остроту.

Как совместить профессию с семьей и браком? Как избавиться от докучливого домоводства, съедающего силы женщины, ее трудовую энергию, которую женщина могла бы с несравненно большей пользой отдать любимому, делу, служению идее, науке?

Вопросы материнства, аборта, нормального прироста населения и добровольного его сокращения, проституции и брака, производительного труда и ограждения сил и здоровья женщины, как носительницы будущего, как матери, обступают женщин плотной стеной. При капитализме—не пробить эту стену. Незыблемая частная собственность, существование единоличных хозяйств, устойчивость индивидуалистических привычек и нравов, отсутствие коллективистических форм общежитий при капитализме запутывает женский вопрос в сложный и неразрешимый социальный узел. Самые благожелательные к женщине умы бессильны его распутать, пока господствует власть капитала и индивидуалистическая система хозяйства.

Лишь восставший пролетариат сумеет не распутать, а верным ударом разрубить этот узел. Опыт русской революции, практика прожитых четырех лет в обстановке революционной трудреспублики учит нас и должен научить и весь мировой пролетариат, в первую очередь, и самих работниц, где исход.

Каковы же пути, ведущие женщину к ее не формально-внешнему, а фактическому, жизненному раскрепощению?

О путях, ведущих к этой цели, мы и поговорим с вами еще сегодня, но только после пятиминутного перерыва.

Пособия для слушателей по прочитанной лекции:

1. *З. Лилина:* „Солдаты тыла".
2. *Каплун:* „Женский труд и его охрана в Советской России.
3. *Коллонтай:* „Работница за год революции".
4. *А. Коллонтай:* „Общество и материнство".
5. *Коллонтай:* „Как борются работницы за свои права".

Лекция десятая.

Эпоха диктатуры.

А. Организация труда.

Война создала все предпосылки для раскрепощения женщины. Женский труд вошел, как составная часть производительных сил, в учет народного хозяйства. Большинство взрослых женщин в трудоспособном возрасте оказались втянутыми в общеполезную работу. И все же в пределах буржуазно-капиталистического мира раскрепощение женщины не могло совершиться.

Оставим же буржуазно-капиталистический мир с его запутанными социальными проблемами и перенесемся в совершенно новую, небывалую в истории человечества обстановку, в страну, где восставший рабочий класс, взяв власть в свои руки, провозгласил свою диктатуру.

Перед нами—революционная Россия, первая в мире советская трудовая республика. Власть в государстве в руках трудящихся, рабочих и крестьян. Буржуазия, впервые в мире, низвергнута, лишена всех прав и привилегий. Она даже не имеет права голоса в Советах; классу тунеядцев, собственников, хищников нет места в трудовой республике. Частная собственность отменена, нет торговли, нет накопления капитала в частных руках, нет эксплоатации человека человеком. Советская Республика, возглавляемая коммунистами, этим авангардом рабочего класса перестраивает жизнь до основания. Она добирается до корней буржуазно-капиталистического общества. Она ломает и рушит старое, но и создает, творит, строит новое, небывалое, смелое и великое. За каких нибудь три года революции возникают основы совершенно нового хозяйственного строя. Взамен капитализма, построенного на началах частной собственности и эксплоатации чужого труда, вырастает остов новой системы общественного производства, формируются, складываются начала коммунистического хозяйства. Земля, фабрики, рудники, транспорт—все в руках самих трудящихся, все регулируется центральным государственным аппаратом.

Еще остается наемный труд, но вся прибавочная ценность, сработанная руками трудящихся, уплывает не в карманы частных предпринимателей, а идет на покрытие общественных нужд и потребностей, на дальнейшее развитие производства, на создание нового быта, на поддержку Красной Армии,—этой неотъемлемой части революционного пролетариата в период его диктатуры. Спешно устанавливает пролетариат вехи, в лице хозяйственных аппаратов, которые должны регулировать производство и обмен, служить распределителями целесообразно-организованного потребления. Все эти невиданные по смелости мысли и мощи размаха начинания еще находятся в процессе кристаллизации, оформления. Нет ничего твердо установленного, законченного; все в процессе спешного строительства, создания, выявления, творчества. Всюду новые искания, смелые взлеты мысли, юные побеги революционной практики. Рабочий класс ищет, нащупывает и созидает основы новой формы производства, беспощадно ломает, рушит, упраздняет все пренопы, пережитки буржуазного строя, ставившие предел развитию производительных сил. Основная задача нового хозяйственного строительства: раскрыть широкий простор для неограниченных успехов дальнейшего воспроизводства.

Работа трудная, сложная, ответственная. Мир еще не видал подобного напряжения сил и единства воли у столь огромного по численности коллектива. Трещат и рушатся устои капитализма, низвергнут священный принцип частной собственности, растерявшаяся буржуазия бежит за рубеж, чтобы оттуда со штыком нападать на восставшего непокорного раба... Атмосфера насыщена борьбою, жаркими схватками на фронте и, в тылу двух враждебных миров, озлобленными выкриками власти прошлого, боевым призывом молодых голосов созидающего будущего...

Мир—в смятении. Красный призрак витает над землей. Жизнь окрашена в пурпуровый цвет, зловещий для одних, ласковый, как утренняя заря, для других...

Характерной чертой новой, созидающейся в пределах Советской России, системы хозяйства является регулировка производства и потребления из государственного центра. Все богатства народа, мертвый капитал взят на учет; на учете каждый член республики, как потребитель и как живая рабочая сила. Для анархии производства, конкуренции, кризисов и безработицы нет места. И в самом деле, мы видим, как безработица постепенно исчезает, и как на третий год революции ощущается не переполнение рынка свободными рабочими руками, а недостаток в живой трудовой силе.

Уничтожение частной собственности влечет за собой и упразднение класса тунеядцев, того слоя, который только потреблял, ничего не созидая и не прибавляя своим трудом ценностей в общую сокровищницу народных богатств. „Кто не трудится—тот не ест“,—таков девиз Советской Трудовой России.

Спекулянтов, лиц живущих не на трудовой доход, трудовых дезертиров преследует Ч. К. и закон Советской Республики. Государство требует высшего напряжения трудовой энергии всего своего населения, чтобы удовлетворить даже минимальные его нужды, чтобы справиться с разрушенной войной и неумелым хозяйничаньем царских чиновников промышленностью, чтобы обслуживать Красную Армию, защитницу революции.

В этом ново-формирующемся мире труда—нет места для женщин-паразиток, для благополучных содержанок своих мужей и любовников, для профессиональных проституток. „Кто не трудится—тот не ест“. Потребление, по крайней мере в городах, совершается по строгому учету; паек же получает лишь тот, кто сам трудится. На жену, на „милую“, на взрослую дочку пайка не получишь. Новая политика и новые хозяйственные отношения в области потребления создают и новые взаимоотношения между полами. Женщина, силой вещей, перестает смотреть из рук мужа-кормильца, она заботится о том, чтобы обеспечить за собой какое-либо занятие, работу, службу, чтобы получить трудовую книжку, а с ней и желанную продовольственную карточку. И муж уже не чувствует себя „господином“ в семье, хозяином, главою. Какой там глава, если у жены есть своя продовольственная карточка, да еще на ее карточку (на карточку матери) вписаны дети!

Женщина перестает зависеть от частного предпринимателя, от мужа-кормильца. В Советской Трудовой России есть только один хозяин, от которого одинаково зависят и рабочий и работница; это—Советская Трудовая Республика. Женский труд, соучастие женщин в строительстве Советской России, приобретает то значение в общем учете народного хозяйства, какое он не может иметь ни в одном буржуазно-капиталистическом государстве, где весь уклад жизни построен на неравноправности и подчинении женщины и где народное хозяйство покоится на распыленных частных хозяйствах производственного или потребительского типа.

Введение в с е о б щ е й т р у д о в о й п о в и н н о с т и, распространяющейся в одинаковой мере на взрослое трудо-

способное мужское и женское население, внесло небывалый переворот в судьбу женщины, явилось величайшим актом революции. По своему влиянию на дальнейшие судьбы женщины и на коренное изменение ее положения в государстве, семье и обществе трудповинность сыграла роль, далеко оставляющую позади признание политической и гражданской равноправности женщин, провозглашенной Октябрьской революцией. Утверждение за женским трудовым населением России, за работницами и крестьянками права выборности в советы и все остальные выборные органы, так же, как и урегулирование семейно-брачных отношений декретами от 18 и 19 декабря 1917 г., в духе равноправности брачной пары, устанавливали лишь формальное равенство женщин перед законом. Практически, в жизни, на деле женщина оставалась подчиненной, зависимой и неравноправной, поскольку над ней продолжали тяготеть пережитки буржуазного прошлого, весь уклад жизни, быт, нравы, воззрения и привычки. Всеобщая трудовая повинность в корне изменяет роль женщины в народном хозяйстве, делает женщину признанной трудовой единицей, несущей долю полного и полезного труда на коллектив.

Дальнейшее следствие — постепенное утверждение равноправности за женщиной и во всех других областях — проистекает отсюда само собой. Мы уже твердо знаем с вами, что положение женщины в обществе, в государстве, так же, как взаимоотношения полов, определяются ролью женщины в народном хозяйстве. Надо лишь ясно уяснить себе ту великую революционную роль, какую всеобщая трудовая повинность играет в деле раскрепощения женщины.

Система производства в Советской России покоится на трех основах: 1) на точном учете и целесообразном использовании всех наличных трудовых сил, включая женщин; 2) на переходе от индивидуальных хозяйств и частно-семейного потребления к планомерно-объединяемому общественному хозяйству и коллективному потреблению; 3) на проведении единого хозяйственного плана. Затяжная война, сначала империалистическая, затем гражданская в корне подорвала хозяйство России, разрушила транспорт, замедлила, приостановила развитие техники. Добыча богатств пала. Перед трудовой Россией во всей остроте стоит задача восстановления хозяйства, поднятия производительных сил. Капиталистические страны переживают также период разложения и упадка хозяйства. Крах всей капиталистической системы хозяйства в мировом масштабе неизбежен. Но в то

время как в буржуазных странах капиталисты и финансисты мечутся в поисках паллиативных, т.-е. половинчатых мер восстановления производства, стиснутые рамками всей капиталистической системы хозяйства, и от этого неизбежно после краткого подъема промышленности наступает быстрое ее падение, кризис, застой,—пролетариат России в корне разрешил задачу дальнейшего роста производительных сил. Он понял, что спасти хозяйство от полного упадка и разложения, ввергающего человечество в состояние варварства, возможно лишь переходом к новым формам производства. И Советская Россия эти формы производства налаживает и строит. Пока рабочему классу приходится опираться на технику, унаследованную от капиталистического хозяйства, и пока при мировой разрухе нет возможности быстрым темпом двинуть вперед ее развитие, связанное с расцветом физических и химических наук, борьба за поднятие производительности сил в России может вестись, главным образом, путем организации живых трудовых сил.

Сейчас в Советской России задача воссоздания хозяйства и спешного поднятия производства выдвигает на первый план вопрос о поднятии производительности труда каждого рабочего и каждой работницы. Между тем быт наш еще далеко не преобразован, в своем большинстве рабочий класс, значит и работница, продолжает жить в обстановке, унаследованной от буржуазного мира. Трудовая энергия работниц идет не целиком на создание новых благ, новых ценностей, а растрачивается непроизводительно на единоличное хозяйство, на обслуживание семьи. Лишь часть своей трудовой энергии работница отдает процессу труда в мастерской, и потому работа ее носит во многих случаях характер менее доброкачественный и менее квалифицированный. На квалификацию труда у ней нет досуга. Естественно также, что чем больше женщины расходуют свои силы на работу, лежащую вне производства, тем ниже качество ее работы в мастерской. Работница мать, провозившись ночь над колыбелью младенца, принужденная все часы своего досуга вне мастерской отдавать кухне, дому, семье, будет худшим, менее внимательным, работником, чем ее муж, который пользуется сколько-нибудь нормальным отдыхом за ночь и не несет неотвязных, кропотливых обязанностей по обслуживанию семьи.

Организация быта, т.-е. постепенное, но неуклонное внедрение начал коллективизма в жизненный обиход, начиная от широко развитой сети домов-коммун и кончая яслями и

починочными мастерскими,—самый верный способ поднять производительность труда рабочих и в особенности работниц. Только тогда смогут союзы и хозяйственные органы Республики требовать всей нормы выработки от работниц, преследовать за прогулы и подвергать строгому осуждению за небрежный труд в мастерской, если вне мастерской все эти сотни тысяч, миллионы женщин-производительниц будут поставлены в условия, когда их трудовая энергия не будет расходоваться на побочные частно-хозяйственные нужды.

Это очевидно, но тем необходимее прекратить подобную нецелесообразную растрату женских трудовых сил на борьбу с житейскими заботами, и тем важнее хозяйственным органам Республики учесть тот ущерб, который этим наносится народному хозяйству.

Вопрос о поднятии производительности труда связан неразрывно не просто с вопросом увеличения живой трудовой силы, а с организацией условий жизни рабочего класса на таких началах, при которых самообслуживание индивидуальных хозяйств постепенно, но неуклонно заменялось бы более экономическими и поглощающими меньшее количество труда коллективными хозяйствами, при целесообразном использовании женских сил. Производственная политика нашей трудовой республики покоится в значительной мере на применении и использовании живой силы, в первую очередь—на поднятии числа лиц, занятых производительным трудом и на уменьшении до минимума тех, кто живет за счет республики, не внося в созданное богатство и свою ленту.

Отмена частной собственности на орудия производства в трудовой республике уже сама по себе создает благоприятную почву для поднятия производительных сил страны. Вся та часть новосозданных ценностей, которая при капитализме шла на непроизводительное единоличное потребление богачей, теперь становится достоянием народного хозяйства и идет на покрытие непосредственных нужд трудового населения или на дальнейшее воспроизводство. Этого мало, при господстве буржуазии лишь одна часть населения, городской или сельский пролетариат, была занята созданием и добыванием ценности. Другая часть, т.-е. весь имущий класс, участвовал лишь в потреблении. По мере расцвета буржуазного господства возрастало число лиц, занятых непроизводительным трудом, обслуживанием единоличных потребностей богачей, ублажением их прихотей. Штат прислуги, производителей предметов роскоши, доступной лишь богачам, кадры артистов легкого типа развлечений, шарлатанов

искусства и науки, проституток и содержанок увеличивался по мере возрастания той доли народных богатств, которую присваивали себе капиталисты, чтобы затем беспощадно и преступно расточать ее на свои собственные прихоти. Количество непроизводительного населения в буржуазно-капиталистических странах пополнялось также значительным кадром женщин, проживающих на заработок мужчины. До войны больше половины женского населения в буржуазных государствах жили при кормильце-муже или отце. Все эти явления, тесно связанные с системой капиталистического хозяйства, замедляя прирост живых единиц труда, естественно задерживают и сейчас в буржуазных странах развитие производительных сил и затрудняют в настоящий острый момент борьбу с разрухой.

Иное дело—коммунистическая система хозяйства. При коммунизме основой хозяйства является всеобщий, планомерно, т.-е. по общему плану, исходящему из центра, организованный труд, направленный не на единоличное обслуживание, а на удовлетворение общественных потребностей и нужд народного хозяйства, с помощью которого только и возможно поднять производительные силы страны и этим одержать победу над отжившей, бессильной перед мировой разрухой системой капиталистического производства.

Прежде всего учет и правильное распределение живых трудовых сил. При капитализме на рынке труда царила анархия, вызванная системой соревнования и конкуренции. В одном месте—безработица, в другом—недохват рабочих рук. В одной отрасли промышленности рабочий изнемогает от напряженного труда, чрезмерного, в другой—работа идет вяло, мало продуктивно, т. к. низкая оплата рабочих рук и без высокой техники производства обеспечивает капиталисту достаточную прибыль. Учет и правильное распределение сил пролетариата обоего пола в коммунистическом и народном хозяйстве избавляет работницу и рабочего, прежде всего, от жуткого призрака безработицы. В Советской России, фактически, безработицы уже не существует. Следовательно, от учета сил и правильного распределения в выигрыше остается рабочий класс в целом а, значит, и работницы.

Второе положение, с помощью которого Советская Республика увеличивает свои трудовые ресурсы, это—переход к коллективному потреблению. Огромное количество женских сил (в России женское население превышает мужское на несколько миллионов), которые при индивидуальном семейном потреблении растрачивались непроиз-

водительно, при организации общественного потребления сразу освобождается. Советские столовые, ясли, детские дома, дома-коммуны снимают непродуктивную работу преимущественно с женщин. Освободившись от домоводства и других семейных дел, женские рабочие руки могут быть с наибольшей пользой употреблены на общественное хозяйство. Трудовая повинность тесно и неразрывно сплетается с вопросом о коренной реформе быта, об организации условий жизни на новых, коммунистических началах.

Трудовая повинность без реформы быта—мероприятие, ведущее лишь к еще большему обременению женских сил, к окончательному ее ослаблению, к безрассудному изнашиванию ее жизни и здоровья. Поэтому-то трудовая повинность при капиталистическом строе была бы мерой наиреакционнейшей. В трудовой республике, где трудовая повинность согласуется с одновременным введением коллективного потребления и коренной реформой всего быта, она служит, наоборот, единственно прочным фундаментом, способствующим раскрепощению женщины.

Пережитки буржуазного строя еще крепко держатся в наших нравах, их питают мелкобуржуазные навыки крестьянства, этого основного населения труд-республики. Но тяжесть такого положения вещей в эпоху диктатуры прежде всего отражается на женщине. Рабочие гораздо меньше страдают от несовершенства и пережитков нашего быта, т. к. неналаженность жизни обычно сглаживается в рабочей семье усилиями жены, сестры, матери. Но до чего эта двойная затрата рабочей энергии отражается на женщине! Как она изнашивает ее силы, здоровье! Дело организации быта должно именно поэтому стать делом работниц по преимуществу. Как привычные, извечные хозяйки, с зорким хозяйским глазом и сноровкой, работницы, если только пробудить их самодеятельность в этой области и дать им соответствующий простор, сумеют проявить в деле налаживания бытовой стороны гораздо более инициативы, гораздо больше почина, чем даже рабочие. Женщина рабочего класса, пролетарка, привыкла „из ничего" создавать свое домашнее хозяйство, налаживать семейный обиход при самом минимальном запасе материальных возможностей. Если дать толчок мысли и если направить внимание работниц в русло коллективной организации быта, то эти крепко укоренившиеся в женщинах свойства смогут быть с пользой для народного хозяйства и для них самих направлены по пути преобразования уклада жизни на основах коммунизма.

Надо суметь не только заинтересовать работниц в реформе быта, не только разбудить их самодеятельность, но и настоять на включении работниц во все местные органы, работающие по улучшению быта рабочего класса.

Без коренной реформы быта всякие меры к поднятию производительности труда будут висеть в воздухе. Задача высших хозяйственных органов поэтому должна быть такова, чтобы, вырабатывая схему организации труда, так распределить труд, чтобы часть рабочих часов, определенная доля этих часов, шла на непосредственную работу по улучшению быта на данных предприятиях. Другими словами, чтобы часы, потраченные работницами или рабочими на улучшение условий жизни, на организацию коммунистического быта (устройство столовых, яслей и т. д.), засчитывались бы работнице в числе ее обязательного трудового времени. Только таким путем можно дать толчок широкой реформе быта.

Задача женотделов — совместно с производственными органами обдумать и набросать план использования женских сил в области организации быта, не перегружая при этом работницу работой сверх положенных часов и гарантируя ей и так минимальный досуг. Работа по организации коммунистического быта, это — такой же труд на народное хозяйство, как работа по непосредственному производству. Создание условий, которые повышают производительность труда, это—практическая предпосылка к развитию производительных сил, и потому-то крайне важно, чтобы в схеме организации труда были приняты во внимание те работы, которые должны сопутствовать производству, улучшая и реорганизуя быт в целях сбережения рабочей силы, и устранению факта бесполезной, непроизводительной растраты трудовой энергии женщины.

Таким образом, преобразование быта должно сопутствовать трудповинности, расширяя и углубляя мероприятия, устанавливающие принцип коллективного потребления. При таких условиях, система народного хозяйства, осуществляемая при диктатуре пролетариата и построенная на участии всего населения в производительном труде, вносит в положение женщины величайшую в истории человечества ломку. В трудреспублике все совершеннолетние женщины от 16 до 40 лет обязаны отдать часть своих трудовых сил на служение государству, на восстановление производства, на борьбу с разрухой. Трудовая повинность охватывает жительницу города и деревни. Она вовлекает и крестьянку в общественно-полезный труд, извлекая ее из избы. Крестьянка,

наравне с крестьянином, обязана выполнять трудовую повинность, ее привлекают на заготовку дров, расчистку железнодорожного пути, починку дорог, древонасаждение, пошивку белья для армии и т. д. Как ни тяжело ложится эта повинность сейчас на крестьянок (уклад жизни в деревне ведь остался прежний: мало яслей, нет общественного питания, все домоводство лежит на плечах крестьянки), все же вовлечение крестьянки в общественную, признанную продуктивной, работу, ставит крестьянку в новые условия, она становится на ином счету в деревне. Если уж государство берет на учет ее трудовую силу, даже тогда, когда на лицо „хозяин"—муж, следовательно „бабы" все же представляют собой полезную величину, рассуждают мужички. И прежнее беспредельное презрение „к бабе" сменяется, если не признанием и уважением, то все же некоторым сдвигом во взаимоотношениях между полами.

В городах трудповинность, распространяющаяся на всех лиц женского пола, не имеющих трудовой книжки, т.-е. не прикрепленных к какой-либо мастерской, фабрике, службе, партийной работе, выливается в форме подсобных работ в деле санитарии города, колке снега, уборке дворов и лестниц, или выгрузке дров, пошивке белья для армии, обслуживании больниц и т. д.

Всеобщая трудповинность является основным стимулом к полному социальному раскрепощению женщин. Она переворачивает всю привычную картину жизни и взаимоотношений полов. Но тем не менее, было бы близоруко воображать, что трудповинностью исчерпывается разрешение вопроса о женском труде. Нельзя забывать, что женщина не только трудовая сила в народном хозяйстве, но и мать, и носительница будущего. Эту ее вторую задачу, особенно важную в трудовом государстве, никогда не следует упускать из виду. За последний год, в значительной мере при соучастии и под влиянием женотделов нашей партии, издан был ряд постановлений, охраняющих труд и здоровье трудящейся женщины, учитывающих бытовые особенности жизни нашего переходного периода и принимающих во внимание интересы матерей и домашних хозяек. К всеобщему труду привлекаются все жители Советской России, но для женщин делается ряд исключений и разумных послаблений. К трудовой повинности привлекаются мужчины от 16 до 50, женщины лишь до 40 лет. Все больные, имеющие о том свидетельство, и все женщины, потерявшие 45% трудовой способности, трудповинности не подлежат; разумеется, не привлекаются к труду все беременные (за 8 недель до родов)

и все матери с детьми до 8-ми лет, если нет в семье лица, смотрящего за детьми. Женщины после родов, даже если ребенок умер, не привлекаются к трудовой повинности до 8-ми недель со дня родов. От обязательного труда освобождаются также женщины, обслуживающие семью из пяти человек, включая себя. К выполнению тяжелых работ совершенно не привлекаются беременные, даже в первоначальной период беременности, а также женщины, потерявшие 30% трудоспособности. По дополнительным разъяснениям Главкомтруда женщин, вообще, ставят на более легкую работу.

Наконец, от трудовой мобилизации, которая связана с переменой места жительства, освобождаются жительницы городов с детьми моложе 14 лет, крестьянки — с детьми моложе 12 лет.

Как далека такая постановка вопроса от защищаемого буржуазными феминистками голого и формального принципа равноправия полов! Равенство в правах, защита и охрана интересов женщины, насколько она является носительницей материнства — таков правильный подход к женскому труду и женскому вопросу со стороны нашей Советской Трудовой Республики.

Всеобщая трудовая повинность, дополняемая охраной сил, здоровья женщины, а следовательно, и будущих поколений, является не только основой, на которой должна быть построена новая система производства, но единственным способом коренного разрешения женского вопроса. С того момента, как в государстве власть находится в руках трудящихся и женщина вовлекается снова, силой необходимости, в общественно-полезное производство, вековой ее зависимости наступает конец.

Через диктатуру пролетариата—к полному освобождению женщины.

Пособия для слушателей по прочитанной лекции:

1. „Коммунистическая партия и организация работниц“ (сборник статей, инстр. и т. д.).

2. *К. Самойлова:* „Работницы в Российской революции“.

3. *Е. Блонина:* „Работница и организация производства“ („Коммунистка“, № 1-2).

4. *А. Коллонтай:* „Трудовая повинность и охрана женского труда“. („Коммунистка“, № 1-2).

5. *К. Самойлова:* „Трудовой фронт и работница" („Коммун." № 5).

6. Бюллетень У. О. Работниц № 4 и № 5.

7. *Ленин:* Речь на съезде работниц.

8. Трудовая повинность и задачи работниц и крестьянок

Лекция одиннадцатая.

Эпоха диктатуры.

Б. Условия труда и его охрана.

В прошлой беседе, товарищи, мы успели только рассмотреть с вами основные характерные черты новой системы производства, складывающейся в период диктатуры рабочего класса, мы отметили с вами влияние всеобщей трудповинности на раскрепощение женщин в Советской России. Сегодня мы познакомимся поближе с условиями женского труда в трудовой республике, а в дальнейшем остановимся несколько подробнее на изменении быта в связи с переходом хозяйства на путь общественного питания, социального воспитания и государственного социального обеспечения материнства.

В до-революционной России количество самостоятельно зарабатывающих женщин, будучи относительно довольно высоким (свыше 5 миллионов по последней царской переписи), относительно всей численности населения являлось сравнительно низким; оно составляло всего 8% всего женского населения России.

За время войны численность самостоятельно зарабатывающих женщин значительно возросла. Так, в 1914 г. женский труд в царской России составлял около 32% всех сил, занятых в промышленности, к январю 1914 г.— уже 40%.

В 1918 г. по переписи Советской России работницы и служащие составляли 40% всех рабочих и служащих. К концу 1921 г., по далеко не полным данным ВЦСПС, насчитывалось несколько более двух миллионов женщин, занятых в промышленности и транспорте (в эти два миллиона входят работницы, занятые в качестве наемной рабочей силы в сельском хозяйстве, но не одинокие кре-

стьянки). В шести отраслях промышленности, а следовательно и в шести профсоюзах (вы ведь знаете, что каждый работник по нашим законам состоит членом союза того производства, в котором применяется его труд) число женщин превышает число мужчин; в народном питании женщины составляют 74,5% всех работников данной отрасли народного хозяйства: затем следует швейная промышленность, где женщины составляют 74,2%, дальше табачники — 73,5%, всерабис — 71,6%, медикосантруд — 62,6%, текстильщики — 58,8%, наконец, домашние служащие (прислуга) — 53,2%. В абсолютных числах всего больше женщин занято в текстильном производстве, в медико-санитарном деле, в транспорте, в металлообрабатывающей промышленности, в швейной промышленности, среди советских служащих, у работников искусства и народного просвещения [1]).

Несмотря на то, что женский труд имеет широкое применение и подлежит государственному использованию по трудовинности, несмотря на то, что в шести отраслях работницы превышают число рабочих, а в десяти отраслях работницы составляют от $^1/_4$ до $^1/_2$ всех занятых в данном производстве рабочих рук, все же до сих пор еще участие работниц в органах управления производства, фабрично-заводских комитетах, правлениях союзов, советских экономических аппаратах—крайне незначительно.

Нравы и мышление отстают от перестраивающихся на наших глазах производственных отношений. Народное хозяйство втягивает, поглощает женский труд, нуждается в сотрудничестве женщин, чтобы поднять производство: вся система нашего хозяйства построена на том, что не должно остаться места паразитам всякого рода, в том числе содержанкам, будь то жены или проститутки. И тем не менее, так крепко въелось в умы представление о неравноценности женщин, что даже в Советской России, где женщины по закону признаны равноправными, где они участвуют во всех областях строительства жизни, где они являются активными работниками красного фронта, и тут старые предрассудки довлеют над умами...

Приведу для примера несколько характерных данных.

Процент участия женщин:

[1]) См. таблицу в конце книги.

НАЗВАНИЕ СОЮЗА.	Процент женщин среди членов союза.	Процент женщин в правлении союза.
Народное питание	73,5	30,9
Швейники	69,1	25,7
Табачники	67,8	36,6
Работн. Прос	65.2	37,7
Текстильщики	60,2	9,3
Медикосантруд	52,7	20 2
Рабис	39,3	9,2
Химики	35,6	8,6
Писчебумажники	34,3	10,1
Совработники	34.3	11,4
Печатники	33 3	9,6
Народная связь	32,5	13,2
Комхоз	22,5	8,1
Раб. землес	19,8	6,2
Пищевики	18,3	4,3
Металлисты	16,6	1,8
Деревообделочники	16,4	5,5
Транспорт	14,5	5,0
Кожевники	13,8	2,7
Строители	11,8	2,9

Вы видите, что в текстильной промышленности, и абсолютно, и относительно, высока численность работниц; тем не менее, в 38 губ. на 194 члена правления союза текстильщиков приходилось всего 10 работниц. В заводоуправлениях, особенно с переходом к единоличному управлению, женщины встречаются лишь в виде редкого исключения. В число членов правления женщины входят только лишь в отдельных групповых текстильных фабриках и швейных мастерских. Еще реже можно найти женщину членом коллегии главка или производственного центра. Такое ненормальное положение вещей заставило Женотдел ЦКРКП добиться принятия на 8-м Съезде Советов специального постановления о вовлечении работниц и крестьянок в органы хозяйственного строительства и о проведении женщин во все органы, управляющие производством. Вы помните, конечно, что это постановление прошло только под упорным натиском с нашей стороны. Не мало постановление это стоило нам с тов. Самойловой затраты энергии, терпения и упорства!..

Но чтобы выдержать научную беспристрастность, надо признать, что вина за то, что женщины еще слабо представлены в наших руководящих хозяйственных органах, лежит до известной степени и на нас самих. Женотделы свое главное внимание в первые годы революции обращали на то, чтобы вовлекать работниц в Советы и в те отрасли советского строительства, которые непосредственно влекли

за собою раскрепощение или облегчение положения женщины (отделы социального воспитания, охраны материнства, общественного питания). Сейчас, когда с осени 20 г. центр работы переносится женотделами в область производственной пропаганды и вовлечения женщин в хозяйственное строительство республики, есть все основания надеяться, что число работниц и крестьянок, активных строительниц новых форм производства, будет быстро возрастать.

Но вернемся к вопросу женского труда в Советской России. Как же обставлен труд в этой первой в мире трудовой республике, этом опытном поле, где взращиваются ростки коммунизма? Первый, основной вопрос—оплата женского труда. С тех пор как женщина, рядом с мужчиной, продает свою рабочую силу, т.-е. с самых глубин средневековья, женский труд оплачивается ниже мужского. Со средины XIX столетия кличем не только феминисток, но и сознательного, организованного пролетариата является требование: „равную плату за равный труд". При капиталистическом хозяйстве это требование не может пустить корней: если даже в какой-либо отрасли труда, благодаря организованности рабочего класса и удается отстоять и провести в жизнь данное требование, то постоянный приток новых неорганизованных трудовых сил – женщин, понижает среднюю оплату женского труда в общенациональном масштабе. В Советской России этот неразрешимый при капитализме вопрос разрублен четким ударом революции. Заработок перестает определяться по половому признаку. Его регулируют другие принципы, другие хозяйственные соображения. Во всех видах труда: промышленности, транспорте, земледелии, государственной или частной службе, оплата труда регулируется единым тарифом, разработанным соответствующим профсоюзом и утвержденным ВЦСПС. Оплата установлена по категориям труда, расценивается безличный труд, его сложность, степень квалификации, трудность, опасность и т. д. Работница получает за свой труд в зависимости от категории труда, какую она выполняет. При этом не следует забывать, что высота заработной платы перестает определяться игрой случая — подавлением спроса и предложения, или борьбою профсоюза с работодателем за более приемлемый тариф, как это имеет место в буржуазных странах, а устанавливается волей самих рабочих, через свои профессиональные органы. Тариф, принятый ВЦСПС, становится обязательным для всех предприятий данной отрасли хозяйства во всей трудовой республике.

Данные по анкете московских рабочих (1920 г.) показывают, что средний тарифный заработок несовершеннолетних работниц (до 18 лет) в целом ряде отраслей равняется заработку несовершеннолетнего рабочего или же превышает его. Так, напр.:

В отрасли производства.	Средний тарифный разряд: рабочего	работницы
Химической	6,2	7,1
Табачной	4,3	5,7
В коммун. хоз.	6,3	5,0
Медикосантруд.	2,8	3,1
Текстильной	3,7	4,1
Обществен. питания	3,5	3,2

Но если мы возьмем среднюю тарифную расценку труда рабочих и работниц, то соотношение окажется много неблагоприятнее для женщин. По той же анкете видно, что средний тарифный разряд оплаты женского труда почти вдвое ниже среднего разряда рабочих. Средний тарифный разряд химиков—10,6, у работниц химического производства — 6,8, у пищевиков — 8,9, у работниц народного питания—5, у табачников—11,7, у табачниц—8, у металлистов—9,1, у работниц этой отрасли производства всего—2.7 [1]).

Явление это объясняется тем, что и в Советской России женский труд — обычно труд неквалифицированного, не обученного работника. Поэтому, пока техническое и профессиональное образование женщин не будет поставлено в Советской России на должную высоту, ценный принцип „равная оплата за равный труд", провозглашенный и усвоенный трудовой республикой, останется лишь формальным завоеванием.

Как вы знаете, с первых же месяцев революции Советская власть стремилась перевести денежную оплату труда на натуральное довольствие. К денежной оплате добавляется не только обязательный хлебный паек (каждый гражданин или гражданка трудовой России, имеющий трудовую книжку, получает право на хлебный паек), но и квартира, керосин, топливо, прозодежда, право на бесплатный или по советскому тарифу обед и т. д.

[1]) В конце книги приложена таблица сравнительной оплаты мужского и женского труда.

Сейчас, с поворотом советской экономической политики на новые рельсы, вводится новый принцип оплаты труда, покоящийся на натурпремировании и коллективном снабжении. Я не буду останавливаться на этих разновидностях заработной платы работниц и рабочих, так как об этом вам читаются специальные лекции, отмечу лишь, что оплата натурою, проводившаяся в первые годы революции в России — один из интереснейших опытов связать живой связью производство и потребление, уничтожить тот разрыв, который создала система капиталистического производства и который сделал необходимым создание третьего фактора народного хозяйства—обмен. При дальнейшем развитии оплаты натурою обмен, торговля делается излишней, ей не остается места, она обречена на вымирание.

К сожалению, великая хозяйственная разруха России, наша бедность в связи с полной изолированностью от мирового рынка, ставит преграды продолжению начатого смелого и ценного опыта реорганизации самых основ народного хозяйства. Натурпремирование же и коллективное снабжение представляют собою форму оплаты, которая вполне умещается в рамках капиталистического хозяйства, и потому строительству новой системы производства она помощи не окажет, хотя и может способствовать временному подъему производительности труда.

Удовлетворяет ли работниц существующая у нас норма оплаты труда? Разумеется, нет. Снабжение в Советской России еще сильно хромает, пайки получаются не полностью, с опозданием, с задержками. Прозодежды не хватает, топливо, керосин растекаются по частным рукам раньше, чем попасть в органы снабжения фабрик и заводов. Постоянное вздорожание всех тех продуктов, которые приходится докупать рабочему люду на вольном рынке, ставит работницу в крайне безвыходное положение. Тяжести жизни современного момента заслоняют в глазах работниц великие завоевания революции. И все же эти завоевания на лицо. И если бы предложить рабочему люду повернуть колесо истории обратно к капитализму, едва ли бы нашлось много охотников такого возвращения из „царства строительства будущего“ во власть буржуазного прошлого.

Чтобы получить более точное представление о положении женщин при диктатуре, бросим беглый взгляд на советское законодательство по охране труда. Основное завоевание революции для взрослых рабочих обоего пола это—8-часовой рабочий день; если условия производства препятствуют установлению трех смен, общее число часов

рабочего и работницы в неделю не должно превышать 48 часов. В ряде особо-вредных производств (напр., табачном, фаянсовом, некоторых отдельных химических работ) установлен шести-и семичасовой рабочий день. Ночной труд для рабочих ограничен 7 часами, для женщин—воспрещен. Для работников умственного и конторского труда—установлен шестичасовой рабочий день.

Обеденный перерыв длится от $^1/_2$ до 2 часов. Каждый трудящийся пользуется перерывом в 42 часа еженедельно. Установлен ежегодный месячный отпуск или двухнедельный после каждых шести месяцев работы.

Дети моложе 16 лет на наемый труд не допускаются. Подростки 16—18 лет работают 6 часов.

Постановления эти, однако, на практике применялись не с особенной точностью. Нервная атмосфера гражданской войны, связанная с необходимостью напряженной работы тыла, заставляла нередко отступать на практике от установленных норм. Так, напр., месячные отпуска сведены на двухнедельные за год, введен четырехчасовой труд детей от 14 до 16 лет, ночная и сверхурочная работа имеет широкое распространение. Особым постановлением Наркомтруда от 4 октября 1919 г. ночной труд женщин разрешается, как временное явление, в отдельных отраслях хозяйства, с согласия местной комиссии по охране труда, профсоюза и трудовой инспекции. Однако, беременным и кормящим ночной труд попрежнему запрещен (закон от октября 1920 г.).

Специально по охране женского труда советское законодательство воспрещает ночную, сверхурочную и подземную работу. Практически, однако, эти постановления не соблюдались в виду недостатка в рабочих руках и необходимости при общей разрухе максимального использования всех наличных трудовых сил.

В особо-вредных производствах труд женщин воспрещен. В специальных инструкциях предписывается предоставлять „женщинам посильную работу". Имеется специальное постановление, ограничивающее передвижение и переноску тяжести женщинам (не свыше 10 ф.—4,1 килограмма).

На практике, разумеется, постановление законов, охраняющих труд рабочего и работницы, соблюдается далеко не полностью.

Осуществлению всех намеченных рабоче-крестьянской властью мероприятий мешают прежде всего общие экономические условия хозяйственной разрухи и в частности недостаток в рабочих руках. Капиталистические государства

страдают болезнью повторной безработицы, трудовая республика, наоборот, ощущает острый недостаток в рабочих силах. О безработице все эти годы не могло быть и речи в Советской России. Целесообразно поставленная охрана труда требует, чтобы мастерские обставлены были гигиенично, чтобы на предприятиях соблюдены были все правила санитарии. Но это возможно лишь тогда, когда налицо есть запасные рабочие силы и строительный материал и в запасе все технические приспособления, вытяжки, канализация, центральное отопление и т. д. Всего этого в разоренной трудовой республике нет, как нет и свободных рабочих сил. Разумеется, пока труд рабочих и работниц протекает в условиях, не допустимых с санитарной и гигиенической точки зрения, требующих глубоких изменений в интересах охраны жизни и здоровья пролетариата обоего пола, трудно добиться его интенсификации. Но если в области общей охраны труда трудовой республикой пока еще не достигнуты значительные результаты, то имеется одна область социального законодательства, которой Советская власть может по праву гордиться: это социальное обеспечение материнства и охрана младенчества.

В области обеспечения материнства Советская Россия не только на много опередила самые передовые в этом отношении страны, но и превзошла своими практическими мероприятиями самые смелые требования социалисток, выраженные на международных съездах. В основу мероприятий по охране материнства положена подробно разработанная, разбитая на пункты, резолюция первой конференции работниц в России, состоявшаяся немедленно после октябрьского переворота.

В основу обеспечения материнства в России положен новый принцип; не все без изъятия гражданки, а лишь женщины трудового класса, т.-е. лица, не эксплоатирующие чужой труд, подлежат государственному обеспечению. Все женщины, занятые физическим трудом, пользуются обеспечением государства в течение 16 недель родового периода; лица, занятые другими видами труда,— отпуском и пособием на 12 недель. Пособие равняется полному заработку с сохранением премиальных и сверхурочных, взятых в среднем. Жены рабочих, разумеется, также пользуются обеспечением государства, по расчету среднего заработка данной местности. По постановлению Наркомата труда (ноябрь, 1920 г.) лица интеллигентного труда, условия работы которых являются особенно утомительными (напр., телефонистки, телеграфистки, машинистки, врачи и т. д.) поль-

зуются 16-тинедельным отпуском в родовой период. За все время отпуска (закон ноября 1920 г.) беременные и роженицы пользуются всеми пайками, на которые они имеют право.

Кормящие грудью матери получают еще особое пособие в размере $^1/_2$ наименьшей тарифной ставки данной местности на 9 месяцев кормления. Этого мало. Каждая мать имеет право на натуральное пособие в виде предметов ухода за новорожденным. Несмотря на скудость своих запасов, Советская Россия в первую очередь обеспечивает матерей и младенцев. По закону каждая мать имеет право на получение 15 арш. мануфактуры, которые в последнее время Отдел Охраны материнства стал выдавать в готовом, пошитом виде, как детское приданое.

Кормящая мать по нашему закону может потребовать, чтобы ее перевели на работу, отстоящую не более двух верст от ее квартиры.

Вы знаете, что у нас введен единый трудовой паек, т.-е. что все запасы страны взяты на учет и распределяются по установленным нормам между всеми трудящимися. Беременные и кормящие матери выделены в особую категорию. Со второй половины беременности, и пока они кормят младенца грудью, матери получают, кроме трудового пайка, еще добавочное питание—муку, крупу, масло, сахар. На младенца выдается сверх того мыло и керосин.

При посадке в трамваи и на железные дороги, при получении пропусков, справок и т. д. беременные пользуются правом, которое приравнивает их к членам ВЦИК и которого они не имеют ни в одной стране мира—они проходят вне всякой очереди.

Расходы государства на выдачу пособий матерям исчисляются миллиардами. За 1920 год пособие матерям обошлось трудреспублике в 34 миллиарда. „На такое распределение государственных средств в деле обеспечения материнства может решиться только правящий класс, который кровно заинтересован в деле сохранения новых поколений, как будущих строителей коммунистического общества, т.-е. пролетариат“, правильно отмечает тов. Лебедева.

Охрана и обеспечение материнства—самое крупное социальное завоевание нашей революции, мероприятие, которое несомненно облегчает женщине выполнение своей природной задачи—материнства. Постановка охраны материнства—дело, которым может гордиться трудреспублика.

Таковы законы и общие условия, в которых протекает женский труд в Советской России. Подведем же итог сегодняшней нашей беседе.

Женский труд получил в Советской России прочное признание с введением всеобщей трудовинности. В индустрии женский труд играет значительную роль; на, приблизительно, 6 миллионов рабочих рук насчитывается около двух миллионов работниц, другими словами, женщины составляют $^1/_3$ всех трудовых сил, занятых в промышленности и транспорте, в наемном труде по сельскому хозяйству и на службе по многообразным советским аппаратам. В области оплаты труда в Советской России проводится принцип „равной оплаты за равный труд". Но отсутствие квалификации у большинства работниц ведет к тому, что женщины в трудовой республике, по крайней мере в первые годы революции, работают на хуже оплачиваемых категориях труда. На этот факт следует обратить серьезное внимание коммунистическим партиям и их женотделам всех капиталистических стран, чтобы уже сейчас, не дожидаясь момента социальной революции, двинуть дело профессионального образования рабочей молодежи обоего пола. В момент диктатуры от этого выиграют не только сами работницы, но и народное хозяйство трудовой республики, у которой в наличии окажется больше подготовленных рабочих рук.

Законодательство по охране труда в советской республике еще слабо развито, тем не менее советское охранительное строительство твердо придерживается принципа специальной охраны женского труда и особой защиты материнства.

Революционной мерой являлась попытка перевести оплату труда на натуральное довольствие. Сейчас эта мера прекращена, приостановлена. Тем не менее она дает возможность на живом опыте первых лет революции убедиться в осуществимости подобной меры при иных хозяйственных и политических условиях.

На этом мы пока остановимся.

Пособия к прочитанной лекции:

1. Советская власть и раскрепощение женщины (сборник декретов и постановлений РСФСР).

2. *Каплун*: „Женский труд и его охрана".

3. *В. Лебедева:* „Охрана материнства и младенчества в советской трудовой республике".

4. *А. Коллонтай:* „Производство и быт“ („Коммунистка“, № 10—11).

5. *Лернер*: „Экономическое и правовое положение работниц в России“ (Коммунистка“, № 12—13).

6. *Рязанова:* „Профдвижение и работница“ („Коммунистка“, № 8—9).

7. *Л. Троцкий*: „Наши производственные задачи“ („Коммунистка“, № 7).

Лекция двенадцатая.

Эпоха диктатуры.

В. Революция быта.

В двух предыдущих беседах мы познакомились с вами с основами той новой системы хозяйства, которую начал строить рабочий класс в России с момента взятия власти в свои руки. Одним из основных факторов этой новой складывающейся системы производства являлась трудповинность. Мы указали, что трудповинность внесла коренную ломку в положение женщины. Теперь мы рассмотрим с вами, как изменявшийся строй хозяйства, отмена частной собственности, организация хозяйства по единому хозяйственному плану, трудповинность, введение оплаты труда натурою, долженствовавший свести на нет обмен, организация потребления,—одним словом, вся совокупность новой системы производства повлияла на изменение быта, нравов, мышления, взглядов людей, как строилась новая форма народного хозяйства, закладывавшая фундамент коммунизму.

Что быт меняется на наших глазах, признает каждый, кто умеет видеть и наблюдать. За четыре года хозяйничанья рабочих подорваны самые корни векового бесправия женщин. С одной стороны, трудреспублика мобилизует женщину на производительный труд, с другой—она организует быт на новых началах, закладывающих фундамент коммунизма, воспитывает коллективистические навыки, привычки, понятия и взгляды.

Мы знаем, что одна из основ новой системы производства при рабочей диктатуре, это—организация потребления. Но регулировка потребления означает не только учет потребителей, не только равномерность распределения продуктов, но и организацию потребления на новых коммунистических началах. Начиная с весны 1918 г., повсеместно в городах трудовая республика переходит к принципу общественного питания. Советские столовые, даровые обеды для малолетних вытесняют семейное домоводство. Развитию и широкой постановке дела общественного питания мешает

наша бедность, ограниченность продуктами. Аппараты созданы, каналы, по которым из общего центра должны растекаться продукты народного питания, готовы, но нечего через них пропускать...

Страна обнищала, страна бедна продуктами. А блокада, упорно-злобная блокада империалистических держав не дает просачиваться в центральные общенародные склады товарам других стран. Тем не менее, при всей своей неудовлетворительности, при том, что наши столовые из рук вон плохи, что продуктов нет, а те, какие есть, неумело используются, общественное питание въедается в представление городского населения, как необходимый фактор бытия. В Петрограде в 1919—1920 г.г. почти 90% всего населения числится на общественном питании. В Москве свыше 60% населения приписаны к столовым; в 1920 г. 12 миллионов городского населения, включая детей, так или иначе обслуживались органами общественного питания. Само собой разумеется, что уже один этот факт влечет за собой значительное изменение в „быте", в условиях существования женщины. Кухня, закабалявшая женщину еще в значительно большей мере, чем материнство, перестает быть необходимым условием существования семьи. Правда, она играет еще значительную роль в переходный период, пока идет только разверстка вех на пути к коммунизму, пока еще не изжиты буржуазные формы общежития и не изменены в корне основы народного хозяйства. Но все же и в этот переходный период домашний очаг начинает оттесняться на второй план, он превращается лишь в подспорье, в дополнение к общественному питанию, постольку, поскольку наша бедность, разруха, голод не позволяют нам поднять советские столовые на должную высоту. Каждая работница начинает сознавать, сколько часов сберегает ей готовый советский обед и ропщет лишь на столовые за то, что обеды эти не достаточно сытны и питательны, что хочешь—не хочешь, а приходится добавлять, „приваривать". Будь общественное питание лучше, едва ли бы нашлось много любительниц стоять над плитою. Ведь, если при буржуазном строе женщина так хлопотала о том, чтобы угодить своей готовкой кормильцу-мужу, то именно потому, что муж являлся в самом деле кормильцем. В трудовом же государстве, где женщина признана самостоятельной единицей и гражданкой, едва ли найдется много любительниц возиться часами над плитою, чтобы заслужить благораспоряжение супруга. Пусть мужчины научаются ценить и любить женщину не за то, что она хорошо месит тесто, а за то, что в ней есть привлекательного, за ее личные

свойства, за ее человеческое „я"... „Отделение кухни от брака"—великая реформа, не менее важная, чем отделение церкви от государства, по крайней мере—в исторической судьбе женщины. Разумеется, что отделение это еще далеко не законченный факт, но важно уже и то, что трудовая республика, намечая на опыте линию развития своих хозяйственных форм, должна была прибегнуть к общественному питанию, как форме потребления наиболее экономичной и целесообразной, требующей наименьшей затраты живого труда, топлива и продуктов, с первых месяцев революции. Чем затруднительнее было хозяйственное положение республики, тем настоятельнее вставала необходимость организации общественного питания.

На изменение быта, а следовательно и условий существования женщины, оказывают влияние также созданные трудовой республикой новые жилищные условия. Общежития, дома коммуны для семейных и, особенно для одиноких получают широкое распространение. Ни в одной другой стране нет такого количества общежитий, как в трудовой республике. И заметьте, каждый стремится поселиться в доме-коммуне. Не из „принципа", разумеется, не из убеждения, как это делали утописты в первой половине XIX века, следуя учению Фурье, организуя нежизнеспособные, искусственные „фаланстеры", а потому, что жить в доме-коммуне много удобнее, сподручнее. Дома-коммуны всегда лучше оборудованы, чем частные квартиры; они обеспечены топливом, освещением. В них нередко имеется куб с кипятком, центральная кухня. Уборка производится профессиональными уборщицами. При некоторых домах имеется центральная прачечная, при других ясли или детский сад. Чем острее дает себя чувствовать разруха хозяйства, недостаток топлива, плохо действующие водопроводы, отсутствие керосина, тем настойчивее стремление поселиться в доме-коммуне, в общежитии. Обитателям домов-коммун завидуют все, кто живет на частных квартирах. Список кандидатов в общежития постоянно удлиняется.

Разумеется, дома-коммуны еще далеко не вытеснили частные квартиры; подавляющее большинство городского населения все еще довольствуется жизнью при условии индивидуального хозяйства и семейного домоводства. Но великий шаг вперед то, что семейное домоводство перестает быть нормой жизни. Пусть даже под давлением тяжелых хозяйственных условий стремятся семьи и одинокие люди селиться в общежитиях; важно само по себе сознание, что если даже при самых неблагоприятных условиях

дом-коммуна имеет ряд преимуществ, то естественно, что при расцвете производства, когда будет возможность поставить общежития на высоту, они будут выдерживать конкуренцию с неэкономичными, требующими большей затраты женского труда, частно-семейными хозяйствами. Сознанием преимуществ общежитий особенно проникаются женщины; вся та часть, которой приходится совмещать семью и работу. Для этих трудящихся женщин дом-коммуна—величайшее благодеяние, спасение. Силы женщины сберегаются профессиональной уборщицей, общей кухней, центральной прачечной, тем, что дом снабжен светом, топливом, кипятком. Каждая трудящаяся женщина желала бы сейчас одного—чтобы таких домов было как можно больше и чтобы они полнее исчерпывали все стороны бесплодного, съедающего силы женщины,—домоводства. Конечно, и сейчас еще есть женщины, упорно цепляющиеся за прошлое; это обычный тип „жен", для которых вся жизнь сосредоточена вокруг плиты. Эти законные содержанки своих мужей (нередко жены ответственных работников) и сейчас даже в домах-коммунах ухитряются обращать свою жизнь в служение печному горшку... Но не за ними будущее. Эти бесполезные для трудового коллектива существа обречены историей на неизбежное вымирание, по мере того, как по всему хозяйственному фронту будет утверждаться строительство коммунистического быта. Дома же коммуны, что подтверждает опыт нашей революции, не только разрешают наиболее целесообразно, с точки зрения городского хозяйства, жилищный вопрос, но бесспорно облегчают жизнь трудящихся женщин, создавая условия, при которых женщина может, в современный переходный момент, совмещать семью и профессиональную работу. С ростом числа общежитий разнообразного типа и на различные потребности и вкусы, неизбежно и естественно будет отмирать семейное домоводство; с отмиранием же индивидуального хозяйства замкнутого в рамках обособленной квартиры, ослабеют основные скрепы современной буржуазной семьи. Перестав быть потребительной единицей, семья в современном ее виде не сможет существовать... Она распадется, упразднится. Но пусть это утверждение не пугает приверженцев буржуазной семьи с ее индивидуальным хозяйством, ее эгоистически-замкнутым мирком. В переходный период от капитализма к коммунизму, в эпоху диктатуры рабочего класса идет еще ожесточенная борьба между формами общественного потребления и частно-семейными хозяйствами. До победы первого еще, к сожалению, далеко. Ускорить эту победу может

лишь сознательное отношение к данному вопросу со стороны наиболее заинтересованной части населения—трудящихся женщин.

Статистика Советской России пока еще очень бедна данными в области жилищного вопроса и его разрешения. Однако, сведения, имеющиеся по Москве, свидетельствуют, что дома-коммуны играют сейчас уже значительную роль в нашем городском хозяйстве, по крайней мере, в больших городах. Так, на 23 тысячи домов в Москве насчитывалось в 1920 г. свыше 8000 домов-коммун и общежитий, т.-е. почти 40% домов представляли собой общежития. Таким образом, с первых же лет своего существования трудовая республика, преобразовывая в корне систему производства и хозяйства, ведет к созданию условий, при которых совершается постепенное, но неуклонное раскрепощение женщины от непроизводительного домоводства.

Но сокращение непроизводительного труда женщин на домашнее хозяйство—это лишь одна сторона вопроса раскрепощения женщины. Не меньшим бременем, приковывающим ее к дому, закабаляющим в семье, являлась забота о детях и их воспитании. Это бремя Советская власть, своей коммунистической политикой в области обеспечения материнства и социального воспитания, решительно снимает с женщины, перекладывая его на социальный коллектив, на трудовое государство.

В своем искании новых форм хозяйства и быта, отвечающих интересам пролетариата, советская республика неизбежно делала ряд ошибок, не раз изменяла и выправляла свою линию. Но в области социального воспитания и охраны материнства трудреспублика сразу наметила правильный путь. И именно в этой области совершается сейчас величайшая и глубочайшая революция нравов и воззрений. Неразрешимые при буржуазном строе проблемы решаются естественно и просто в стране, где отменена частная собственность, и где политика диктуется стремлением поднять обще-народное хозяйство.

К вопросу обеспечения материнства Советская Россия подошла с точки зрения основной задачи трудреспублики: развития производительных сил страны, подъема и восстановления производства. Чтобы задачу эту осуществить, надо, во-первых, освободить возможно большее число трудовых сил от непроизводительного труда, умело использовать в целях хозяйственного воспроизводства все наличие рабочих рук; во-вторых, обеспечить трудовой респу-

блике непрерывный приток свежих работников в будущем, т.-е. обеспечить нормальный прирост населения.

Как только встать на эту точку зрения, вопрос о раскрепощении женщины от бремени материнства — разрешается сам собой. Трудовое государство устанавливает совершенно новый принцип: заботу о подрастающем поколении, о детях— это задача не часто-семейная, а общественная, государственная. Материнство подлежит охране и обеспечению не только в интересах самой женщины, но еще больше, исходя из задач народного хозяйства при переходе к трудовому строю: надо сберечь силы женщины от непроизводительной затраты на семью, чтобы разумнее использовать их для коллектива; надо охранить ее здоровье, чтобы этим самым обеспечить трудреспублике приток здоровых работников в будущем. В буржуазном государстве такая постановка проблемы материнства невозможна; этому препятствуют классовые противоречия, отсутствие единства между интересами частных хозяйств и хозяйством народным. Наоборот, в трудреспублике, где индивидуальное хозяйство растворяется в обще-народном хозяйстве и где классы распадаются, исчезают, подобное решение материнского вопроса диктуется жизнью и необходимостью. Трудовая республика подходит к женщине, прежде всего, как к трудовой силе, единице живого труда; функцию материнства она рассматривает, как весьма важную, но дополнительную, задачу, при том задачу не частно-семейную, а также социальную.

„Наша политика по охране материнства и младенчества,— справедливо говорит т. Вера Павловна Лебедева,—направляется тем, что мы всегда имеем перед глазами женщину в процессе труда".

Но чтобы дать женщине возможность участия в производительном труде, не насилуя своей природы, не порывая с материнством, нужно было сделать второй шаг: снять все заботы, связанные с материнством, с плеч женщины и передать их коллективу, признав тем самым, что воспитание детей выходит из рамок частно-семейного уклада и становится институтом социальным, частно государственным.

Материнство начинает рассматриваться под новым углом зрения; Советская власть признает материнство социальной задачей. Советская власть, исходя из этого принципа, намечает ряд мероприятий, снимающих бремя материнства с плеч женщины и перекладывающих их на государство. Забота о младенце, материальное обеспечение детей, правильная постановка социального воспитания, — все это берет

на себя Советская власть в лице подотдела Охраны Материнства и Младенчества (во главе с т. В. П. Лебедевой) и сектора социального воспитания Наркомпроса.

Снять с матерей крест материнства и оставить лишь улыбку радости, что рождает общение женщины с ее ребенком — таков принцип Советской власти в разрешении проблемы материнства. Разумеется, принцип, этот далек от осуществления. На практике мы отстаем от наших намерений. В строительстве новых форм жизни и быта, раскрепощающего трудящуюся женщину от семейных обязанностей, мы наталкиваемся все на то же постоянное препятствие — нашу бедность, разорение хозяйства. Но фундамент заложен, вехи, означающие путь, который ведет к разрешению проблемы материнства, поставлены, остается твердо и решительно следовать по намеченному пути.

Трудовая республика не ограничивается денежным обеспечением материнства и выдачей тех пособий на руки матери, о которых мы говорили с вами в прошлой беседе. Она стремится, прежде всего, изменить быт, преобразовать так условия жизни, чтобы дать полную возможность женщине совмещать и материнство и при этом сохранить младенца для республики, окружить его нужной заботой и уходом.

С первых месяцев существования диктатуры пролетариата в России, рабоче-крестьянская власть занята была тем, чтобы покрыть трудовую Россию сетью учреждений по охране материнства и социального воспитания. Мать и младенец сделались специальным предметом заботы советской политики. В бытность мою наркомом социального обеспечения в первые месяцы революции, моя первая задача была наметить тот путь, по которому должна развиваться политика трудреспублики в области охраны интересов женщины, как трудовой единицы и все же матери.

Тогда же образована была коллегия по охране материнства и приступлено к организации показательного „дворца материнства". С тех пор под руководством умелого и энергичного работника тов. Веры Павловны Лебедевой дело охраны материнства разрослось и пустило прочные корни.

Советская власть спешит на помощь трудящимся женщинам с момента их беременности. Консультации для беременных и кормящих раскинуты по всей России. В царской России насчитывались всего 6 консультаций, сейчас консультаций у нас около 200, молочных кухонь—138.

Но, разумеется, главная задача—разгрузить трудящуюся мать от непроизводительной заботы по физическому уходу за младенцем. Материнство вовсе не состоит в том, чтобы обязательно самой менять пеленки, обмывать младенца, быть прикованной к его колыбели. Социальная обязанность материнства заключается в том, чтобы, прежде всего, родить здорового и жизнеспособного младенца. Для этого трудовое общество должно поставить беременную женщину в наиболее благоприятные условия; женщина же, со своей стороны, должна соблюдать все предписания гигиены в период беременности, помня, что в эти месяцы она перестает принадлежать себе — она на службе у коллектива — она „производит“ из собственной плоти и крови новую единицу труда, нового члена трудреспублики. Вторая обязанность женщины, с точки зрения социальной задачи материнства, самой выкормить грудью младенца. Только выкормив собственной грудью младенца, имеет право женщина, член трудового коллектива, сказать, что ее социальная обязанность по отношению к младенцу выполнена. Остальные заботы о подрастающем поколении можно переложить уже на коллектив. Разумеется, инстинкт материнства силен, и ему не надо дать заглохнуть. Но почему инстинкт этот должен ограничиваться узкой любовью и заботой только о своем ребенке? Почему не дать этому ценному для трудового человечества инстинкту возможности пустить пышные всходы и дорасти до высшей своей стадии: заботы о других, таких же беспомощных, но не своих, младенцах, нежной ласки и любви к другим детям?

Лозунг, брошенный в широкие женские массы трудовой республикой: „Будь матерью не только для своего ребенка, но и для всех детей рабочих и крестьян“ — должен научить трудящихся женщин по-новому подходить к материнству. Допустимо ли, например, чтобы мать, нередко даже коммунистка, отказывала в своей груди чужому младенцу, хиреющему за недостатком молока только потому, что это не ее ребенок? Будущее человечество, коммунистическое по чувствованиям и понятиям, будет также изумляться на такой акт эгоизма и противо-социальности, как мы удивляемся, читая о том, что дикарка, нежно любящая своего малыша, с аппетитом съедала ребенка женщин чужого племени.

Или другое извращение: допустимо ли, чтобы мать лишала младенца молока из своей груди, чтобы не обременять себя заботой о ребенке? Факт налицо, число подкидышей в Советской России растет с недопустимой быстротой.

Правда, явление это вызывается тем, что проблема материнства у нас на пути к разрешению, но еще не разрешена. Сотни тысяч женщин в этот трудный переходный период изнемогают под двойным бременем—наемного труда и материнства. Нет достаточного числа яслей, детских домов, домов материнства, обеспечение денежное не поспевает за ростом цен на предметы вольного рынка, все это заставляет работницу и служащую бояться бремени материнства, заставляет матерей „подкидывать" государству младенцев. Но этот рост числа подкидышей свидетельствует также, что у женщин трудовой республики еще не окрепло сознание, что материнство не частное дело, а социальная обязанность.

Вам, работникам среди женщин, придется остановить ваше внимание на этом вопросе, вам придется разъяснить работницам, крестьянкам и служащим, каковы обязанности материнства в новой обстановке трудреспублики. Но, вместе с тем, нам придется усилить работу по развитию сети охраны материнства и социального воспитания. Чем легче будет матерям совмещать работу и материнство, тем меньше будет подкидышей.

Мы указали уже, что материнство вовсе не состоит в том, чтобы ребенок безотлучно находился при матери, чтобы именно мать отдавалось делу его физического и морального воспитания. Правильно понятая обязанность матери по отношению к ее детям, это — поставить детей в наиболее здоровую и нормальную для их роста и развития обстановку.

Посмотрите на буржуазное общество, в каком классе мы находим самых здоровых, цветущих детей? В классе обеспеченном, но ни в коем случае не среди бедноты. Чем это вызывается? Тем, что буржуазные матери целиком отдавали себя воспитанию детей? Ничего подобного. Буржуазные маменьки очень охотно перекладывали уход за детьми на наемную трудовую силу: нянек, мамок, гувернанток. Только в необеспеченных семьях матери несут сами всю тяготу материнства, но тогда, обычно, дети запускались, детей воспитывал случай и улица. В рабочем классе, и вообще среди необеспеченных слоев населения буржуазных стран, дети находятся при матерях, а гибнут как мухи; о нормальном воспитании нет и речи. Каждая мать в буржуазном обществе спешит переложить хотя бы часть заботы о ребенке на общество: посылает в детский сад, в школу, в летнюю колонию. Сознательная мать пони-

мает, что общественное воспитание даст ребенку то, чего не даст самая исключительная материнская любовь.

В обеспеченных слоях буржуазного общества, где нормальному воспитанию детей, конечно, в буржуазном духе, придается важное значение, родители сдавали детей на руки подготовленных нянь, фребеличек, врача, педагога-гигиениста. Наемные люди заменяли мать в деле физического ухода и морального воспитания ребенка; за матерями фактически оставалась одна обязанность, естественная и неотъемлемая—родить младенца.

Трудовая республика не отнимает насильно детей от матерей, как это в свое время изображали буржуазные страны, рисуя ужасы „большевистского режима", а стремится создать такие учреждения, которые дали бы не одним богатым женщинам, а и всем матерям возможность воспитывать детей в здоровой, нормальной, радостной для детей, обстановке. Вместо того чтобы заботу о ребенке мать сбрасывала на наемную няню, Советская Россия хочет, чтобы каждая мать, работница, крестьянка могла бы со спокойным сердцем итти на работу, зная, что ее ребенок находится в яслях, в детском саду, в детском доме.

В здоровой обстановке этих учреждений социального воспитания, проводимого в Советской России с младенчества и до 16 лет под руководством педагогов и врачей, под контролем матерей (обязательные дежурства матерей в яслях), дети вырастают в той обстановке, какая нужна для создания нового человека. Маленьким людям нравы, обстановка детских домов, яслей, детских садов прививает те черты и те навыки, которые нужны будут для строителей коммунизма. Человек, воспитанный в воспитательных учреждениях трудреспублики, будет значительно более приспособлен для жизни в трудовой коммуне, чем человек, детство которого прошло в замкнутой сфере эгоистических привычек семьи.

Посмотрите сами на наших малышей, которые в первые же годы революции попали в ясли и детские дома. Они не похожи на детей, которых воспитывают любвеобильные маменьки-индивидуалистки. В них крепки коллективистические навыки, они, прежде всего, люди „группового" склада мысли. Сценка из детского дома: новенькая отказывается делать то, что делает вся та группа, к которой она отнесена. Группа обступает „новенькую", доказывает, волнуется. Можно ли не итти на прогулку, когда идет „наша группа"? Можно ли не заниматься уборкой дома, когда „наша группа" дежурит? Можно ли шуметь, когда „наша

группа" занимается? Чувство собственности у них не развивается, глохнет. „У нас нет моих и твоих, у нас все—всех", деловито объясняет четырехлетний карапуз. Зато бережное отношение к „групповой" собственности—основное правило жизни ребят. И дети сами преследуют тех, кто портит „наше" добро—добро детского дома.

Но вернемся к матерям. В целях охраны женщины, как воспроизводительницы рода, трудреспублика создала „дома материнства", основывая их повсюду, где в них ощущалась острая нужда. В 1921 г. таких домов у нас насчитывалось 135. Дома материнства дают возможность не только одинокой женщине найти приют в наиболее серьезный период ее жизни, но и позволяют семейным женщинам временно, в последние месяцы беременности и первые месяцы жизни младенца, оторваться от дома, от семьи с ее неизбежными мелкими заботами и всецело отдаться восстановлению своих сил и наблюдению за ребенком в первые, наиболее ответственные, недели его жизни. Позднее глаз матери уже не важен, но в первые недели между матерью и младенцем существует еще как бы физиологическая связь, в этот период нецелесообразно отдаление матери от младенца.

Вы знаете сами, товарищи, как охотно работницы и даже жены наших ответственных работников идут в дома материнства; здесь они находят нежный уход и покой. Нам не приходится агитировать за то, чтобы женщина шла в „дом матери". Вся наша беда, наше горе, что материальные запасы России, наша бедность, разруха мешает нам, вместо 135 домов, покрыть всю трудовую Россию такими „спасательными станциями" для трудящейся женщины, для работницы и крестьянки. К сожалению, по волостям у нас еще совершенно нет домов материнства и, вообще, мы до сих пор меньше всего пришли на помощь матерям-крестьянкам. Все, что сделано для них, это—организация летних яслей. Этим облегчается крестьянке-матери несение полевых работ без ущерба для младенца. За 1921 г. открыто 689 на 32.180 младенцев.

Для матерей-работниц и служащих имеются ясли при предприятиях, при учреждениях и просто районные, городские. О том, что ясли представляют громадное облегчение для трудящихся женщин, говорить не приходится. Горе наше в том, что ясель у нас недостаточно, что мы не удовлетворяем и десятой доли спроса матерей на подобные воспомогательные учреждения.

Вслед за яслями, домами младенцев, где растут сироты и подкидыши до трех лет, в сеть социального воспи-

тания, разгружающего матерей от непосильной заботы о детях, входят: детские сады для детей от 3—7 лет, детские очаги для детей школьного возраста, детские клубы и, наконец, детские дома коммуны и детские трудовые колонии. В сеть социального воспитания, перекладывающего заботу о детях с родителей на государство, входит также бесплатное детское питание для школьников и до-школьников, душой которого являлась тов. Вера Величкина (Бонч-Бруевич), погибшая на своем революционном посту. Эта мера, как вы знаете, много помогла нам в тяжелые годы острой гражданской войны и спасла не мало детей пролетариата от гибели и истощения. Забота государства о детях дополняется еще обеспечением детей бесплатным молоком, выдачей добавочного питания младенцам, снабжением одеждой и обувью наиболее нуждающихся.

Разумеется, все эти начинания далеки от совершенства; практически мы охватили до сих пор слишком узкий круг населения. Но наш главный недостаток не в том, что в деле разгрузки брачной пары от всей тяготы по воспитанию детей мы наметили неправильный путь, а в том, что мы не в состоянии, вследствие обнищания России, выполнить все то, что намечено Советской властью. Линия, взятая трудовой республикой в деле разрешения вопроса материнства,—правильна. Но состояние наших ресурсов мешает ее осуществлению. Пока все это лишь скромные по размерам опыты. И все же они уже дали свои результаты. И все же эти мероприятия революционизировали семейный быт и внесли коренное изменение во взаимоотношениях между полами. Но об этом—в следующей беседе.

Итак, задача Советской власти заключается в том, чтобы поставить женщину в такие условия, когда бы ее труд уходил не на непроизводительную работу по дому и уходу за детьми, а шел бы на создание новых благ на государство, на трудовой коллектив. Одновременно, важно было охранить интересы женщины и жизнь младенцев, дав возможность женщине совместить труд и материнство. Советская власть пытается создать такие условия жизни, при которых женщина не будет цепляться за опостылевшего мужа только потому, что ей некуда деваться с детьми на руках, а одинокая женщина-мать не будет бояться погибнуть сама и загубить ребенка, не зная, куда голову приклонить. Не филантропы, не унизительная благотворительность спешит на помощь трудящейся женщине в трудреспублике, а соратники по созданию нового общества, рабочие и крестьяне стремятся облегчить женщине бремя ма-

терииства. И женщина, несущая, наравне с мужчиной, все тяготы по воссозданию хозяйства, участвующая в гражданской войне, по праву требует от трудовой республики, чтобы в ответственнейший час ее жизни,—в момент, когда она дарит обществу нового члена, коллектив взял на себя заботу о ней и о будущем своем гражданине.

Сейчас в России 524 Отдела охраны материнства и сектора социального воспитания. И все-таки, этого недостаточно. Переходный момент диктатуры ставит женщину в особенно тяжелые условия: старое разрушено, новое еще только созидается. Нужно удвоенное внимание партии и Советской власти к проблеме материнства и способам ее разрешения. От правильного разрешения ее выиграет не только женщина, но и производство республики, ее народное хозяйство. Остается еще сказать несколько слов о вопросе, тесно связанном с проблемой материнства, а именно—об отношении Советской России к аборту. Трудовая республика законом 20-го ноября 1920 г. признала ненаказуемость аборта. Чем вызывается такое отношение к данному вопросу? Мы признаем, что Россия страдает не от перепроизводства живой трудовой силы, а, скорее, от ее недостатка. Россия—страна слабо, а не густо, населенная. Трудовые силы у нас на учете. Как же можно было признать ненаказуемость аборта? Пролетариат в своей политике не любит лицемерия и ханжества. Аборт—явление, связанное с проблемой материнства, вытекающее из необеспеченного положения женщин (мы не говорим о буржуазном классе, где аборт имеет другие причины—нежелание „дробить наследство“, нежелание у женщин, падких до беззаботной жизни, пережить муки материнства, испортить фигуру, вычеркнуть несколько месяцев из „веселого сезона“ и т. д.).

Аборт существует и процветает во всех странах, и никакими законами и карательными мерами вы его не искоренте. Всегда найдется способ обойти закон. Но „тайная помощь“ беременным лишь калечит женщину, делает ее надолго обузой для трудового государства, уменьшает количество трудовых сил. Аборт, сделанный при нормальном хирургическом вмешательстве, менее вреден и опасен. Женщина после него скорее встает на работу. И Советская власть, сознавая, что аборт прекратится только тогда, когда с одной стороны Россия будет иметь широко развитую сеть учреждений охраны материнства и социального воспитания, с другой, когда крепко укрепится в женщинах сознание, что рождение ребенка—социальная обязанность

женщины—допустила производство аборта в открытую, в здоровой клинической обстановке.

Задача трудовой России широким развитием дела охраны материнства укрепить в женщинах здоровый инстинкт материнства, сделать материнство совместимым с трудом на коллектив и этим упразднить необходимость аборта. Так подошла трудовая республика к разрешению этой проблемы, все еще стоящей перед женщинами буржуазных стран во всем своем объеме.

Женщины буржуазных государств, в тяжелой обстановке мирового разорения, бьются, изнемогая под двойным бременем — наемного труда на капитал и материнства. В трудовой же России работница и крестьянка, помогая компартии строить новые основы хозяйства, подрывает и старый быт, закабалявший женщину.

Как только женщина становится, с точки зрения народного хозяйства, необходимой трудовой единицей, находится ключ к разрешению основных, запутанных вопросов ее существования. В буржуазном обществе, где домоводство дополняет систему капиталистического хозяйства, где частная собственность создает устойчивость замкнутой формы семьи,—для трудящихся женщин не найти исхода.

Раскрепощение женщины совершается лишь с коренным преобразованием быта; быт же изменяется лишь с коренной перестройкой всего производства на новых началах коммунистического хозяйства.

На наших глазах идет, разрастаясь в глубь и в ширь, революция быта, а с ней внедряется в жизнь и практическое раскрепощение женщины.

Пособия для слушателей по прочитанной лекции:

1. „Кодекс законов об актах гражданского состояния".

2. *Н. Крупская:* „Брачное и семейное право в Советской России" („Коммунистка", № 3—4).

3. *А. Коллонтай:* „Семья и коммунистическое общество".

4. *З. Лилина:* „Социальное воспитание („Коммунистка", № 12—13).

5. *В. Дюшен:* „Проблемы социального воспитания" (*„Коммунистка" № 12—13*).

6. *К. Николаева:* „О социальном воспитании“ („Коммунистка,“ № 5).

7. *С. Свидерский:* „Продовольственная работа“ („Коммунистка“, № 6).

8. *З. Лилина:* „Роль общественного питания в жизни работниц“ („Коммунистка“, № 7).

9. *Е. Елонина:* „Условия полного освобождения работниц и крестьянок“ („Коммунистка“, № 3—4).

10. *З. Лилина:* „От коммунистической семьи к коммунистическому обществу“.

Лекция тринадцатая.

Эпоха диктатуры.

Г. Революция нравов.

В прошлой беседе с вами мы остановились, товарищи, на революции быта в эпоху диктатуры пролетариата. Разумеется, эта революция не исчерпывается лишь областью общественного питания, переходом к домам-коммунам, социальному воспитанию или охране материнства. Революция эта много глубже, сложнее, многостороннее. Она задевает почти все области нашей жизни, отражаясь с особой силой на нравах и мышлении. Когда-нибудь историки будут с интересом изучать наше красочное время, полное движения, ломки старого, искания новых форм жизни, хозяйства, новых основ взаимоотношений людей. Мы не отдаем себе отчета, как богата наша жизнь ростками будущего. Мы еще не умеем разглядеть, что на полях сражений гражданской войны, залитых слезами, кровью и обломками прошлого, упорно пробиваются свежие, крепкие, сочные, молодые побеги коммунистического будущего... Пусть их засоряет еще пыль веков, поднятая смерчем бурной схватки двух враждебных миров; пусть еще свежая кровь туманит ясность свежего побега... Побеги эти есть, они, как весенние ручейки, пробиваются сквозь толщу снега, разрыхляя скованность ледяных глыб и очищая землю для живительно-жаркой ласки весеннего солнца.

Оглянитесь кругом: разве это та же Россия, которую мы знали пять лет тому назад? Разве это те же рабочие, крестьяне, даже „обыватель“, что жили при царизме? Мысли, чувства, стремления, задачи—все стало иным, непривычным, как непривычна и нова вся обстановка Советской России.

Когда встречаешь тех, кто живет при буржуазно-капиталистическом строе, кажется, что мы забежали вперед на целые столетия и оттуда, из дали грядущих веков, оцениваем ход событий в революционно-отсталых странах. Мы знаем на опыте то, что понимают умом, но что не стало еще „куском души“ для наших братьев за рубежом буржуаз-

ных границ. Порою почти жутко от нашей „мудрости“, от того богатого опыта, что дала революция: на такую высоту подняла нас исто ия. Этот опыт удалил от нас близкое живое прошлое и приблизил будущее. Нам легче глядеть вперед, чем назад. Мы видим больше, чем видели до великого переворота, мы знаем больше, чем знают наши товарищи, те, что не пережили четырех лет борьбы и лихорадочно-спешного, опытного строительства „кратчайшего пути“ к коммунизму.

Как бы много ни было сделано ошибок, опыт нашей революции—самый смелый опыт строительства жизни, попытка организованной волей многомиллионного коллектива подчинить себе слепые силы хозяйства. Рабочая революция России открыла новую главу человеческой истории. И как бы труден и долог ни был путь к осуществлению коммунизма, во всем его расцвете, — начало сделано. И пролетариат уже с твердой верой в себя, в свою историческую роль и в свое значение в строительстве общества, будет итти неуклонно к своей конечной цели. Цель эта перестала быть лишь грезой,—протянутыми к ней руками пролетариату удалось концами пальцев своих ощупать ее реальность, ее бытие...

Сдвиг, вызванный октябрьской революцией, отразился прежде всего на мышлении, на подходе к жизни самого пролетариата. Посмотрите на рабочего: таким ли он был до революции? Тогда это был безвольный раб, либо забитый нуждою, но покорный, либо озлобленный, но бессильный. В себя он не верил. И порядки, несправедливые порядки и законы, которые его угнетали и принижали,—он считал неизменными. Если ему говорили: „стоит только миллионам пролетариев захотеть, и они станут господами жизни“,—он недоверчиво качал головой.

А теперь? Конечно, пролетариату живется голодно, конечно, он плохо одет и обут, конечно, он терпит нескончаемые лишения и несет неисчислимые жертвы. Но зато он верит в себя, в свои силы. Он уже научился великой новой истине, что жизнь, законы, быт—все изменяется, если обществом руководит другой класс. Было одно при царе, фабрикантах и помещиках, стало иное при господстве трудящихся. Рабочий чувствует себя хозяином жизни, ее творителем. Пусть творит он не всегда умело, но он творит, и в этом тяжелом учении сознательного подчинения воле коллектива законов хозяйственного развития, в этой победе воли общества над слепыми силами экономики—великая победа трудового человечества.

Возьмем работницу. Здесь сдвиг еще осязательнее. Самое характерное это то, что в широких женских массах выросло чувство общественности, сознание своей связи с коллективом, своих обязанностей по отношению к обществу, к трудовой республике. Это особенно ново в женщине, которая веками была воспитана так, чтобы знать долг только по отношению к семье. Работница или жена рабочего теперь не только твердо знает, что она полноправная гражданка, но если она не несет никаких общественных обязанностей, то она будет искать оправдания перед самой собой: дети мешают, хозяйство. И непременно укажет: слишком мало у нас детских учреждений, никуда не годны общественные столовые! Если бы все было налажено, она могла бы работать для партии, в отделе, в союзе.

Революция не только вывела женщину на простор общественной жизни из замкнутой, душной атмосферы семьи, но и с невероятной быстротой привила ей чувство связи с коллективом. Успех субботников служит этому ярким примером. Работницы, беспартийные трудящиеся женщины, жены рабочих, крестьянки—вот кто явился добровольным участником субботников. Около 150 тысяч трудящихся женщин в 16 губерниях перебывало за 1920 г. на субботниках. Это свидетельствует о росте общественности, о сознании, что только коллективными усилиями можно сладить с разрухой, эпидемиями, холодом и голодом. Субботники, т.-е. добровольный труд на коллектив, дополняют трудповинность. Труд перестает быть только необходимостью (труд раба, труд рабочего, которого подгоняет нужда), он становится общественным, социальным долгом, каким он был в седой старине, когда каждый член рода участвовал в обслуживании его. Посмотрите на эти вереницы беспартийных работниц, наших делегаток, которые бросают свои домашние дела, чтобы во время поспеть на субботник, где они будут выгружать топливо, очищать путь от снега, шить белье для красноармейцев, обшивать детей, прибирать и наводить порядок и чистоту в больницах или казармах и т. д. У многих из них есть своя семья, свое хозяйство и, значит, свои семейные дела, которые работница может выполнять в единственно свободный день в неделю. Но в ней уже родилось и живет сознание, что выгоднее запустить свое маленькое частное хозяйство, чем во-время не поспеть на помощь хозяйству народному, отдав ему свои рабочие руки для выполнения срочной, ударной общественной работы. И женщина бросает свои домашние дела недоделанными, чтобы спешить на субботник.

Вы скажете: „да, но ведь таких беспартийных работниц и крестьянок еще меньшинство"!.. Верно. Их еще мало. Но уж и то показательно, что число их растет, а не падает. Затем важно, что так поступают не только коммунисты, а и беспартийные. И, наконец, поведение этого меньшинства воспитывает широкие массы в том же духе. Вы послушайте ту работницу, что не идет на субботник; как страстно, иногда даже запальчиво она защищает свое право пренебречь добровольной общественной работой. Она вам приведет десять доводов, почему именно она имеет моральное право не участвовать в субботниках. Редко теперь встретить в городе (крестьянка—иное дело) работницу, которая просто отмахнулась бы от этого вопроса. Настолько за эти четыре года окрепло сознание связи между степенью налаженности общественного хозяйства и возможностью удовлетворить, благодаря этому, личные потребности. Нет топлива, а вагоны с дровами стоят. Надо субботник... Началась эпидемия—надо субботник по очистке города! И смотрите, рабочие своим моральным осуждением клеймят тех, кто сам не вносит лепту своего труда на общественную работу, а требует, чтобы районный совет удовлетворял их нужды. Вырабатывается новый кодекс морали, новые основы нравственности. Появляются новые понятия—дезертир труда. Буржуазное общество осуждало лентяев, нерадивого работника. Но труд в понятии буржуазии было делом частным. Хочешь—работай, хочешь—умирай с голоду, или сумей заставить других работать на себя. Последнее, „талант предпринимателя" особенно ценился, считался достойным особого уважения. Если буржуазный мир осуждал лентяя, то лишь постольку, поскольку человек работал не на себя, а на другого. Если он при этом давал не всю свою трудовую энергию полностью, он по мнению буржуазной морали, обсчитывал хозяина, понижал его барыш, а потому буржуазия клеймила леность и нерадивость, как порок. Но сынок предпринимателя или дворянчик, лишь числившийся на службе ради чинов и орденов, мог являться самым отъявленным бездельником и шелопаем—осуждению он за труд-дезертирство не подлежал. Человек волен трудиться или нет—дело его личное, частное—таков был взгляд буржуазного мира. Заметьте, даже если крестьянин, мелкий собственник, запускал свое хозяйство по нерадивости или лени, буржуазное общество не клеймило его за вред, который крестьянин наносил хозяйству общественному, а лишь презирало его за глупость—не умеет, мол, человек печься о своей собственной выгоде.

К труду в буржуазном обществе и трудреспублике отношение разное, отсюда нарождение новых нравов, которые воспитывают трудовой народ в ином духе, заставляют думать и чувствовать по иному.

Из нашего отношения к труду вытекает новое отношение к целому ряду явлений, складывается новое мерило нравственности, т.-е. правил, устанавливающих отношения людей между собой и отношение человека к коллективу. В буржуазном обществе нравственность главным образом устанавливала правила общения между людьми, отношения же к обществу лишь дополняли собой общий кодекс (совокупность всех правил) личной нравственности. Правил, устанавливающих обязанности человека к обществу, было много меньше, чем правил, регулирующих отношения людей между собою. К первым относились—защита родины, служение „царю и отечеству" и очень условное—„не убей", ко вторым—длинный список заповедей, выросших на почве защиты интересов частной собственности и частных интересов: не укради, не ленись, не отними жену у законного мужа, не обсчитай сверх меры при торговой сделке, будь бережлив и т. д.

При диктатуре пролетариата правила нравственности вытекают непосредственно из интересов коллектива. Если твой поступок не вредит коллективу, он никого не касается. Наоборот, в трудовой республике осуждается то, что при буржуазном строе—в почете. Каково, например, отношение к купцу, к торговцу в буржуазном государстве? Если в его кассовых книгах все в порядке, если он не устраивал ложного банкротства и явно не обвешивал и не надувал покупателей, купца не только не сажали в тюрьму, а, напротив, награждали почетными званиями: „купец первой гильдии", „потомственный почетный гражданин" и т. д.

Теперь, со времени революции, наше отношение к торговле и купцам изменилось в корне. „Честного купца" мы зовем спекулянтом. Мы не только не награждаем купца почетными званиями, а тащим его в чрезвычайку и сажаем в лагерь для принудительных работ. Почему это? Да потому, что мы знаем, что построить новое коммунистическое хозяйство мы можем только привлечением всех взрослых граждан к производительному труду. Кто не трудится, кто живет на чужой счет, на нетрудовой заработок, т.-е. не делает производительной работы, тот вредит коллективу, республике. Поэтому мы преследуем спекулянтов, торговцев, скупщиков,—всех, кто живет на нетрудовой доход. Мы их осуждаем.

Из изменившихся условий быта вырастают новые нравы, новые правила общежития (мораль). Конечно, в три-четыре года, даже в десятилетия не переделаешь человечества на новый лад, не сделаешь всех настоящими коммунистами. Но важно отметить, что это явление уже ясно обозначается, и можно лишь удивляться, как скоро психология, т.-е. наше мышление, приспособляется к новым условиям и начинает вырабатывать новые правила общения между людьми.

Но всего заметнее революция в области отношения между полами. Уже мировая война, не только в России, но и во всех воюющих странах пошатнула устойчивость буржуазной семьи. Во-первых, ростом женского труда, что создавало экономическую независимость женщин, во-вторых — увеличением числа внебрачных рождений. Перед лицом смерти блекли все предписания буржуазной морали. Любящая пара сходилась, не считаясь с предписаниями церкви и буржуазных предрассудков. Увеличение числа внебрачных детей стало таким общераспространенным явлением, что, как я уже вам сообщала в одной из наших бесед, буржуазным правительствам пришлось признать за внебрачными матерями одинаковые с законными женами права на пособия в качестве солдатки.

В Советской России, где уже в первые месяцы революции отменен был церковный брак и уничтожено различие между законобрачными и внебрачными детьми (декрет от 18 и 19 декабря 1917 г.), и где трудовинностью утверждалось признание женщины, как единицы труда перед лицом народного хозяйства, брак естественно стал утрачивать свое былое назначение. В буржуазном обществе брак, это — обоюдная сделка мужчины и женщины, договор, скрепленный свидетелями, на который для крепости и ненарушимости накладывается еще божественная печать. Мужчина берет женщину на свое иждивение, обязывается ее кормить и содержать, но зато она со своей стороны берет на себя обязанность беречь и стеречь его добро, обслуживать его самого (лично или организуя домоводство с помощью наемных слуг) и его отпрысков, наследников имущества, хранить ему безупречною верность, чтобы не взвалить на плечи мужа содержание ребенка чужого мужчины. Прелюбодеяние жены нарушает равновесие частно-семейного хозяйства, понятно, что буржуазия беспощадно преследует женщин за „измену“ законному мужу-кормильцу. На измену же мужа буржуазия смотрит сквозь пальцы—его поведение в этом случае не подрывает интересов частно-семейного хозяйства. Вдумались ли вы, почему так преследовало буржуазное общество вне-

брачную мать? Если любовная связь не зарегистрирована, т.-е. налицо нет брака, кто же будет „кормить“ и содержать ребенка? Очевидно, ребенок ляжет бременем либо на родителей „согрешившей“ девушки, что не в интересах частно-семейного хозяйства — папаши, либо содержать ребенка придется местному самоуправлению или государству, явление вовсе нежелательное для буржуазного строя, не любящего обременять себя задачами социального обеспечения.

Заметьте и то, что со второй половины XIX века, когда женщина начинает самое себя содержать наемным трудом, отношение к внебрачной матери постепенно изменяется даже в буржуазном мире. Целый ряд романов и много сочинений мыслителей конца XIX века, начала XX посвящены вопросу о „праве женщины на материнство“, защите внебрачных матерей.

В трудреспублике, где частные хозяйства, во всяком случае в городе, уступают место или, скажем точнее, имеют тенденцию, стремление уступать место общественному потреблению (дома-коммуны, советские столовые и др. формы коллективного потребления), где растет сеть учреждений социального воспитания и где каждая женщина трудится так же, как и мужчина, имеет свой паек, отдельно от мужа, вопрос брака выливается в новую форму. Люди в трудреспублике сходятся не по хозяйственному расчету, не для того, чтобы обзавестись „домком“ (хотя и сейчас еще расчет нередко играет роль, напр., расчет на двойной паек с помощью брака), а по взаимному влечению. Заключать договор влюбленной паре незачем; материального обеспечения они все равно друг другу дать не могут, так как квартиру, топливо, продукты и одежду каждый получает по пайкам или ордерам не через мужа или жену, а непосредственно по учету своей работы на коллектив из того учреждения, где протекает его труд. Разумеется, поскольку наша республика не в силах, все по той же бедности, выполнить свои обязательства по отношению к трудящимся и на практике осуществить то, что намечено ее политикой, приходится и сейчас пробавляться продуктами вольного рынка, вести хозяйство в частной квартире, заботиться о топливе и т. д. В связи с этим и брак до сих пор для многих представляет известную материальную сделку; например, женщина сходится с мужчиной не потому, что он ей дорог или мил, а потому, что, видите ли, у него „есть комната в доме советов“, или мужчина сходится с женщиной потому, что при двойном ордере на дрова легче зиму прозимовать!..

Но такие факты — уродливые извращения, пережитки прошлого, которые будут до тех пор цепко держаться в наших нравах, пока трудреспублика не победит разрухи. Важно уследить за общей линией развития, и эта общая линия указывает на то, что договорный, т.-е. оформленный, брак в Советской республике дает мало выгод, а потому число лиц, живущих свободным браком, естественно возрастает. Правда, считаясь с условиями переходного времени, когда трудреспублика еще не в силах поставить общественное потребление на должную высоту, когда слабо развита сеть учреждений социального воспитания, и когда трудреспублика не может взять на свое иждивение каждого нетрудоспособного члена, декрет о брачном праве предписывает: каждый из супругов обязан содержать другого в случае его нетрудоспособности. Это мера переходного времени, которая отомрет, как только хозяйственная жизнь трудреспублики наладится и возможно будет широко развить дело социального обеспечения. Практически это указание закона мало дает супругам. Что значит „содержать другого нетрудоспособного супруга", когда паек выдается на каждого супруга в отдельности? Это значит поделиться своим пайком. На это пойдут немногие. И обычно вопрос разрешается так: если один из супругов нетрудоспособен, другой обивает пороги всех тех общественных учреждений, которые могут взять нетрудоспособного на общественный паек: в санатории, больницы, дома для престарелых или инвалидов. И никто не упрекает здорового супруга за то, что он устроил свою нетрудоспособную „дражайшую половину" на общественное иждивение, хотя декрет и предписывает супругам взаимную помощь в момент нетрудоспособности; естественным кажется, что общество целиком должно нести заботы о своем нетрудоспособном члене, а не двое отдельных людей, хотя бы их и связывала взаимная любовь; бремя материальных забот должен нести коллектив, общество. Ведь пока человек трудоспособен, он помогает своим трудом создать те блага, те запасы, те ресурсы, из которых общество потом должно помочь ему в момент болезни, старости и инвалидности.

Брак предстает в новом свете. На наших глазах совершается великая перемена во взаимных отношениях брачной пары и, что особенно любопытно, новый быт, новые нравы отражаются даже в семьях бывшей буржуазии. С тех пор как буржуазные дамочки, эти недавние паразитки, наводнили наши советские учреждения и сами стали зарабатывать, они сразу приняли независимый тон по отноше-

нию к мужьям; часто случается, что жена зарабатывает больше мужа, и тогда услужливая и покорная супруга становится главой семьи. Жена спешит на службу, а муж остается колоть дрова, растапливать плиту, идет закупать на рынок. Когда-то эти барыньки закатывали мужьям истерику, если муж не давал денег на новую весеннюю шляпу, на пару новых туфель. Теперь жена знает, что с мужа ничего не спросишь. И свои истерики, добиваясь ордера или добавочного пайка, она закатывает в канцеляриях управделу или начальнику снабжения.

Чтобы быть справедливыми, надо, однако, сказать, что женщина бывшего буржуазнаго класса порой очень мужественно, я бы отметила,—более мужественно, чем их раскисающие мужья интеллигенты,—несут все тяготы современного переходного времени, научаясь совмещать службу и домоводство, борясь с лишениями и нескончаемыми неустройствами нашей жизни. Характерно и другое—даже и в этих буржуазных семьях намечается тенденция: упростить домоводство, перейти на общественное питание, отдать детей в „детский дом", одним словом, всячески разгрузить семью. Пусть это делается только под влиянием „необходимости", но ведь по мере поглощения частного хозяйства народным, эта необходимость будет не уменьшаться, а расти, значит, тенденция, существующая уже сейчас, будет крепнуть в нравах и привычках, а следовательно, семья в буржуазном смысле будет отмирать. Взамен вырастет, создастся новая семья — семья коллектива трудящихся, где не кровное родство, а общность работы, единство интересов, стремлений и задач будет крепко связывать людей, будет воспитывать из них истинных братьев по духу.

Новые условия производства и система хозяйства порождают новый быт; преобразованный быт создаст и новых людей, действительных коммунистов по духу и воле.

Поскольку брак перестает давать материальные выгоды брачущимся, он теряет свою устойчивость. Заметьте, супруги сейчас гораздо легче расходятся, чем это было раньше; раз налицо нет любви или привязанности, люди не стремятся во что бы то ни стало сохранить семью. Их уже не связывает, как раньше, общее домоводство, обязанность родителей по отношению к детям. Церковный обряд венчания перестает быть ненарушимым. Конечно, и это явление не всеобщее, оно еще далеко не стало правилом, но что оно есть, нарастает и будет нарастать по мере того, как мы создадим коммунистические формы жизни — это неоспоримо. Трудреспублика сделала уже попытку отделить

„кухню от брака"; коммунистический строй поможет очистить брачное общение от всякого привкуса материального расчета, выгоды. Смотрите, как часто теперь существуют своеобразные формы брака; брачные пары вовсе не связывают своих отношений со строительством „гнезда". Раньше, если человек собирался жениться, он обдумывал и высчитывал — может ли он позволить себе роскошь содержать жену? Насколько это будет „выгодно" ему самому? Девушка, выходя замуж, прикидывала, чем ее обеспечит муж? И оба вместе прежде всего, по мере сил и финансов, обзаводились „домком". Кто посостоятельнее, старался, приобретая жену, обзавестись и квартиркой, кто победнее — покупал хотя бы свой самовар. Все же это начало „хозяйства", „домка"... И жили супруги обязательно вместе. Разве житейская передряга разъединяла мужа с женой. Но это было явление ненормальное, не общепринятое.

Сейчас — любящая пара, а живут врозь. Муж и жена, иногда даже „для крепости" (когда люди влюблены, им хочется всегда закрепить любовь навсегда) сходят в комиссариат, зарегистрируют брак по советскому закону, а живут врозь: жена на одном конце города, а муж на другом; жена в Москве, муж в Ташкенте. Видятся урывками, — оба работают. Дело, общественные обязанности, — прежде всего... Всего чаще подобный брак встречается среди коммунистов, у которых сильнее развито чувство социального долга. И заметьте, раньше женщина особенно хлопотала о том, чтобы у нее было „свое хозяйство": как же без собственного печного горшка? Будто и не семья... Сейчас, наоборот, муж заговаривает о том, что хорошо бы этак обзавестись своей квартиркой, своим обедом, иметь жену всегда под рукою, а женщина, особенно, вся та растущая часть трудящихся женщин, которые вовлечены в творческую работу республики, слышать не хотят о „своем домке"... „Лучше разойдусь с ним, а на семейную жизнь, с хозяйством и мелочными домашними заботами, не соглашусь. Сейчас я могу работать для революции, а тогда... тогда я буду скована. Нет, лучше разойтись". И мужьям приходится мириться.

Конечно, не все мирятся. Были же случаи, когда мужья, возмущенные тем, что жены больше заняты женотделом, чем мужем и домоводством, сжигали бумаги женотдела! Но дело не в отдельных случаях.

Надо рассматривать явления в процессе их развития. Надо определить, куда клонится это развитие, к укреплению или изживанию семьи в обстановке трудовой респу-

блики, и если определить линию развития нашего хозяйства, то станет ясно: трудовой коллектив постепенно поглотит и растворит в себе прежнюю буржуазную семью.

Другое характерное явление, всецело возникающее из изменившихся хозяйственных отношений и из того факта, что в трудовой республике женщина является самостоятельной трудовой единицей, это—изменение нашего отношения к внебрачной матери. Где теперь тот мужчина, который не женится только потому, что у любимой им женщины был другой, до него? „Девственность" была нужна при частной собственности. „Законность" ребенка была нужна буржуазному обществу, во-первых, чтобы определить, кто обязан кормить ребенка [1]); во-вторых, чтобы передать имущество кровным детям.

Трудовой Республике, где нет частной собственности, и где родители не могут оставлять наследство детям, безразлично, в каком браке родился ребенок, ей важен сам ребенок, будущий работник.

Об этом ребенке обязана печься республика, будь этот ребенок плод брака по декрету или без соблюдения формальностей. Отсюда—новый подход к женщине-матери: республика обеспечивает каждую мать, не делая различия между внебрачными и законобрачными и не интересуясь, при каких обстоятельствах она родит ребенка, с признания ребенка отцом или без этого? Правда, мы встречаем еще и сейчас пережитки прошлого: так, при заполнении анкет стоит зачастую нелепый вопрос: замужняя или девица? в милиции спрашивают брачное свидетельство и т. д.—факты, показывающие, что власть прошлого еще сильна, и что не сразу может отделаться трудовое человечество от предрассудков буржуазного общества. Но ощущается и наблюдается также шаг вперед: где теперь самоубийства девушек внебрачных матерей? Где детоубийства несчастных матерей, желавших скрыть свой „позор"? О позоре внебрачного материнства вообще нет больше речи. Брак все более и более становится делом личным, тогда как материнство, наоборот, вырастает в самостоятельную социальную обязанность и обязанность важную, существенную. Брак может и должен подлежать регулировке общества только постольку,

---

[1]) В интересах частной собственности буржуазия не могла признать за внебрачными детьми право на содержание их внебрачными отцами. Такое признание права повлекло бы за собою „распыление" имущества—явление, совершенно неприемлемое при капиталистическом накоплении.

поскольку дело идет о больных людях. Но это уже вопрос особый. Тут слово предоставляется Наркомздраву.

В связи с изменением семейно-брачных отношений, изменяется и наше отношение к проституции. Проституции, в том виде, в каком она процветает в буржуазном обществе, в трудреспублике остается все меньше и меньше места. Проституция — плод полной необеспеченности женщин и их зависимости от мужчин. С введением трудповинности и с необходимостью для всех граждан иметь работу, профессиональная проституция естественно суживается, сокращается.

Поскольку она имеется у нас—трудовая республика борется с ней, но борется, не как с проституцией, а как с одним из явлений труддезертирства. Профессиональная проститутка, это—лицо, само не обогащающее коллектив своим трудом, но урывающее долю чужого пайка. Такое лицо трудреспублика преследует и наказует.

Но, осуждая проституток, борясь с ними, как с нетрудовым элементом, мы не выделяем их в специальную категорию. Для нас, для трудовой республики, совсем не важно, продается ли женщина одному мужчине или многим сразу; является ли она профессиональной проституткой, живущей не на свой полезный труд, а на продажу своих ласк законному мужу или приходящим, сменяющимся клиентам, покупателям женского тела. Все женщины-дезертирки труда, не участвующие в трудовой повинности и не несущие работы на малых детей в семье, подлежат на равных основаниях с проститутками принудительной трудовой повинности. И тут мы не можем делать разницы между проституткой или наизаконнейшей женой, живущей на содержании своего супруга, кто бы ни был ее супруг, хотя бы и сам „комиссар“...

Тут мы проводим уравнительную черту между всеми дезертирами труда. С точки зрения трудового коллектива, осуждению подлежит женщина не за то, что она продает свое тело, а за то, что она наравне с законными, но не трудящимися женами, не делает полезной работы на коллектив. Это новый, совершенно новый подход к проституции, продиктованный интересами трудового коллектива.

Профессиональная проституция у нас изживается; в таких крупных центрах, как Москва и Петроград, профессиональные проститутки насчитываются не десятками тысяч, как раньше, а с о т н я м и. Это шаг вперед. Но нельзя обольщаться надеждой, будто проституция у нас исчезла. Пока женщина зависима от мужчины, пока наемный труд

не обеспечивает женщинам покрытия их потребностей, пока кругом разруха и неустройство жизни, проституция будет существовать, хотя и в скрытой форме. Чем это не проституция, когда советская барышня отдается нелюбимому мужчине, чтобы получить повышение и паек? Чем же не проституция—схождение с мужчиной из-за ботинок до колен, сахара, муки? Чем не проституция, если женщина выходит замуж только потому, что „у него комната в доме советов"? Чем не проституция, когда мешечница-работница или крестьянка, едущая за мукой, принуждена отдавать себя проводнику за право на место на крыше или начальнику заградительного отряда, чтобы отстоять муку для детей?

Это все проституция, но уже в новой форме. Тяжелой, обидной и горькой для женщины, вредной для трудовой республики, так как она понижает здоровье населения (распространяет венерические болезни) и подрывает чувство товарищества. Но все же отрицать нельзя—эта форма проституции—шаг вперед по сравнению с проституцией профессиональной. Тогда женщина, жившая промыслом своих ласк, являлась заклейменным членом общества, предметом презрения. Мужчина, покупая ласки профессиональной проститутки, считал себя в праве как угодно издеваться и измываться над женщиной: жаловаться, протестовать—проститутка не смела. „Желтый билет" все дозволял. А не было его—женщина боялась запротестовать против грубости купившего ее мужчины, чтобы тот не отдал ее в руки полиции и не заставил регистрироваться как проститутку. Сейчас отношения несколько иные. Когда у женщины в кармане трудовая книжка, она перестает быть только предметом „купли и продажи". Если она и сходится с „материальным расчетом", то сходится с выбором, с тем, кто больше по вкусу. Расчетец постольку играет роль, поскольку хозяйственный и денежный момент имеет место в девяти случаях из десяти при заключении буржуазных браков. И мужчина, заметьте, совершенно иначе относится к профессиональной проститутке, к „девке", и к той женщине, с которой он сошелся по взаимному соглашению. Над этой женщиной не покуражишься. Она не позволит над собою измываться, она еще скорее, чем законная жена—„не потрафил"—ушла, и была такова.

Поскольку женский труд полностью не обеспечивает потребности женщины, поскольку и в трудреспублике женщины обычно работают в категориях хуже оплачиваемого труда—проституция, в ее скрытом виде, будет суще-

ствовать как подсобный промысел или как зарегистрированный брак по расчету, что по существу значит одно и то же. Сейчас с поворотом советской экономической политики под новым углом, на горизонте встает грозный призрак растущей безработицы женщин. Явление это, уже обозначившееся, влечет за собою возврат к проституции в ее худшей, профессиональной форме. Неизбежно с поворотом экономической политики приостановится процесс нарождения и формирования нового быта, новых нравов и нового отношения между полами, более отвечающих задачами коммунистического общества. Но в нашу задачу не входит рассматривать процесс обратного приспособления к изживавшимся формам. Дело рабочего класса идет вперед. Для строительства коммунизма мировым пролетариатом важнее отметить не процесс приспособления к прежним условиям экономических отношений, а учесть те достижения и те изменения, которые совершились на наших глазах в период расцвета диктатуры рабочего класса. Опыт строительства новых форм жизни должен быть зарегистрирован, учтен и использован.

Факт налицо—брак переживает эволюцию, семейные скрепы слабеют, материнство превращается в социальную функцию.

Указанными явлениями далеко не исчерпывается тот опытный материал из области изменения быта и нравов в эпоху диктатуры, который дает русская революция. Но более подробный анализ всех этих явлений отвлек бы нас в сторону. К ним мы вернемся в беседах об эволюции семьи. Пока же укажем еще раз, что октябрьская революция и строительство новой формы производства подтвердили на живом опыте революционных годов, что положение женщины в обществе и браке всецело определяется ее ролью в производстве и степенью ее соучастия в народном хозяйстве. Труд—мерило положения женщины: наемный труд в частно-семейном хозяйстве ее закрепостил; труд на коллектив несет с собой ее освобождение.

Пособия для слушателей по прочитанной лекции:

1. *П. Крупская*: „Война и деторождение“ („Коммунистка“, № 1—2).

2. *П. Семашко:* „Еще о больном вопросе“, („Коммунистка“, № 1—2).

3. Бюллетень Ц. О. работниц № 4 (тезисы об аборте и тезисы о мерах борьбы с проституцией).

4. *А. Коллонтай.* „Тезисы о коммунистической морали в области брачных отношений“ („Коммунистка, № 12—13).

5. *А. Коллонтай.* „Семья и коммунизм“ („Коммунистка, № 7).

6. *А. Коллонтай.* „Проституция и меры борьбы с ней“.

7. *С. Равич.* „Борьба с проституцией в Петрограде“ („Коммунистка“, № 1—2).

Лекция четырнадцатая.

Перспективы женского труда.

В прошлой беседе мы остановились с вами на революции нравов в области семейно-бытового уклада. Сегодня мы закончим наш цикл бесед выводом о том, в каких областях хозяйственного и социального строительства труд женщин может быть наиболее целесообразно применяем в период рабочей диктатуры. Этот вывод важен как для самой России, так и для пролетариата других стран, кому еще суждено совершить рабочую революцию.

С того момента как в трудреспублике все граждане, без различия пола, оказались привлеченными к общественному труду, намечается быстрый процесс раскрепощения женщины. Одна существенная оговорка: все отмеченные явления касаются преимущественно пролетариата, жителя города, населения промышленных районов. Деревни революция быта и нравов коснулась в относительно слабой степени. В крестьянстве, где хозяйство покоится на началах семейно-частного производства, где крестьянка является лишь, как правило, подсобницей мужа в хозяйстве, где физическая мускульная сила все еще играет большую роль, гораздо большую, чем при механизации труда в промышленности, положение крестьянки лишь мало изменилось. И, тем не менее, и в деревне произошел некоторый сдвиг в сторону признания известной доли самостоятельности и равноправности женщин. В Советской России на 8 миллионов крестьянок больше, чем крестьян. Этот факт влечет за собой необходимость считаться с одинокими крестьянками, как с представительницами хозяйственных единиц. Обычно — это вдовы павших воинов на фронте гражданской войны, вдовы солдат империалистической войны, жены и матери красноармейцев, вдовы рабочих. Трудповинность, к которой привлечена и крестьянка, гужевая и иная повинность заставляют волость и село считаться с этими одинокими крестьянками, брать в расчет их голос. Семенная кампания, разверстка или продналог—все это требует соучастия крестьянок и не только одиноких, но и членов семьи крестья-

нина. Гражданская война остро полоснула по крестьянке, вывела „бабу“ из ее вековой пассивности. Крестьянки, особенно на Украйне, на Дону и на Кубани явились активными участницами гражданской войны, ретиво защищая, смотря по разумению, „красных“ или „белых“. Во Франции, в Вандее и Бретани, во время великой революции, крестьянки являлись душою контр-революционных выступлений; так, и в Советской России всякого рода украинские „батьки“ находили в несознательных крестьянках опору и поддержку. Но так было лишь первые годы революции. За последнее время, наоборот, замечается определенный поворот настроения крестьянок в сторону поддержки Советской власти. С тех пор как Советская власть практически стала оказывать помощь женщине, способствуя ее раскрепощению, с тех пор как Р. К. П. стала созывать повсеместно, даже в глухих волостях, делегатские собрания, съезды работниц и крестьянок по уездам и губерниям и учить крестьянок, что надо делать, чтобы облегчить участь трудящейся женщины, симпатии широких кругов крестьянок определенно повернулись в нашу сторону. Два явления служат показателем того, что крестьянки не только начинают задумываться над своей судьбой, но и связывать раскрепощение с делом революции: тяга молодых крестьянок в город, в целях получения образования; в Свердловском университете, напр., на 402 курсантки приходится 58 крестьянок; в рабфаках насчитывается 10—15% крестьянок. На местах, в провинции, процент крестьянок в совпартшколах еще выше. Второй показатель—рост числа крестьянок, работающих в советских учреждениях и избираемых в члены уездного и губернского совета или исполкома. В первые годы революции членами советов являлись исключительно работницы, сейчас, местами, число крестьянок превосходит число работниц, членов совета. Только во Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов нет ни одной крестьянки.

Крестьянки являются деятельными работниками отделов советов на местах. Они занимают нередко в уезде весьма ответственные посты по земельному и продовольственному делу, по рабоче-крестьянской инспекции.

Там, где партия уже взрыхлила почву среди населения, коммунизм имеет среди крестьянок более горячих сторонниц, чем крестьяне. Это и понятно, крестьянин, прежде всего, хозяин-собственник; ему важен привычный уклад хозяйства, требующий полного подчинения власти старшего в семье всех домочадцев, включая и жену. Новшества в области быта мало обещают крестьянину практическое улуч-

шение его положения. Крестьянкам же, наоборот, коллективистические формы ведения сельского хозяйства, развитие молочных и всякого рода других кооперации и товариществ, при одновременной реформе быта в духе коммунизма (ясли, центральные пекарни, прачечные и так далее) весьма и весьма улыбаются; эти начинания несут ей непосредственное и практическое облегчение в жизни и труде. Вот почему крестьянки, схватив суть коммунизма легче, чем крестьянин, становятся опорой коммунизма, ярыми его сторонницами в деревне.

Есть еще одно характерное явление, свидетельствующее, что и в деревне пошатнуты прежние незыблемые основы семьи; о разводах в крестьянских семьях не было речи до революции. Муж еще иногда бросал жену, но чтобы крестьянка ушла от мужа, это было явление почти неслыханное, во всяком случае, возбуждавшее удивление и негодование села. Сейчас, с облегчением развода по декрету 1917 г., расхождение супругов стало явлением привычным в деревне, особенно среди более молодого поколения. Факт же ухода крестьянки от мужа перестал вызывать возмущение и удивление соседок. Чем больше крестьянка, в качестве самостоятельного работника и выборного члена Совета, несет ряд общественно-полезных для волости, села или уезда работ, тем естественнее и неизбежнее отмирает прежний взгляд на неравноценность женщины, и тем легче совершается процесс бытового раскрепощения женщины в деревне. Процесс этот еще укрепится с переходом сельского хозяйства России на механический труд (план электрификации земледелия) и укреплением в деревне кооперативного дела. Тогда и в деревне Советской России создадутся условия, при которых неизбежно начнется революция быта и нравов, а с ней и процесс полного раскрепощения женщины.

Правда, с переходом советской политики к новому курсу в области хозяйства, экономики, неизбежно приостановится строительство новых форм быта и нравов. А вместе с тем, замедлится процесс раскрепощения женщины и создание новых более совершенных форм брачных отношений, построенных не на расчете, а на взаимном влечении.

Но именно поэтому необходимо и важно сейчас, пока молодые побеги будущего еще свежи, пока враждебная стихия не ослабила их роста и не подрыла их корни, отметить явления, свидетельствующие о том, что за эти годы революции и строительства коммунизма уже успели

появиться новообразования в области быта и нравов. Будет в высшей степени полезно учесть опыт того, что дали эти годы, осознать формы, в какие начала выливаться жизнь, разобраться в процессах, складывающихся бытовых явлений. Такая работа помогла бы мировому пролетариату, которому предстоит довершить дело, начатое руками русских рабочих и работниц, извлечь полезный урок из нашего живого опыта. В какую бы темную, безрадостную, застойную полосу мы сейчас ни вступали, то великое, что достигнуто октябрем 1917 года, оставило на человечестве, и особенно на дальнейшей судьбе женщин, неизгладимый след. Задача женотделов сейчас, постольку, поскольку практическое строительство новых форм жизни приостанавливается, подытожить громадные успехи в деле революции быта и нравов, дать возможность широким массам осознать эти успехи, помочь массам равняться по передовым слоям пролетариата в своих понятиях, правах, стремлениях, пропагандировать наш живой опыт среди работниц всех стран мира, зажечь их сердца верой в практическую осуществимость всестороннего раскрепощения женщины при переходе к коммунизму. Факт налицо—русская революция положила начало не формальному, а практическому раскрепощению трудящейся женщины. Этого мало: Советская власть, первая в мире власть, которая к тому же взяла мать и ребенка под свою защиту. Советский строй создал условия, при которых возможно стало изжить одно из позорнейших явлений буржуазного мира—проституцию; в трудовой республике на место былой, крепостнической по духу, семьи, возникают более свободные, здоровые и гибкие формы брачного общения между полами.

Великая русская революция явилась освободительницей женщины. Но не следует забывать, что сама русская революция явилась делом рук работниц не в меньшей степени, чем рабочих и крестьян.

Работницы и крестьянки не только положили начало русской революции (Историческое выступление в международный день работниц 23 февраля—8 марта 1917 г.), но и активно участвовали в ней все тяжелые, напряженные годы гражданской войны.

Эта сторона вопроса вам достаточно известна, она так же, как и вся история движения работниц, сливается с движением нашей партии. Здесь остается только отметить, что нет такой области строительства советского, в которой работницы и крестьянки с первых дней диктатуры не

являлись бы активными участницами. Не мало женских имен будет связано с историей смелых начинаний Советской России в деле развития того или другого советского учреждения. С момента образования Советов, еще во времена Керенщины, работницы и крестьянки являлись деятельными членами Советов. Советская Россия—первая страна в мире, где в правительство избрана была женщина. Во всероссийском масштабе в первые месяцы по взятии власти женщина была членом Совнаркома, Народным Комиссаром Социального Обеспечения (тогда—государственного призрения); в Украине на том же посту до осени 1921 г. находилась тов. Майорова; в областном масштабе мы имеем целый ряд женщин комиссаров ответственных отраслей советского строительства. Многие коммунистки и сейчас состоят членами коллегии наркоматов, не говоря уже о заведующих советскими отделами. Среди них не мало работниц и крестьянок, непосредственно оторванных от станка вспомним хотя бы тов. Климову, Николаеву, Чернышеву, Калыгину, Икрянистову. Таких работников нового, советского строя мог так поспешно выковать лишь молот коммунизма на жарком пламени революционной борьбы.

Без живого сочувствия, без деятельного участия работниц и крестьянок при общей разрухе Советская власть не смогла бы провести и десятой доли тех начинаний, какие намечены были широким и смелым полетом пролетарского творчества. При общей разрухе и разлаженности жизни немыслимо было бы поставить и пустить в ход советские учреждения, если бы на помощь рабочему не подоспела разбуженная революцией работница. Будущий историк несомненно отметит, что одна из характерных особенностей нашей революции это то, что женщины работницы и крестьянки играли в ней не подсобную, как во времена великой французской революции, а активную, действенную роль. Не случайность, а, наоборот, яркий показатель того, что революция находила широкую опору среди работниц и крестьянок представляет Первый Всероссийский Съезд работниц и крестьянок, созванный в ноябре 1819 г. Съезд был задуман только в сентябре, подготовляла его группа инициаторш из 10—15 товарищей, подготовительная работа велась слабо, и все же достаточно было бросить в женские трудящиеся массы клич о выборах своих представительниц на Съезд работниц, чтобы к Съезду прибыло 1147 делегаток со всех концов России, даже из глухих медвежьих углов. Съезд этот лишь особенно яркий показатель того, как революция покончила сразу с вековой пассивностью женщины.

Но стоит внимательно приглядеться к каждому отдельному явлению нашей революционной деятельности, чтобы убедиться в значительности той роли, какую в ней сыграли женщины. Особенно показательно участие работниц в обороне республики. Эта область революционной работы далеко выходит за пределы обычной сферы женской жизни, и, казалось, в этой области женщины окажутся наименее приспособленными и полезными.

Однако классовой инстинкт оказался достаточно сильным в работнице, чтобы толкнуть ее на деятельную поддержку красного фронта. Уже в октябрьские дни мы видим работниц на боевых постах. Они налаживают походные кухни, организуют санитарные отряды, несут службы связи. В области использования женских сил в деле обороны Советская Россия по новому отнеслась к трудящимся женщинам.

Буржуазия всегда исходила из положения, что женщина была и должна остаться хранительницей домашнего очага, в то время как мужчина самой природой предназначен к защите этого очага, или, взявши это понятие шире—отечества, государства. „Дело бранное“ по понятиям буржуазии—дело мужское. Мысль вовлечь женщин в войска казалась буржуазному обществу чудовищной. Этим актом она подрывала бы устои семьи, этого необходимого института частной собственности и классового государства. Совершенно иначе относится трудовое государство к вопросу использования работниц и крестьянок для нужд армии и ее поддержки.

Переживаемый нами переходный период тесно и неразрывно сплетает долг каждого члена трудового государства по несению трудовой повинности и повинности по обороне трудовой республики. Великий переворот, совершившийся с октября 1917 г. в организации производства и системе народного хозяйства России, коренным образом отразился на судьбе женщины и ее роли в государстве. Коммунистическое государство, где все наличные силы взрослых граждан берутся на учет для более целесообразного их использования и для успешного развития производительных сил страны, уже не в состоянии обойтись без участия женщины. Но точно так же, как основная система хозяйства требует в интересах рабочего класса самого широкого вовлечения в него женщины, так же и самозащита класса от буржуазного господства требует использования работниц и крестьянок для целей армии и флота. Вовлечение женщин-работниц и крестьянок в военное дело диктуется не

временными политическими соображениями, какими руководствовались буржуазные правительства в империалистическую войну, а жизненными задачами класса. Рабоче-крестьянская армия может тем успешнее защищать революцию, чем более широкие круги трудового населения будут втянуты в ее боевые задачи.

Красная армия нуждается в активном участии работниц и крестьянок. Женские силы должны быть использованы для обеспечения победы на фронте точно так же, как эта победа необходима самой женщине в целях ее всестороннего освобождения и закрепления тех прав, какие октябрьская революция завоевала трудящимся женщинам. Поэтому оценивать участие работниц и крестьянок в работе армии приходится не только с точки зрения практической помощи, какую женщины уже оказали фронту, но и со стороны того неизбежного переворота, какой вносит вопрос о вовлечении женщины в военное дело. Если октябрьская революция положила основу уничтожению былого неравенства между полами, то активным участием женщин на двух основных наших фронтах—трудовом и красном—разбиваются последние предрассудки, питавшие это неравенство. Призывом женщины в войска окончательно закрепляется представление о ней, как о равноправном и равноценном члене трудового государства. Понятие о женщине, как о придатке к мужчине, уходит в область истории, остается в прошлом вместе с упраздненными принципами частной собственности и господством буржуазии.

Участие работниц и крестьянок в Красной армии сказывалось, прежде всего, в той политической работе, какую несли коммунистки в армии, работая нередко на линии огня в качестве политработников. Были случаи, когда коммунистки назначались членами Реввоенсоветов армий. Политическая работа дополнялась работой красных сестер и санитарок, за 1919—20 г. было выпущено свыше 6 тысяч красных сестер—все работницы и крестьянки. Женщины привлечены к несению службы связи в армии, к изучению дела снабжения. В единичных случаях женщины в качестве красноармейцев сражались на фронте. Не мало курсисток сейчас на командных курсах. Есть даже одна слушательница Академии Генштаба. Всевобуч привлек в свои ряды до 5000 молодых работниц и крестьянок за 1920 г. Ни одна призывная кампания не прошла без деятельного содействия работниц и крестьянок. Работницы и крестьянки помогали в борьбе с дезертирством, по сбору необходимого для армии обмундирования, обходили лазареты и сами заботи-

лись о судьбе больных и раненых красноармейцев. Призыв красного фронта находил самый горячий отклик в сердце работниц и крестьянок. Особенно много работниц выделили на фронт промышленные центры. Работницы классовым чутьем угадывают неразрывную связь, существующую между полным раскрепощением женщин и каждой первой победой красного фронта... Но, разумеется, самой крупной заслугой трудящихся женщин в деле обороны Советской Республики является их массовая помощь и активное участие в моменты острой гражданской войны, грозившие всем завоеваниям революции.

Наступление белых на Донбасс и Луганск в 1919 г., угроза Деникина и Юденича красному Петрограду осенью того же 1919 г. Луганску удалось отразить повторный натиск на красный город со стороны белогвардейских банд только благодаря массовому активному участию работниц и рабочих во всех областях обороны. Исторически памятно решение тульских работниц, принятое во время наступления Деникина: „В Москву Деникин придет разве только через наши трупы", заявили работницы, несшие в то время различного рода службу для фронта, от рытья окопов до ответственной службы связи.

Участие петроградских работниц при обороне Петрограда во время наступления Юденича слишком общеизвестно, чтобы на нем здесь останавливаться. Тысячи работниц Петрограда участвовали в пулеметных ротах, в службе связи, в саперных ротах, самоотверженно в холодную осеннюю погоду рыли окопы и помогали окутать Петроград сетью проволочных заграждений. Особенную пользу принесли работницы в качестве заградительных отрядов, останавливавших бегущих с фронта трусов и дезертиров. И то, что этих дезертиров останавливали женщины с винтовкой в руках, готовые сами умереть на посту, заставляло трусов пристыженными вернуться на покинутый боевой пост.

Но если в деле обороны Республики работницы и крестьянки играли хотя и значительную, все же лишь подсобную роль, то есть ряд других областей советского строительства, где творчество и инициатива принадлежат женщинам. Опять-таки, только историк, подводящий итог пройденному нами революционному пути, сможет со всей беспристрастностью отметить, сколько инициативы и живого практического творчества внесли работницы и крестьянки в дело социального воспитания или организации государственной помощи и охраны материнства. Смогла ли бы Советская власть в такой краткий срок, при общей разлаженности хо-

зяйства и отсутствии должных аппаратов, поставить эту работу в таком широком масштабе, если бы сами женские массы не спешили им навстречу и не поддерживали бы начинания советской политики? Ответ ясен — не могла бы.

Очень показательно, что трудящиеся женщины прежде всего кинулись на работу в те области советского строительства, которые непосредственно связаны с задачами раскрепощения женщины. Этому нисколько не противоречит тот факт, что очень многие женщины работали и в других областях, состоя членами коллегий наркоматов, Высшего Совета Народного Хозяйства, работая, от низов до верхов, в различных советских учреждениях. Но все же неоспоримым остается факт, что главная масса работниц и крестьянок с момента начавшегося советского строительства хлынула в те отрасли работы, которые были ближе женщине по ее трудовым навыкам и привычкам, понятнее ей, теснее связаны с ее природной задачей—материнством.

Женские массы потянулись на работу в отделы охраны материнства, социального воспитания, общественного питания. Меньше—в жилищный отдел; очевидно, преобразование быта путем изменения жилищных условий не так ясно усваивалось трудящимися женскими массами, хотя решение жилищного вопроса не менее важно в смысле бытового раскрепощения женщин, чем организация столовых. И заметьте, первые годы своей работы Комиссии работниц, позднее Отделы, направляют свою главную заботу на то, чтобы именно к этим областям советского строительства привлечь работниц и крестьянок. Женотделы правильно поняли, что надо начинать с того, чтобы использовать для коллектива труд женщин в привычной для них области работы. А затем уже вовлекать женщин и в другие, менее знакомые им, области строительства.

Благодаря тому, что широкие женские массы с первых месяцев революции с интересом и воодушевлением взялись за преобразование хозяйственно-бытового уклада, сулящего женщине раскрепощение от домашнего рабства, Советская власть смогла проводить в других областях жизни свою широкую и смелую революционную программу—создание трудового государства.

Произошло естественное разделение труда: в областях, более близких и понятных женщине, теснее связанных с ее природной задачей—материнством—и с трудовыми навыками, воспитанными в женщине веками, орудуют по преимуществу сами трудящиеся женщины. И здесь работницы и крестьянки не только помощницы мужчин, но и сами проявляют живую

инициативу. В остальных отраслях государственного строительства руководящая роль остается за рабочим, за крестьянином. В этих областях женщины по преимуществу (есть и тут исключения) несут работу подсобную. Такое разделение труда, однако, ведет не к разделению интересов пролетариата обоего пола, а к нормальному жизненному скреплению трудовых начинаний в общий неразрывный узел.

Этим мы не хотим сказать, будто женщины способны выполнять с пользою лишь ту работу, которая теснее связана с домоводством и воспитанием детей. Напротив, мы с вами знаем, какую громадную роль сыграли работницы и крестьянки в революционной борьбе и строительстве. Ни одно начинание в Советской России не обошлось без вовлечения в него женщин. Разве возможно было бы так упорно вести борьбу с контр-революцией и спекуляцией, если бы в этой борьбе женщины пролетариата не принимали самого активного участия? Разве осуществимы были бы все повторные мобилизации на красный фронт, если бы работницы и крестьянки не помогали проведению мобилизационных кампаний? Разве не оказали работницы и крестьянки громадных услуг Наркомздраву, участвуя активно в борьбе с эпидемиями? Не раз отмечалось, что все наши многочисленные кампании, политические и хозяйственные, все наши нескончаемые „недели“ имели успех именно потому, что живыми их участницами являлись широкие массы работниц и крестьянок.

И все же, несмотря на все это, нельзя не учесть того факта, что в период диктатуры силы трудящихся женщин стихийно, отвечая здоровому инстинкту, направляются в те области строительства новых форм жизни, нового уклада, где эти силы могут быть употреблены, использованы с наибольшей пользой для себя и для трудового коллектива. Опыт русской революции позволяет сделать заключение, что подсказанное жизнью и здоровым чутьем всего пролетариата решение разделить между собой области строительства было подсказано правильно. Работая в областях наиболее знакомых женщине (налаживание общественного питания, детских домов, охраны материнства), женщины тем самым могли дать революционному строительству, всегда спешному, всегда требующему наибольшей затраты сил, максимум своей трудовой энергии, помогая этим достичь максимума строительных успехов и всей трудовой республике. Меньше, чем когда-либо должен пролетариат в эпоху диктатуры становиться на точку зрения буржуазного феминизма, провозглашая равноправность женщин, как голый принцип.

Разумно понятый государственный расчет, наоборот, заставляет учитывать физические и духовные особенности женщины, своеобразие обоих полов, их отличительные черты и качества и сообразно с этим распределять между ними различные области единой по своей общей цели работы.

Не равноправность, а целесообразное использование женских сил при соблюдении охраны интересов женщины, как носительницы материнства, должно стать лозунгом работниц в период диктатуры.

Опыт русской революции должен быть учтен нашими товарищами в других странах. Для того, чтобы в момент захвата власти пролетариат мог без промедления приступить к строительству новых форм жизни, надо готовить не только кадры умелых хозяйственников рабочих и работниц, знакомых с основами производства, не только борцов красной армии, но и строительниц нового коммунистического быта работниц, умеющих поставить детский сад, ясли, общественную столовую, организовать общежития и создать наиболее целесообразный тип домов-коммун. Пролетариат не может творить новых форм жизни без самого деятельного участия в строительстве широких женских трудовых масс. Поэтому вопрос о воспитании широких женских масс в духе коммунизма и приобретает такое важное значение для рабочего класса всех стран. Работа среди женщин перестает быть делом одних работниц. Именно в эпоху современной обостренной классовой борьбы, когда вопрос идет не о мелких преобразованиях, а о коренной революции всего хозяйства и быта, вопрос об умелом использовании женских сил для борьбы на гражданском фронте и для строительства, с момента захвата власти пролетариатом, приобретает серьезное политическое значение. И враги пролетариата это прекрасно учитывают. Недаром буржуазные правительства спешат навстречу женщинам, бросая им подачки в виде политического равноправия или пересмотра брачного законодательства, чтобы этим задержать опасную критику и недовольство со стороны женских масс. В противовес им коммунисты в международном масштабе должны усилить свою работу среди женского пролетариата—задача, предпринятая Международным Женским Секретариатом Коминтерна. Работа эта должна исходить из определенного принципа: единство интересов пролетариата обоего пола, слитность движения и общих целей, но непременный учет особенностей женщины, вытекающих из ее дополнительной социальной обязанности—материнства. Трудовое государ-

ство должно использовать трудовые силы женщины, но во-первых, вовлекать ее в те области, которые ближе отвечают ее навыкам и где, следовательно, она сможет дать максимум полезности, во-вторых, — всегда помнить, что женщина не только трудовая единица, но и мать. Женщина несет на трудовой коллектив двойную обязанность: она трудится наравне с мужчиной и, сверх того дарит обществу нового члена, нового работника. Отсюда надо, чтобы трудовое общество, с своей стороны, признало за собою обязанность о с о б о й з а б о т ы о ж е н щ и н е. Не равноправности должны мы добиваться в эпоху диктатуры, а целесообразного, разумного использования женских трудовых сил, связанных с охраной материнства.

На этом, товарищи, мы закончим цикл наших лекций. Надеюсь, после наших 14 бесед для вас ясно, что положение женщины и ее права определяются ее ролью в общественном хозяйстве.

При капитализме, построенном на системе частных хозяйств, тесно сплетающихся с семейным бытом и неразрывно-связанных с частно-семейным потреблением, женщина обречена вести непроизводительную работу по хозяйству. Раскрепощение ее при капитализме — неосуществимо, даже если буржуазные правительства бросят женщинам в области формально правового равноправия и еще несколько подачек. Только коренным образом изменяющаяся уже в переходную эпоху диктатуры роль женщины в самом хозяйстве, в производстве, а значит и в социальной жизни, как показывает опыт Советской России, ведет за собой непременное и неизбежное превращение женщины в полезного общественного работника, а это создает фундамент для ее раскрепощения. Неразрешимый в пределах буржуазного мира женский вопрос в Советской России находит разрешение путем приобщения всех взрослых и трудоспособных женщин к общественно-полезному труду с одной стороны, путем строительства коммунистических форм хозяйства и быта—с другой. Вам, работникам среди женщин в Советской России, теперь должно быть ясно, что если работница и крестьянка томится неволей, своей горькой „бабьей долюшкой“, то выход для нее найден: чем больше приложит она сама сил и труда к созданию новых форм производства и быта, тем скорее спадут с нее вековые цепи женского рабства. Русская революция широко раскрыла перед трудящимися женщинами возможность раскрепощения женщины. Теперь все дело в воле и осознании своих задач со стороны трудящихся женщин. Фундамент создан. Путь на-

мечен. Вехи расставлены. Остается: строить, строить и строить...

Диктатура частной собственности навеки закабалила женщину, диктатура трудящихся—ее освободит!

Пособия для слушателей по прочитанной лекции:

1. Деятельность Отделов по работе среди женщин РКП.

2. Сборник Инструкций Отдела по работе среди женщин ЦКРКП.

3. „Три года диктатуры пролетариата" (Сборник статей М. Отд. раб.).

4. *А. Коллонтай:* „Работницы и крестьянки и красный фронт".

5. *Путиловская:* „Оборона Петрограда и работница".

6. *К. Самойлова:* „Организационные задачи отдела работниц".

7. *Р. Блонина:* „Очередные задачи Отдела работниц".

8. *А. Коллонтай:* „Работница и крестьянка в Советской России".

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Лекция первая.

Роль и положение женщины при первобытном коммунизме 3

Лекция вторая.

Роль женщины в хозяйстве, построенном на труде рабов.... 18

Лекция третья.

Женщина в системе замкнутого натурального хозяйства.... 31

Лекция четвертая.

Женский труд при господстве ремесленного производства и общинного землепользования..... 46

Лекция пятая.

Положение женщины в эпоху расцвета торгового капитала и начала мануфактурного периода 60

Лекция шестая.

Женский труд при развитии крупно-капиталистического производства 80

Лекция седьмая.

Причины женского вопроса..... 95

Лекция восьмая.

Движение феминисток и участие работниц в классовой борьбе 109

Лекция девятая.

Женский труд военного времени 129

Лекция десятая.

Эпоха диктатуры.

А. Организация труда 143

Лекция одиннадцатая.

Эпоха диктатуры.

Б. Условия труда и его охрана 155

Лекция двенадцатая.

Эпоха диктатуры.

В. Революция быта..... 166

Лекция тринадцатая.

Эпоха диктатуры.

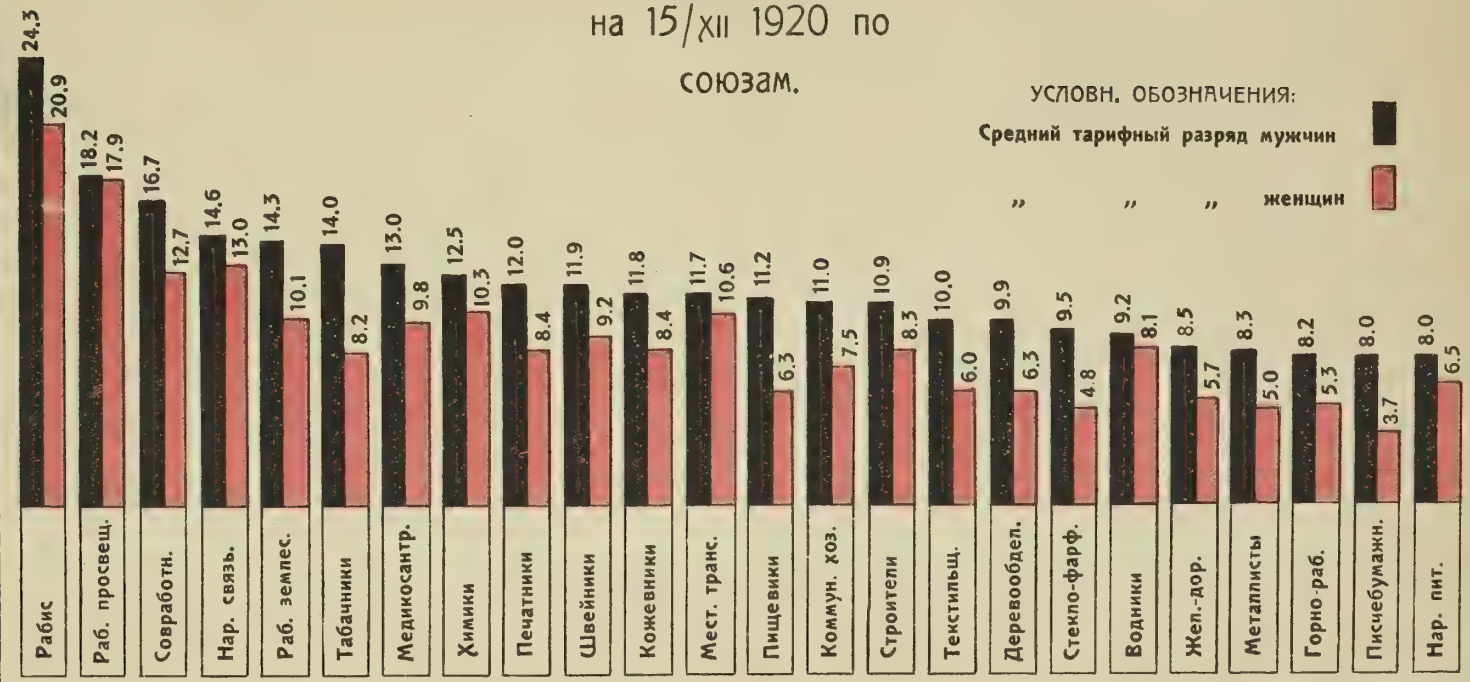
Г. Революция нравов..... 181

Лекция четырнадцатая.

Перспективы женского труда..... 196

Средний тарифный разряд

рабочих и служащих (мужч. и женщ.)
на 15/XII 1920 по
союзам.



DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Trud zhenshchiny v evoliutsii k
331.4 K81T
D90109420P